12 р. 35 к.

Э(55)
А-868

ГОСУДАРСТВО НАДИР-ШАХА АФШАРА

М. Р. АРУНОВА, К. З. АШРАФЯН

ГОСУДАРСТВО НАДИР-ШАХА АФШАРА

ИВЛ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

М. Р. АРУНОВА и К. З. АШРАФЯН

9(55)
А-868
доб.
016:9(55)

ГОСУДАРСТВО НАДИР-ШАХА АФШАРА

ОЧЕРКИ
ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ
В ИРАНЕ 30—40-х ГОДОВ
XVIII ВЕКА

11430-28

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА — 1958

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
доктор исторических наук
И. М. РЕЙСНЕР

1961

ПРЕДИСЛОВИЕ

В отечественной и зарубежной исторической литературе нет специальных работ, посвященных исследованию социально-экономических отношений в государстве Надир-шаха. Вместе с тем некоторыми авторами изучен ряд проблем, имеющих непосредственное отношение к вопросам, рассматриваемым в предлагаемой работе. В этой связи следует назвать труды В. В. Бартольда, И. П. Петрушевского, Б. Н. Заходера, И. М. Рейснера, Н. Д. Миклухо-Маклая, П. Т. Арутюняна, Б. М. Арутюняна, В. Ф. Минорского, Л. Локкарта и других советских и зарубежных историков [1].

Особое место занимают работы И. П. Петрушевского, главным образом капитальное исследование «Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI — начале XIX вв.». Автор на основе глубокого изучения разнообразных источников дал марксистское исследование социально-экономических отношений в Азербайджане, Армении и Иране, уделил внимание особенностям общественного строя и периодизации развития этих стран.

В «Очерках» охарактеризован ряд феодальных институтов и форм землевладения в Армении, Азербайджане и Иране, раскрыты причины экономического упадка государства Сефевидов в конце XVII и начале XVIII в., а также освещены вопросы налоговой системы, прикрепления крестьян к земле и т. п. В своей работе специально или попутно автср решает ряд неразработанных ранее

[1] См. библиографию.

проблем политической истории Армении, Азербайджана и Ирана XVI — первой четверти XIX в.

Большой научный интерес представляют труды Н. Д. Миклухо-Маклая, в частности его кандидатская диссертация «Афганское нашествие в Иране (1722—1730)», статьи о трехтомном труде Мухаммеда Казима, рукопись «Тарих-и аламара-йи Надири» и др. Н. Д. Миклухо-Маклай исследует историю сефевидского государства конца XVII и первой четверти XVIII в. и афганского владычества в Иране (1722—1730). Заслугой Н. Д. Миклухо-Маклая является изучение освободительной борьбы народных масс против афганского ига, а также данная им характеристика деятельности Надира в конце 20 — начале 30-х годов XVIII в. Н. Д. Миклухо-Маклай написал биографию Мухаммеда Казима, составил полное научное описание первого тома его труда и установил, что Мухаммед Казим является единственным автором «Тарих-и аламара-йи Надири». Ранее существовало мнение, что окончание этого труда написано не им, а его сыном.

В 1954 г. Издательство Академии наук СССР выпустило монографию П. Т. Арутюняна, в которой обращено особое внимание на изучение упорной борьбы армянского народа в союзе с другими народами Закавказья против ига турецких и иранских феодалов. В первой и второй главах автор дал характеристику феодального землевладения, нарисовал картину разложения армянской сельской общины, бесправного положения народных масс, социального гнета сефевидских шахов в Восточной Армении в XVI—XVII вв.

Среди трудов зарубежных авторов следует в первую очередь отметить работы Л. Локкарта и профессора Кембриджского университета В. Ф. Минорского [2].

Локкарт подробно изложил военно-политическую историю государства Надир-шаха 30—40-х годов XVIII в., использовав много персидских, турецких, индийских, армянских, грузинских, русских и западноевропейских источников. В монографии содержится разнообразный ценный фактический материал, обработанный и систематизированный.

[2] См. библиографию.

Однако объяснение Л. Локкартом ряда важнейших событий вызывает серьезные возражения. Например, мы не можем согласиться с мнением автора, что основная причина падения сефевидского государства заключалась в физическом вырождении правящей династии. Утверждение, что Надир-шах возвел Иран «от его низкого состояния до положения первой державы в Азии» [3], свидетельствует о преувеличении роли Надира в истории Ирана. Локкарт игнорирует многочисленные материалы, на основании которых можно говорить об углубляющемся экономическом упадке страны. Автор лишь сообщает почерпнутые из источников сведения о внутреннем положении государства Надир-шаха, а причины, приведшие к распаду этого государства, не анализирует. Говоря о восстаниях 40-х годов XVIII в., Локкарт не делает различия между крестьянскими восстаниями, освободительными движениями покоренных народов и феодальными мятежами. Поражения всех этих движений он объясняет не их внутренней слабостью, а лишь отсутствием у «мятежников» достаточно крупных военных сил. Жесточайший террор, царивший в стране в последние годы правления Надир-шаха и возникший в результате разложения феодального государства и ослабления шахской власти, автор объясняет только как следствие умопомешательства и все возраставшей жестокости Надира.

В работе известного зарубежного ученого В. Ф. Минорского «Очерк истории Надир-шаха» [4] освещаются главным образом вопросы военно-политической истории. В. Ф. Минорскому, как и Локкарту, не были доступны такие ценные источники по истории 30—40-х годов XVIII в., как полный текст труда Мухаммеда Казима и русские архивные материалы.

Несравненно бóльший научный интерес представляет работа В. Ф. Минорского по изданию персидского анонимного труда первой четверти XVIII в. «Тазкират ал-мулюк». Историческое введение и научный комментарий, составленные В. Ф. Минорским, исключительно ценны

[3] L. Lockhart, *Nadir shah. Critical study, based mainly upon contemporary sources*, London, 1938, p. 1.

[4] V. Minorsky, *Esquisse d'une histoire de Nadir-Chah*, Paris, 1934.

для изучения вопросов феодального землевладения, фискальной системы и т. п. Исследование этого памятника стало несомненным достижением востоковедческой науки последнего времени.

В 1940 г. в Тегеране была издана работа Ларуди Нуролла («Жизнь Надир-шаха — сына меча»), в которой изложена военно-политическая деятельность Надира. На протяжении всей книги автор восхваляет Надир-шаха и сильно преувеличивает его роль в истории Ирана. Уделяя главное внимание военным походам Надира, Ларуди Нуролла подробно останавливается на тех из них, которые завершились победой. В то же время автор замалчивает его поражения; например, неудачный поход в Дагестан, длившийся около двух лет, рассматривается крайне поверхностно. В работе также совершенно не отражены положение народных масс и их борьба против усиления феодального гнета. Восстания 40-х годов XVIII в. он, подобно некоторым другим зарубежным историкам, характеризует как «мятежи» и «бунты». Основной источник по истории Ирана и сопредельных стран в 30—40-х годах XVIII в. — трехтомная хроника Мухамеда Казима «Тарих-и аламара-йи Надири» — не использован автором полностью.

* * *

Авторы данной работы не претендуют на исчерпывающее освещение истории государства Надир-шаха, а лишь пытаются выяснить некоторые общие вопросы, в частности вопросы об усилении феодальной эксплуатации, о народных и народно-освободительных движениях (главным образом в 40-х годах XVIII в.), о классовой природе государства Надир-шаха и причинах его распада.

Авторы считают своим долгом выразить признательность проф. И. П. Петрушевскому, сделавшему ценные замечания, и другим сотрудникам Института востоковедения, принявшим участие в обсуждении данной работы.

ГЛАВА I

ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ

ПЕРСИДСКИЕ ИСТОЧНИКИ

Одним из наиболее ценных источников по истории Ирана 20—30-х годов XVIII в. является труд шейха Мухаммеда Али Хазина.

Шейх Хазин родился в 1692 г. в Гиляне, он происходил из фамилии Захидиев — гилянских дервишских шейхов[1]. Ученый зоолог и путешественник, шейх Хазин является автором многих работ. Наиболее известная и важная из них — «История жизни шейха Мухаммед Али Хазина, каковую он сам написал». Персидский текст и его перевод на английский язык изданы Ф. С. Белфуром[2].

Шейх Хазин сообщает весьма ценные сведения об афганском нашествии и турецкой оккупации Ирана в 20-х годах XVIII в.

Во время осады Исфахана афганцами (1722) шейх Хазин находился в осажденной столице. Всего за несколько дней до сдачи Исфахана он вместе с несколькими

[1] Подробно о нем см.: И. П. Петрушевский, *Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI — начале XIX вв.*, Л., 1949; Н. Д. Миклухо-Маклай, *Афганское нашествие в Иране* (канд. диссертация), Ленинградское отделение Института востоковедения.

[2] [Sheikh Hasin] *«The life of Sheikh Mohammed Ali Hasin, written by himself»*, ed. by F. S. Belfour, Persian text with an english translation, London, 1830—1831 (далее — *«The life of Sheikh Mohammed Ali Hasin...»*).

знатными горожанами тайком вышел из города. В течение следующих десяти лет шейх странствовал по различным областям государства и посетил Нехавенд, Дизфуль, Шуштер, Керманшах, Багдад, Мешхед, Курдистан, Азербайджан, Гилян. В некоторых городах Хазин проживал по нескольку месяцев и даже лет, что дало ему возможность наблюдать жизнь и героическую борьбу населения против чужеземных завоевателей [3]. Когда Надир Кули-хан, низложив шаха Тахмаспа II, провозгласил иранским шахом годовалого Аббаса III и стал фактически правителем страны, Хазин эмигрировал из Ирана в Индию, где прожил 44 года. Умер он в Бенаресе в 1779 г.

Монография Хазина заслуживает особого внимания потому, что автор был свидетелем описываемых событий.

В автобиографии Хазина содержатся ценные сведения об экономическом упадке страны [4] в результате афганского и турецкого завоеваний. Из оригинальных материалов Хазина видно, что при Надире уже в начале 30-х годов XVIII в. резко усилился гнет крестьянства и основной массы горожан. Вследствие тяжелых налогов вспыхивали восстания, жестоко подавлявшиеся воинами Надир Кули-хана [5]. Хазин был свидетелем некоторых из них. В частности, он находился в Ларе во время восстания, вызванного вымогательствами и произволом чиновников фиска.

В отличие от историографов Надира, а также многих западноевропейских авторов (современников шаха), которые характеризуют Надира как освободителя, подчеркивают якобы безграничную любовь народа к своему повелителю, но ничего не говорят о тяжкой эксплуатации и непримиримых классовых противоречиях внутри общества, шейх Хазин не идеализирует Надира.

В работе Хазина содержатся ценнейшие сведения о борьбе крестьян и городской бедноты Ирана и Азербайджана против афганских и турецких завоевателей. Он подробно описывает героическую защиту населением отдельных городов [6]. Такого содержательного материала о борьбе народных масс против чужеземных завоевателей нет в сочинениях других авторов.

Однако движущей силой народной борьбы он считает не патриотизм народных масс, не ненависть их ко всей системе экономического и политического гнета, а приверженность дому Сефевидов. Например, рассказывая о борьбе шаха Тахмаспа с афганцами и различными феодальными владетелями, в частности с Мелик-Махмудом Систанским, самодержавно правившим тогда в Хорасане (причем роль Надира в этих событиях совершенно игнорируется), автор замечает, что «население различных областей и подданные Хорасана, верные роду Сефевидов, отдавали свои города в его (Тахмаспа. — *М. А., К. А.*) владение, толпами приходили в войско падишаха; они поступали к нему на службу, вверяли ему себя и свою жизнь» [7].

Той же якобы существовавшей в народе преданностью Сефевидам автор объясняет участие народных масс в восстании, руководимом правителем Фарса Мухаммед-ханом белуджем. «Народ был действительно предан высокому роду Сефевидов, а так как Мухаммед-хан хвастал своей преданностью этому дому, народ примкнул к нему» [8]. Нечего и говорить, что активность крестьян была выражением протеста против жестокой эксплуатации. Крестьяне Фарса, разоренные войнами, подвергавшиеся грабежу со стороны завоевателей, а также шахской власти, естественно, были недовольны своим положением. Надежды, что изгнание афганских и турецких завоевателей, как отмечал Хазин, внесет какие-либо улучшения в их положение, не оправдались. Поэтому крестьяне Фарса поддерживали выступления местных феодалов против Надира.

Хазин завершает свой труд описанием Муганского курултая и провозглашением Надира шахом (1736), если не считать нескольких последних страниц, посвященных событиям в Дели и жизнеописанию некоторых современников автора.

[3] «*The life of Sheikh Mohammed Ali Hasin...*», p. 125, 126, 138, 143—151, 153, 154.

[4] Ibid., p. 152—154, 156, 191, 194, 195, 206, 207..

[5] Ibid., p. 204, 222, 229—231, 246, 247, 253.

[6] Ibid., p. 125, 126, 138, 143, 151, 153, 154.

[7] Ibid., p. 141.

[8] Ibid., p. 222, 223.

«Тазкират ал-мулюк» («Памятная записка для царей») — довольно подробный обзор сефевидской администрации, составленный неизвестным автором по приказу афганского эмира Махмуда гильзая, объявившего себя в 1722 г. шахом Ирана. Рукопись находится в Британском музее. Как уже отмечалось, она была издана В. Ф. Минорским (1943).

«Тазкират ал-мулюк» состоит из пяти глав и заключения: в первой главе говорится о духовных должностях, ко второй главе — о великих эмирах — приложен список четырнадцати из них, проживающих в столице и именуемых али-джах. В третьей главе говорится о сановниках (мукарраб). Автор разделяет их на две категории: мукарраб ал-хакан (евнухи и восемь гражданских должностных лиц) и мукарраб ал-хазрат (четыре церемониймейстера и привратника и восемнадцать управляющих отдельными частями дворцового хозяйства, дворцовыми мастерскими и службами). В четвертой главе описана финансовая администрация и в пятой — деятельность четырнадцати должностных лиц столицы и ее предместий.

Наибольшую ценность представляет заключение, в котором излагается система вознаграждения тридцати высших должностных лиц, приведен список правителей областей, указаны их жалованье и численность поставляемых ими войск, а также сообщается бюджет сефевидского государства.

Сведения, имеющиеся в этом труде и относящиеся ко времени правления Сефевидов, необходимы нам главным образом для сравнения с данными об административном аппарате, о формах оплаты должностных лиц и войска, а также о доходах в государстве Надир-шаха.

Мирза Мухаммед Мехди-хан Астерабади — автор трудов о Надир-шахе.

Полное имя Мирзы Мехди было Низам-ад-дин Мухаммед Хаджи ал-Хусейн ас-Сефеви. Родился он в Астерабаде и, судя по имени, происходил из фамилии Сефевидов. Мехди-хан, крупный ученый-филолог своего времени, был одним из наиболее близких Надиру придворных, выполнял его различные поручения и долгое время в качестве личного секретаря сопровождал шаха во многих походах, вел официальную переписку с турецким султаном, русским двором, составлял шахские грамоты.

После вступления Надира на престол (1736) Мирза Мехди-хан был назначен шахским придворным историографом. Русские дипломатические представители в Иране называли его, очевидно не без основания, первым министром [9]. В 1738 г. Мирза Мехди получил от Надира титул хана [10].

Из всех сочинений Мехди-хана наиболее интересна «Тарих-и Надири» [11], получившая широкое распространение на Востоке и в Европе. Некоторые сведения, приведенные в этой работе о Туркмении, помещены в «Материалах по истории туркмен и Туркмении» [12]. Труд Мехди-хана переведен на языки: французский, английский, немецкий и урду. Мы пользовались бомбейской литографией текста на персидском языке.

Написанная сложным и витиеватым литературным языком с большим числом гипербол, сравнений, эпитетов и стихов, эта монография имеет большое значение для изучения вопросов военно-политической истории данного периода.

Желая возвеличить и прославить своего патрона, автор «Тарих-и Надири» целиком приписывает Надир-шаху освобождение Ирана от чужеземных завоевателей, совершенно пренебрегая ролью народных масс в борьбе с афганцами и турками.

Мехди-хан превозносит военные успехи и победы Надира и избегает писать о его неудачах и поражениях. В частности, он старается, хотя подчас и тщетно, скрыть тяжелые последствия поражений, понесенных войском Надир-шаха во время дагестанского похода 1741—1743 гг. Мехди-хан оправдывает завоевательную политику Надира. Объясняя его поход в Индию политическими мотивами, он возлагает всю ответственность за его последствия на могольского шаха Мухаммеда. Походы Надира в Среднюю Азию и Дагестан автор характеризует как оборонительные. Войны с Турцией Мехди-хан объяс-

[9] Архив внешней политики России (далее — АВПР), ф. «Сношения России с Персией», 1738, д. 7, л. 768.

[10] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1744, д. 14, л. 95.

[11] میرزا محمد مهدی خان استرابادی، تاریخ نادری، بومبی، ١٧٤٩. (далее — Мехди-хан, *Тарих-и Надири*).

[12] «Материалы по истории туркмен и Туркмении», т. II, М.—Л., 1938.

няет желанием Надира установить вечный мир между шиитами и суннитами и стремлением прекратить вековую вражду турок и персов.

Автор целиком поддерживает внешнюю политику Надир-шаха, а освободительные движения покоренных народов рассматривает как явления незаконные, как дерзость и оскорбление шахской власти.

Жизнь народа почти не отражена в сочинении этого придворного историографа. Бедственное положение народных масс не волновало его. При описании народных восстаний и освободительных движений Мехди-хан проявлял резкую враждебность к народным массам и их борьбе. Повстанцев он презрительно называл «ворами», «чернью», «мятежниками». В ряде случаев Мехди-хан искажает события. Например, излагая ход восстания в Ширване в 1743 г., он утверждает, что население Табасарана и Шаберана лишь «волей-неволей повиновалось им»[13]. Однако в других источниках отмечается, что население этих районов добровольно присоединялось к повстанцам.

В то же время Мехди-хан изображает Надир-шаха великим героем, якобы пользовавшимся всеобщей любовью в народе и войске, и наделяет его высокими качествами. Однако ниже мы приведем многочисленные фактические данные, полностью опровергающие эти положения Мехди-хана.

В заключительной главе «Тарих-и Надири» рассказывается о последних годах правления Надир-шаха, о разложении и упадке государства. По всей вероятности, она написана уже после смерти Надир-шаха.

Второй использованный в нашей работе труд Мехди-хана — «Инша-намэ», сборник копий различных официальных документов — дипломатическая переписка с русским и турецким дворами, письма шаха Султан Хусейна (1694—1722), Тахмаспа II (1722—1732) и Надир-шаха (1736—1747); указы о назначении правителей областей, а также жалованья отдельным должностным лицам, вакфные грамоты и т. д.[14].

---

[13] Мехди-хан, *Тарих-и Надири*, стр. 250.

[14] میرزا محمد مهدی خان استرابادی، انشاء نامه، تبریز، ۱۹۰۹ (далее — Мирза Мехди-хан Астерабади, *Инша-намэ*).

Основные материалы, приведенные в настоящей работе, взяты из трехтомного труда Мухаммеда Қазима «Тарих-и аламара-йи Надири»[15].

Мухаммед Қазим происходил из Мерва. Отец его находился на службе у Надира и участвовал вместе с ним в походе на Герат в 1728—1729 гг., а затем был послан на восстановление мазара в город Қаин (1732—1733) и Мервской плотины (1734—1735). Так же как и его отец, Мухаммед Қазим поступил на службу к Надиру и дослужился до везира Мерва. После смерти Надира Мухаммед Қазим отошел от служебных дел и занялся литературной деятельностью.

Мухаммед Қазим был современником и очевидцем многих событий, о которых писал. Его труд, представленный уникальной трехтомной рукописью, выполненной по заказу автора, хранится в Секторе восточных рукописей Института востоковедения Академии наук СССР в Ленинграде.

Второй (327 листов) и третий (251 лист) тома были описаны в 1919 г. академиком В. В. Бартольдом[16], который справедливо ставил работу Мухаммеда Қазима выше уже упоминавшегося нами сочинения Мехди-хана. Первый том (337 листов) был обнаружен только в 1940 г. и подробно описан кандидатом исторических наук Н. Д. Миклухо-Маклаем[17]. Ему принадлежат также еще две статьи, посвященные труду Мухаммеда Қазима[18]. На основании первого тома рукописи Н. Д. Миклухо-Маклай составил биографию Мухаммеда Қазима, значительно

---

[15] محمد کاظم، تاریخ عالم آرائی نادری Отдел рукописей Института востоковедения АН СССР, т. I—III, д-430 (далее — Мухаммед Қазим, *Тарих-и аламара-йи Надири*).

[16] Приложение к протоколу X заседания Отделения исторических наук и филологии Российской академии наук 17 сентября 1919 г. («Известия Академии наук» по отделению общественных наук, ч. II, Пг., 1919), стр. 927—930.

[17] Н. Д. Миклухо-Маклай, *Рукопись «Аламāрā-и Нāдирū»* («Ученые записки Института востоковедения АН СССР», 1953, т. VI).

[18] Статьи Н. Д. Миклухо-Маклая: *«О первом томе труда Мухаммеда Казима»* («Советское востоковедение», 1948, т. V); *«Труд Мухаммеда Казима и его значение для истории Туркмении»* («Известия Туркменского филиала Академии наук СССР», 1945, № 5—6).

дополнив сведения, сообщенные Л. Локкартом, взятые им из второго и третьего томов рукописи. Как уже упоминалось выше, Н. Д. Миклухо-Маклаю принадлежит также заслуга уточнения авторства Мухаммеда Казима.

Извлечения из труда Мухаммеда Казима, касающиеся истории Туркмении, помещены в «Материалах по истории туркмен и Туркмении» в переводах П. П. Иванова [19].

Мухаммед Казим относился к той части феодальной бюрократии, которая после захвата Надиром власти перешла на его сторону, поэтому труд свой он создал в тоне панегирика Надиру «Сахиб-кирану» («Обладатель счастливого созвездия»).

Весьма характерно, что Мухаммед Казим, красочно расписывая военные победы Надир-шаха, как и Мехди-хан, сознательно умалчивает о ряде поражений шаха и его военачальников (например, о поражении, нанесенном губернатору Тебриза Ашур-хану повстанческими отрядами Сам-мирзы, и некоторых других поражениях шахских войск в Дагестане).

Несмотря на то что главное внимание Мухаммед Казим уделял вопросам военно-политической истории, в его монографии встречается много ценнейших данных о социально-экономической истории Ирана, Азербайджана, Средней Азии и Афганистана первой половины XVIII в.

На основании сообщаемых им сведений можно судить о налоговой политике Надир-шаха, разорявшей непосредственных производителей — крестьян, а также и рядовые массы кочевого населения. Автор рукописи приводит данные о чрезвычайно высоких налогах, штрафах, принудительных поставках на войско, установленных по приказу шаха [20].

Касаясь репрессий, которыми сопровождался сбор государственных налогов, и восстаний, вызываемых разорительными для населения поборами, Мухаммед Казим, хотя и робко, но все же кое-где неодобрительно высказывается о действиях шаха.

---

[19] «Материалы по истории туркмен...», т. II.

[20] Мухаммед Казим, *Тарих-и аламара-йи Надири*, т. II, л. 128; т. III, л. 45, 167, 191.

Ни в одном из известных персидских источников сведения о народных движениях не сообщаются так подробно, как в труде Мухаммеда Казима. Так, он приводит весьма ценные факты о восстании в Фарсе и на побережье Персидского залива в 1733—1734 гг., сообщает о численности активных участников движения в начале восстания, о программе действий руководителя восстания Мухаммед-хана белуджа и о том влиянии, которое имело движение в Фарсе на Хузистан, о восстаниях в Хувейзе и Шуштере [21].

Не менее важны данные Мухаммеда Казима о восстаниях, происходивших в последующие годы. Мухаммед Казим подробнее других авторов рассказывает о движении Сам-мирзы в Ширване (1743), об убийстве Хайдар-хана, отправленного на подавление восстания, о посылке новых карательных отрядов, а также сообщает интересные сведения о социальной принадлежности как самого Сам-мирзы, так и основных участников восстания [22].

Сообщая о некоторых других восстаниях, Мухаммед Казим в противовес Мехди-хану, называвшему все движения, направленные против Надира, «мятежами», «бунтами» независимо от их характера и направленности, справедливо связывает их с усилением феодальной эксплуатации, наложением обременительных штрафов и с взиманием недоимок. Так, причиной восстания в Фарсе Мухаммед Казим считает сбор с населения непосильных налогов путем пыток и истязаний [23]. «Население области не было в состоянии снести этот удар», — писал Мухаммед Казим [24]. С усилением налогового гнета Мухаммед Казим связывает возникновение восстаний в Хое и Салмасе, Маскате, Бахрейне, Систане (40-е годы XVIII в.). Он сообщает также много ценного о стремлении Турции использовать в своих интересах растущее недовольство

---

[21] Мухаммед Казим, *Тарих-и аламара-йи Надири*, т. I, л. 256, 259, 260.

[22] Мухаммед Казим, *Тарих-и аламара-йи Надири*, т. III, л. 126, 130.

[23] Мухаммед Казим, *Тарих-и аламара-йи Надири*, т. I, л. 46—50, 51.

[24] Там же, л. 46.

населения Ирана[25], о борьбе Надир-шаха с восставшими, о многочисленных переселениях, жестокостях, истязаниях жителей[26] и т. п.

На основании фактов, приведенных Мухаммедом Казимом, можно судить о политике Надира по отношению к различным группам иранских феодалов, являвшихся его социальной опорой, а также к различным племенам, населявшим территорию его лоскутного государства, о характере и составе феодального войска, об освободительных движениях покоренных народов и т. д.

Хотя сочинение Мухаммеда Казима, написанное уже после смерти Надир-шаха, не имеет столь ярко выраженного отпечатка «хвалебной истории», но все же в нем, как и в «Тарих-и Надири», воспеваются победы и подвиги шаха Надира.

Многое, что было сказано о «Тарих-и Надири», справедливо и для труда Мухаммеда Казима. Так, освобождение Ирана из-под гнета чужеземных завоевателей Мухаммед Казим приписывает исключительно Надиру, его блестящему таланту полководца, в то же время народная борьба с афганскими и турецкими завоевателями не отражена.

Мухаммед Казим прославляет захватнические войны Надир-шаха, воспевает «подвиги» его воинов в странах Закавказья, в Средней Азии, в Индии. Оригинальным является свидетельство Мухаммеда Казима о намерении Надира предпринять поход в Китай. Автор, разумеется, умалчивает о подлинных целях этого похода, направленных на завоевание новых земель и грабеж покоренных народов. Мухаммед Казим считает, что данный поход намечался для того, чтобы дать отпор китайскому императору, якобы намеревавшемуся напасть на Иран, а также, чтобы исполнить желание Надир-шаха отомстить за разорение и бесчинства воинов Чингис-хана в Иране[27].

Учитывая политические симпатии автора, мы рассматриваем его данные критически и сопоставляем их с материалами других источников.

[25] Мухаммед Казим, *Тарих-и аламара-йи Надири*, т. III, л. 102, 127, 128 и др.

[26] Мухаммед Казим, *Тарих-и аламара-йи Надири*, т. I, л. 153, 190, 238, 275; т. II, л. 126, 168 и др.; т. III, л. 168, 192 и др.

[27] Мухаммед Казим, *Тарих-и аламара-йи Надири*, т. III, л. 24.

«Указы кубинских ханов»[28] и «Нахичеванские рукописные документы XVII—XIX вв.»[29], хорошо известные и достаточно использованные в литературе[30], представляют значительный интерес, так как в них имеются податные термины, сведения о положении оседлого крестьянства и кочевого населения, фирманы, указы шахских наместников и другие акты.

Среди источников на персидском языке следует также упомянуть и «Персидские официальные документы XVI—XVIII вв.», находящиеся в государственном хранилище рукописей Армянской ССР (Матенадаран) в Ереване. Использованные в работе документы представляют в основном купчие грамоты, оформляющие куплю-продажу недвижимой собственности[31]. В этих работах освещается ряд вопросов, касающихся социально-экономических отношений.

Наиболее ценным документом является фирман сефевидского шаха Султан-Хусейна 1122 г. х. (1710 г. н. э.), называемый «высочайшее слово», о прикреплении ра'ийятов к месту уплаты налогов и выполнения повинностей[32], обнаруженный А. Д. Папазяном (персидский текст фирмана и его перевод на армянский язык приведены в его кандидатской диссертации)[33].

11403-58

В 1956 г. Издательство Академии наук Армянской ССР издало первый выпуск персидских документов Матенадарана, составленный А. Д. Папазяном[34]. Так как документы, вошедшие в этот сборник, не использовались еще

[28] «Указы кубинских ханов». Персидский текст, русский перевод и комментарий. Тбилиси, 1937.

[29] «Передняя Азия в документах», кн. 1 («Нахичеванские рукописные документы, XVII—XIX вв.»), персидский текст, русский перевод и комментарий под ред. Ю. Н. Марра, Тбилиси, 1936.

[30] И. П. Петрушевский, *Очерки...*, стр. 216, 218—221, 308, 310, 312—314, 316—320 и др.

[31] Государственное хранилище рукописей АрмССР (Матенадаран), «Персидские официальные документы XVI—XVIII вв. Эчмиадзинского католикоса», док. 342, 362, 385 и др.

[32] Там же, док. 234.

[33] А. Д. Папазян, *Аграрные отношения в Ереванском ханстве в XVII в.* (канд. диссертация), Ереван, 1954, стр. 415, 416.

[34] «Персидские документы Матенадарана», вып. 1, Указы XV—XVI вв., сост. А. Д. Папазян, историческая редакция М. С. Хасратяна и Л. С. Хачикяна, Ереван, Изд-во АН Армянской ССР, 1956 (на русском, армянском и персидском языках).

исследователями, целесообразно дать их более подробную характеристику.

Всего в данном выпуске 23 документа, которые публикуются в оригинале впервые. Документы изданы на персидском языке вместе с факсимиле, воспроизводящими их, а также в переводах на русский и армянский языки Сборник снабжен индексом собственных имен, географических названий, терминов, комментариями документов, словарем социально-экономических терминов на армянском и русском языках, а также предисловием, состоящим из обзора опубликованных документов.

В сборник включены семь документов (№ 1—7), большей частью подлинников, относящихся к периоду от середины до конца XV в. Это указы султанов Кара-Койюнлу и Ак-Койюнлу (Джехан-шаха и Хасан Али Кара-Койюнлу, Узун-Хасана, Якуба-падишаха и Рустама-падишаха Ак-Койюнлу). Тринадцать документов XVI в. являются указами сефевидских шахов Исмаила I (№ 8—11), Тахмаспа I (№ 12—18), Исмаила II (№ 19), Мухаммеда II Холабенде (№ 22). К 80—90-м годам XVI в. относятся указы правителя — беглербега Азербайджана (№ 20), указ царя Картли Симеона (1558—1600) (№ 23) и апокрифический документ, приписываемый пророку Мухаммеду, об освобождении армянской церкви от налогов и о правовом положении армянского населения (№ 21), подтвержденный в 1583 г. востанским правителем Карахан-беком.

Большинство перечисленных документов — грамоты и указы, предоставляющие иммунитетные привилегии монастырям или подтверждающие эти привилегии. В этих документах содержатся достоверные сведения о крупном феодальном землевладении армянской церкви, которой принадлежали не только неотчуждаемые вакфы (№ 2, 8, 10), но и земли на правах частной феодальной собственности (см., например, № 11, 14 и др.).

Как видно из этих указов, владения монастырей пользовались обычно привилегией налогового иммунитета. Последний институт фигурирует здесь под терминами му'аф, тархан, мусаллам, манзу, марфул-калам. Некоторые из перечисленных терминов, насколько нам известно, вводятся в научный обиход впервые. В связи с вопросом о налоговом иммунитете большой интерес представляет

указ правителя Азербайджана от 1581 г. (№ 20), из которого следует, что поземельный налог (мал) и другие государственные подати (хукук-и-дивани) с земель в Ванандском ущелье, принадлежавших Акулисскому монастырю, были включены в сумму поземельного налога (мал у джихат) и других поборов, взимавшихся с населения Акулиса. По всей вероятности, это вызвало недовольство населения Акулиса и отказ от уплаты государственных налогов с земель монастыря. Именно в этом заключаются причины написания указа, который предписывал сельским старшинам (кедхуда) и крестьянам (ра'ийят) Вананда придерживаться «прежнего порядка» и не посылать на имя настоятеля монастыря итлаков и хавалэ (ассигновок на получение определенного довольствия или сумм из государственных налогов данной территории).

Как вполне справедливо отмечает составитель сборника, упомянутый документ и ряд других документов (№ 14, 22) свидетельствуют о том, что иммунитетные привилегии монастырей осуществлялись нередко за счет соседних сельских общин. На них фактически возлагалась выплата налогов, от которых освобождалось духовенство.

Опубликованные документы не только подтверждают и уточняют написание многих уже известных податей и повинностей, но называют и такие, сведения о которых не содержатся в других источниках и не отмечались в научной литературе. К их числу относятся аздар, намардар, джавалик, зар-и черик, эхдас. Им автор дает свою трактовку[35], нуждающуюся, впрочем, еще в некоторых уточнениях.

Изданные документы свидетельствуют также об острых социальных противоречиях в феодальной Армении, о происходящих возмущениях крестьян и их отказах от уплаты налогов. В этом отношении характерен указ шаха Исмаила II от 1577 г. (№ 19). Из него мы узнаем, что настоятель монастыря Хавуц-Тара и другие землевладельцы подали жалобу на крестьян принадлежавших им девяти селений, отказавшихся от уплаты ренты (маликане). Согласно этому указу беглербег Ереванского ханства и другие местные должностные лица должны были

[35] «Персидские документы...», стр. 149, 150.

заставить крестьян выполнять свои обязательства в отношении помещиков (с этой же точки зрения интересен документ № 14).

КАВКАЗСКИЕ ИСТОЧНИКИ

Наряду с персидскими материалами большое значение для изучения истории государства Надир-шаха представляют и кавказские. Среди них прежде всего следует остановиться на сочинении католикоса Симеона Ереванского «Джамбр»[36]. В своем труде, названном автором по аналогии с папским архивом Camera Apostolica римской курии — «Chambre» («Джамбр»), Симеон католикос[37] дает подробный перечень земельной и другой недвижимости, которой владел Эчмиадзинский монастырь во время его патриаршества. На основе сведений, почерпнутых из различных архивных документов монастыря (купчих, дарственных грамот, большая часть которых приводится автором), Симеон Ереванский пытается обосновать «законные» права монастыря на владение этой собственностью. Он дает подробную историю приобретения монастырем каждой деревни и земельного участка, останавливаясь на спорах и тяжбах, возникавших при этом. В книге «Джамбр» содержатся сведения о весьма частых крестьянских волнениях, связанных с усилением феодальной эксплуатации. В «Джамбре» католикос Симеон излагает свои политические воззрения, в частности развивает точку зрения на роль католикоса как главы всех армян. Приведены оригинальные сведения о налоговой политике Надир-шаха, в частности сравнительные данные о размере некоторых налогов в период правления Сефевидов и при Надире.

Собрание архивных документов по хозяйственным сделкам[38] включает дарственные грамоты, купчие, долговые обязательства и другие важнейшие документы, касающиеся отчуждения деревень, крупных и мелких участ-

[36] *Սիմէոն կաթողիկոս Երեւանցի. Ջամբռ. Վաղարշապատ. 1873.* (далее — С. Ереванци, *Джамбр*).

[37] Годы патриаршества — 1763—1780.

[38] *Կալվածագրեր և տնտեսական այլ գործարքների վերաբերյալ արխիվային վավերագրեր. Երևան. 1941.* (далее — «Архиваин ваверагрер...»).

ков земли, воды, мельниц, магазинов, лавок и т. п. Большинство помещенных документов относится к XVII—XVIII вв. В этом сборнике документов, так же как и в «Джамбре», собран обильный и достоверный материал для изучения социально-экономической истории не только Армении, но и сопредельных с нею стран — Азербайджана и Ирана.

Из сочинений армянских авторов, непосредственно относящихся к истории Надир-шаха, мы остановимся на дневнике эчмиадзинского католикоса Абраама Кретаци (Критского)[39], который занимал в Эчмиадзине патриарший престол с 1734 по 1737 г. Надир Кули-хан, искавший поддержку высшего армянского духовенства и богатого купечества, проявлял различные знаки внимания и к армянскому католикосу. Абраам Кретаци был приглашен на Муганский курултай (1736). Здесь католикос получил от Надира несколько ракамов (грамот) об утверждении его армянским католикосом, о закреплении за Эчмиадзинским монастырем его земельных и других владений и освобождении монастырских земель от каких бы то ни было налогов государству и т. д.

В сочинении Абраама Кретаци содержатся данные, характеризующие экономическое состояние Армении и Азербайджана в 30-х годах XVIII в. Автор дневника описывает области, разоренные турецкой оккупацией и ирано-турецкой войной в начале 30-х годов, указывает цены на некоторые продукты сельского хозяйства, приводит факты, связанные с голодом, произволом местных властей и тяжелым положением крестьянства.

Ценными являются сведения об организации феодального войска Надира. Автор дневника описывает Муганский курултай и перечисляет приглашенных правителей различных областей. На основе этого легко установить, на какие слои господствующего класса более всего ориентировался новый шах и какие изменения были произведены им в распределении высших должностей в государстве.

В дневнике Абраама Кретаци подробно изложены события на Мугане. И хотя автор в значительной степени

[39] *Աբրահամ կաթողիկոս Կրետացի. Պատմութիւն անցիցն իւրոց և Նատր շահին պարսից. Վաղարշապատ. 1870.* (далее — Абраам Кретаци *Патмутюн анциц...*).

идеализирует Надира, все же его сообщение об «избрании» Надир-Кули иранским шахом значительно дополняет и исправляет версии, передаваемые персидскими и западноевропейскими авторами.

Акоп Шемахеци на армянском языке написал труд «Походы Тахмасп Кули-хана и избрание его шахом». Эта книга сохранилась в сборнике рукописей, датированном 1743 г. Перевод на русский язык выполнен С. Тер-Аветисяном [40]. До 1759 г. Акоп Шемахеци преподавал в монастырской школе в Эчмиадзине, а затем был избран католикосом, умер он в 1763 г. Сочинение Акопа Шемахеци охватывает период с 1721 по 1736 г. и отличается точной датировкой событий.

Помимо военно-политической истории данного периода, описания Муганского курултая и посещения Надиром Эчмиадзина в 1736 г., этот труд интересен тем, что автор был более других объективен в характеристике Надира. Например, Акоп Шемахеци говорит о лицах, бывших на Муганском курултае: «...И возвратились по домам своим эти одураченные и не поняли бедные, что властелин, не пощадивший шаха их, также поступит и с ними, ибо связывающий сильного намерен разгромить и дом его, а также убивающий садовника не пощадит и сада его — и они, овцы, ставят своим пастырем волка» [41].

Автором «Истории войн 1721—1736 гг.» [42] был Абраам Ереванци. Как и большинство источников, эта работа посвящена преимущественно вопросам военно-политической истории. Интересны некоторые отрывочные сведения, которые сообщаются между прочим. Например, Абраам Ереванци свидетельствует, что после подавления мятежа «непокорных» бахтиар, 48 тыс. их семей было приказано перевести на жительство в Хорасан, расселив по разным городам и местностям области. Весьма характерно, что расходы по их переезду должно было оплачивать население тех местностей, через которые проходил путь переселенцев [43].

---

[40] Акоп Шемахеци, *Походы Тахмасп Кули-хана (Надир-шаха) и избрание его шахом* (перевод С. Тер-Аветисяна), Ереван, 1932.

[41] Там же, стр. 17.

[42] Абраам Ереванци, *История войн 1721—1736 гг.*, Ереван, 1939.

[43] Там же, стр. 71.

«Материалы по истории Грузии» представляют рукопись, заключающую перечень событий, изложенных в хронологическом порядке с 1659 до 1791 г. Перевод их, выполненный Такайшвили, издан в Тифлисе в 1895 г. Кроме событий, имеющих непосредственное отношение к истории Грузии, в «Материалах» приведены любопытные факты, например о наложении штрафа на жителей Шемахи в 1734 г. [44], выселении шемахинцев в 1736 г. [45], Сам-мирзе [46], восстании в ширванском войске [47] и др.

В датировке событий имеются некоторые неточности. Так, восстание в Ширване произошло не в 1746 г., а в 1743 г.

Автором книги «Асар-и Дагестан» [48] был известный дагестанский арабист XIX в. Гасан Алкадари. Он поставил задачу собрать воедино и изложить в хронологической последовательности все сведения о Дагестане, имеющиеся в арабской, турецкой и персидской литературе. Свой труд Алкадари завершил в 1892 г.

В гл. V указанной работы имеются интересные сведения о событиях, происходивших в Дагестане в период правления Надир-шаха, о восстании Сам-мирзы, убийстве Хайдар-хана, о подавлении Ширванского восстания 1743 г., о Хаджи Челеби и др.

В данной рукописи использована также известная книга Аббас-Кули-Ага Бакиханова-Кудси — «Гюлистан-Ирам» [49]. Аббас-Кули-Ага Бакиханов родился в 1794 г. Отец его был правителем Бакинской провинции. В 1820 г. известный своей образованностью Аббас-Кули-Ага Бакиханов по приглашению генерала Ермолова поступил на русскую государственную службу и вскоре получил чин полковника. Он много путешествовал по Грузии, Армении, Дагестану, России, Польше и Прибалтике. Бакиха-

---

[44] «Материалы по истории Грузии», Тифлис, 1895, стр. 38.

[45] Там же, стр. 40.

[46] Там же, стр. 44.

[47] Там же, стр. 45.

[48] Гасан Алкадари, *Асар-и Дагестан* («Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. 46, Махач-Кала, 1929). — В предлагаемой работе использован перевод этого сочинения.

[49] Аббас-Кули-Ага Бакиханов-Кудси, *Гюлистан-Ирам*, Баку, 1926.

нов является автором персидской грамматики и нескольких трудов по вопросам религии, философии и т. п. Основной его труд — «Гюлистан-Ирам» — посвящен истории Ширвана и Дагестана с древнейших времен до присоединения Ширвана к России. Эта книга была написана по-персидски, причем известно несколько ее рукописей на персидском языке и перевод на русский язык. Русский перевод был издан в Баку в 1926 г. Обществом обследования и изучения Азербайджана. Изложение событий 30—40-х годов XVIII в. основано главным образом на персидских хорошо известных Бакиханову источниках. Для нас представляют немалый интерес сообщения о восстании Сам-мирзы [50].

РУССКИЕ ИСТОЧНИКИ

Неопубликованные материалы

Русские источники (архивные и печатные) очень ценны для изучения истории общественных отношений в государстве Надир-шаха, так как они содержат исключительно важные материалы по истории Ирана 30—40-х годов XVIII в. Однако исследованы эти материалы крайне недостаточно. В известном многотомном труде С. Соловьева «История России», в разделах, посвященных 30—40-м годам XVIII в., встречаются данные русских архивов о положении Ирана в эти годы и главным образом о русско-иранских отношениях. Благодаря наличию в работе Соловьева извлечений из архивных материалов Л. Локкарт использовал это сочинение как источник при написании монографии о Надир-шахе. Несколько донесений русских резидентов в Иране было опубликовано в журнале «Русский архив» за 1899 г.

Более известны архивные материалы, содержащие сведения по истории Ирана первых трех десятилетий XVIII в., т. е. периода, непосредственно предшествующего изучаемому. Прежде всего следует отметить публикации и исследования Е. С. Зевакина, Н. Д. Миклухо-Маклая, В. П. Лысцова и др.

Из использованных нами русских источников наибольшую ценность представляют материалы Архива внешней

[50] Там же, стр. 120, 121.

политики России (АВПР), которые в подавляющем большинстве не изучались.

В этом архиве нами рассмотрено более ста дел фондов «Сношения России с Персией», «Киргиз-кайсацкие дела», «Бухарские дела», «Приказные дела новых лет» за период с 1723 по 1747 г. Эти фонды содержат донесения и ежедневные записи русских дипломатических и консульских представителей в Иране: резидентов, консулов, секретарей, членов посольств (например, С. Д. Голицына, М. М. Голицына и других).

Кроме сведений внешнеполитического характера, в архивных материалах есть исключительно важные данные по социально-экономическим вопросам, которые не встречаются ни в персидских, ни в западноевропейских источниках. Благодаря этим документам возможно ясно представить общий уровень развития экономики державы Надир-шаха, в частности состояние торговли, ремесла, сельского хозяйства, рост цен, падение денежного курса, а также проследить дальнейшее усиление экономического упадка и ухудшение положения не только податного населения, но и значительной части господствующего класса Ирана.

Очевидцы и современники описываемых событий — русские дипломатические и консульские представители в Иране — неоднократно сообщали в своих донесениях о сильном недовольстве Надиром населения, войска и даже представителей господствующего класса. Еще в 1736 г. русский резидент Иван Петрович Калушкин писал, что Надир-шах «правительство свое по-прежнему с крайней жестокостью ведет и непрестанно знатных казнит и не одного нет от первого, кроме Маер-хана, даже до последнего, кто был им доволен, и все генерально тако и войско, ему погибели желают» [51].

Изучение русских архивных материалов дало возможность представить, в каком бедственном положении находилось в 40-х годах шахское войско. Долгие, изнурительные походы, отстранение воинов от дележа военной добычи, несвоевременная и неполная уплата жалованья, голод, болезни, штрафы, казни — все это вызывало острое недовольство войска. Уже в 1739 г. И. П. Калушкин доно-

[51] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1736, д. 8, л. 552.

сил в Петербург, что воины «публично шаха поносят и бог ведает, какое происхождение от войск персоне Его Величества воспоследовать может» [52].

Позднее русский посол в Иране князь Голицын, характеризуя состояние войска Надира в 1747 г., писал: «Вся его армия в такое изнеможение пришла, что он и со своими внутренними неприятелями управиться не может и малейшей ему надежды на армию нет ... вновь же войско ему набрать надежды нет и за опустошением неоткуда, хотя бы всех персиян поголовно в службу взяли» [53].

Эти сведения опровергают оценки персидских феодальных хронистов, а также некоторых западноевропейских авторов, восхвалявших «непобедимое» войско «Наполеона Востока — второго Александра Македонского», Надир-шаха.

Особенно важными являются данные о налоговой политике, содержащиеся во многих архивных документах. Эти материалы свидетельствуют о том, что самыми обременительными податями для населения являлись поставки на войско, собиравшиеся продовольствием, фуражом, деньгами, вооружением, обмундированием и т. п.

Кроме донесений дипломатических и консульских представителей и их ежедневных записей, в архивных материалах имеются копии персидских официальных документов, из которых наиболее важным является шахский фирман 1151 г. х. (1739).

Имеется смысловой перевод этого указа, выполненный, очевидно, русским резидентом в Иране Калушкиным в 1739 г. и опубликованный более 100 лет назад [54], а также неполный приближенный перевод части этого указа, помещенный в 1878 г. в «Церковно-общественном сборнике» [55]. Оба эти перевода не были использованы или

[52] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1739, д. 5, л. 90.

[53] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1747, д. 5, л. 185, 186.

[54] В. Ильин, *О походе Надир-шаха в Индию, исторические материалы* («Астраханские губернские ведомости», 1847, № 26—32).

[55] И. Михайлов, *По вопросу о пути в Индию через Персию* («Церковно-общественный сборник», 1878, № 94, 95).— Сотрудник сектора рукописей Института востоковедения Академии наук СССР О. Ф. Акимушкин любезно сообщил нам об этих переводах.

хотя бы упомянуты ни одним из русских или зарубежных исследователей.

Обнаруженный среди других официальных документов Архива внешней политики России полный персидский текст данного фирмана представляет точную копию с подлинника. Фирман написан от имени Надир-шаха в 1151 г. х. и адресован его сыну Риза Кули-мирзе, оставленному наместником в Иране во время походов отца в Индию и Среднюю Азию [56].

В фирмане после сообщений о победах Надир-шаха в Индии говорится об освобождении части населения от уплаты некоторых налогов сроком на три года.

Со времен правителей Ак-Койюнлу в литературе не было известно ни одного документа, где бы давался столь подробный перечень податей и повинностей. Благодаря данному фирману стало возможно точно установить основные подати и повинности, существовавшие в Иране в 30—40-х годах XVIII в., а также выявить наличие некоторых ранее неизвестных податей и их терминологию.

Фирман представляет исключительную ценность также для изучения социально-экономических отношений, в особенности для характеристики налоговой политики Надир-шаха.

Кроме этого фирмана, среди архивных материалов мы встречаем другие ранее неизвестные в источниках персидские документы или изложение их. Например, на русском языке приводится «Ведомость сколко с чего и в которых местах в Персии берется пошлин или вместооных рахтаров» (см. приложение). В донесениях резидента Калушкина кратко излагаются указы Надир-шаха о конфискации имущества дезертиров, об охране дорог, о возвращении беглых крестьян на прежние места жительства и т. п.

Ценные данные о народных восстаниях, феодальных мятежах и волнениях в войске содержатся также в русских архивных материалах. Здесь имеются более полные, чем в персидских и европейских источниках, сведения о численном, этническом и социальном составе участников восстаний, их требованиях [например, в документах, по-

[56] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1739, д. 5, л. 247—259.

вествующих о восстаниях в Фарсе (1733—1734), Ширване (1743), Систане (1746—1747) и т. д.]. В архивных материалах приведены также сведения о волнениях в Гиляне в 40-х годах, которые в других источниках не встречаются.

Если персидские хронисты старались всячески возвеличить Надир-шаха, сознательно затушевывали обострение классовой борьбы и писали о якобы горячей любви к нему народа и войска, то русские дипломатические представители в своих донесениях информировали правительство России о действительном положении в стране.

Использованные нами материалы Центрального государственного военно-исторического архива (ЦГВИА) представляют статистические и военно-статистические описания отдельных, преимущественно пограничных с Россией, областей сефевидского государства и государства Надир-шаха. В этих документах содержатся сведения как о сельском хозяйстве в целом, так и о некоторых его отраслях — шелководстве, хлопководстве, садоводстве.

Вопросы о положении народных масс и их борьбе в 30—40-х годах XVIII в. в материалах ЦГВИА не раскрыты.

Опубликованные материалы

Опубликованных русских источников по данной теме значительно меньше, чем архивных материалов, и сведения, приведенные в них, менее ценны.

Наиболее известно сочинение И. Г. Гербера, участника персидского похода Петра I и уполномоченного комиссара в комиссии по разграничению владений между Турцией и Россией в 1727 г. Труды Гербера «Известия о находящихся с западной стороны Каспийского моря между Астраханью и рекой Курой народах и землях и их состоянии в 1728 году»[57] и Ф. И. Соймонова «Описание Каспийского моря и чиненных на оном российских завоеваний, яко часть истории государя императора Петра Великого»[58] содержат сведения о прикаспийских провинциях и используются для сравнения с данными источников, непосредственно относящихся к изучаемому периоду.

Большую ценность представляет «Журнал» А. П. Волынского, бывшего русским посланником в Иране в 1715—1718 гг.; извлечения из этого журнала изданы советским историком Е. С. Зевакиным[59]. Подлинник «Журнала» хранится в Центральном государственном архиве древних актов (ЦГАДА).

Волынский подробно описал экономическое, политическое и военное состояние сефевидского государства в 20-е годы XVIII в. В его сообщениях приведены факты, свидетельствующие о глубоком экономическом упадке, о разорении и обнищании сельского и городского населения, о неплатежеспособности крестьян, о вымогательствах и произволе правителей областей и чиновников фиска. Волынский рисует мрачную картину последних лет правления Сефевидов: разложение войска и бюрократического аппарата, феодальные мятежи и фактический распад государства. Чрезвычайно интересны его высказывания об обострении классовой борьбы в государстве Сефевидов в период, предшествовавший афганскому нашествию, особенно о восстаниях городской бедноты. В донесениях А. Волынского говорится также о сужении социальной базы сефевидских шахов в результате отхода от них некоторых слоев господствующего класса, в частности военно-феодальной знати племен.

«Журнал» А. Волынского — незаменимый источник по истории сефевидского государства первой четверти XVIII в.[60], его изучение дает возможность лучше понять, насколько пагубной для разоренной страны была внутренняя и внешняя политика Надир-шаха.

---

[57] И. Г. Гербер, *Известия о находящихся с западной стороны Каспийского моря между Астраханью и рекой Курой народах и землях, о их состоянии в 1728 г.* («Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие», 1760, июль — октябрь).

[58] [Ф. И. Соймонов] *«Описание Каспийского моря и чиненных на оном российских завоеваний, яко часть истории государя императора Петра Великого, трудами тайного советника, губернатора Сибири Ф. И. Соймонова»*, СПб., 1763.

[59] Е. С. Зевакин, *Азербайджан в начале XVIII в. (Извлечения из дневника А. П. Волынского)* («Известия Об-ва обследования и изучения Азербайджана», вып. IV, Баку, 1929, № 8).

[60] См. о нем: И. Д. Миклухо-Маклай, *Афганское нашествие в Иране*, гл. I.

В книге русского резидента в Иране В. Братищева «Известия о происшедших между шахом Надыром и старшим его сыном Риза Кулы-мирзою печальных приключениях в Персии в 1741—1742 гг.» [61], кроме рассказа о покушении на жизнь шаха и ослеплении по его приказу Риза Кули-мирзы, сообщается об освобождении населения страны от налогов сроком на три года.

Весьма характерно, что, по мнению В. Братищева, «упущение на три года податей ... после по известному его (Надир-шаха. — *М. А.* и *К. А.*) нраву взыщется с излишком» [62]. Предположение В. Братищева, как указывается в источниках, полностью оправдалось.

Работы доктора И. Лерха «Путешествие 1733—1735 гг. из Москвы в Астрахань и по странам, лежащим на западном берегу Каспийского моря» и «Второе путешествие» (1745—1747), были опубликованы на немецком [63] и русском языках [64].

Иоганн Якоб Лерх родился в 1703 г. в Потсдаме и получил образование в Галле. В 1731 г. И. Лерх поступил на русскую государственную службу и прожил в России безвыездно 50 лет.

В Иране Иоганн Лерх побывал дважды — в 1733—1735 гг. и 1745—1747 гг. — в качестве врача при русских посольствах.

В 1736—1737 гг. он жил в Астрахани, а затем, до отъезда в составе нового посольства в Иран, служил военным врачом в войсках фельдмаршала Лесси. В дневниках этого широко образованного и наблюдательного человека содержится самый разнообразный и богатый материал: сведения о местной флоре, природных богатствах, этнографии, археологических памятниках, общественных отношениях и истории стран и областей, которые он посещал.

[61] [В. Братищев] *«Известия о происшедших между шахом Надыром и старшим его сыном Риза Кулы-мирзою печальных приключениях в Персии в 1741—1742 гг., ныне сообщенное сочинение канцелярии советника Василия Братищева»*, СПб., 1763.

[62] Там же, стр. 17.

[63] [J. J. Lerch] *«Auszug aus dem Tagebuch von einer Reise, welche D. Johann Jacob Lerch von 1733 bis 1735 aus Mockau nach Astrachan und in die Ufer auf der Westseite des Caspischen Sees belegenes Landes gethan hat» (Büschings «Magazin», Bd. III), Hamburg, 1769;* [J. J. Lerch] *«Nachricht von der zweiten Reise nach Persien, welche der Keiserliche Russische Collegienrath J. J. Lerch von 1745 bis 1747 gethan hat» (Büschings «Magazin», Bd. X), Hamburg, 1769, 1776* (далее — Büschings «Magazin», Bd. X).

[64] «Новые ежемесячные сочинения», 1790—1791 гг.

Для нас наиболее интересны дневники путешествий Лерха на Кавказ и в Иран. В «Путешествии 1733—1735 гг. из Москвы в Астрахань и по странам, лежащим по западному берегу Каспийского моря» рассказано о посольстве С. Д. Голицына в 1733—1735 гг. В 1745—1747 гг. Лерх сопровождал посольство М. М. Голицына в Иран. В дневниках описаны многие кавказские города и области, входившие в состав государства Надир-шаха. Ряд из них Лерх посещал несколько раз и поэтому мог отметить изменения, происшедшие за время его отсутствия. Данные, приведенные в материалах Лерха, свидетельствуют о разрушении производительных сил, разорении городов, опустошении деревень в 40-х годах XVIII в. В дневниках содержатся, кроме того, ценные сведения о налоговой политике Надир-шаха, разложении его войска, мятежах и дезертирстве иногда целых войсковых объединений.

В настоящей работе также использован труд П. Г. Буткова (1775—1857) «Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г.», который сохранил свое значение лишь как источник, но не исследование. Ценность этого сочинения заключается в том, что оно содержит недошедшие до нас источники. Книга П. Г. Буткова состоит главным образом из материалов дипломатического и военно-исторического содержания, выдержек из официальных актов и записок путешественников. Большая часть данных была собрана П. Г. Бутковым за время его службы на Кавказе (90-е годы XVIII в.). Особенно важны сообщения автора об освободительной борьбе дагестанских племен. Однако в этом сочинении есть также немало неточностей, путаницы в некоторых датах и исторических фактах.

ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИЕ ИСТОЧНИКИ

Обширный материал по изучаемому вопросу содержится в сочинениях западноевропейских путешественников, купцов, миссионеров. На основании данных, приве-

денных в этих работах, можно охарактеризовать экономическое состояние отдельных городов и областей страны и сущность тех или иных социальных движений, политических мероприятий и т. д.

Из сочинений западноевропейских авторов отметим прежде всего «Исторический очерк британской торговли на Каспийском море» английского купца Джона Ханвея, который после заключения русско-английского торгового договора и учреждения английской торговой компании «Россия» с целью развития англо-иранской торговли предпринял в 1743 г. путешествие через Россию в Иран. 18 декабря 1743 г. он прибыл из Астрахани в Астерабад, откуда отправился в Барфоруш, Казвин, Решт, а к концу 1744 г. вернулся в Астрахань.

В 1753 г. в Лондоне вышло первое издание его сочинения в четырех томах. В 1754 г. оно было повторено в Дублине; третье двухтомное издание появилось в 1762 г. в Лондоне. Известны также немецкие переводы его работы, опубликованные в 1751 и 1769 гг. в Гамбурге и Лейпциге [65].

Кроме описания английской торговли на Каспийском море, автор излагает события, происходившие в Иране и ряде сопредельных стран со времени афганского нашествия и до смерти Надир-шаха.

Сочинение Ханвея — весьма интересный источник. Автор сам был свидетелем некоторых событий, изложенных в работе. Так, на глазах Ханвея происходило подавление восстаний в Астерабаде и Мазандеране в 1744 г. Ценные сведения об упадке, опустошении городов и деревень, о разорении населения и голоде содержатся в описании путешествия автора из Хамадана в Астерабад. Сочинение Джона Ханвея включает дневники, путевые заметки и отдельные сообщения других путешественников (Джона Эльтона, Джона Кука, Ван-Миропа) и имеет богатый документальный материал по истории англо-персидской торговли во второй четверти XVIII в. Однако сообщения Ханвея нуждаются в тщательной проверке, что было отмечено еще Л. Локкартом в его монографии о Надир-шахе.

[65] В работе использовано лондонское издание этого сочинения, опубликованное в 1754 г.

Важным источником, освещающим последние годы царствования Надира и дальнейшие события, происходившие в стране, являются два письма миссионера Базена [66], который с 1741 по 1747 г. был придворным лекарем Надира и сопровождал его во всех походах. Первое письмо особенно интересно для нас: в нем имеются сведения о налоговой политике Надир-шаха, упадке торговли, неплатежеспособности и разорении крестьян, о политике Надира в области религии и, наконец, подробности о восстании 1746—1747 гг. в Систане и военном заговоре 1747 г.

Небезынтересно также сочинение Оттера, профессора арабского языка в Париже, совершившего путешествие по Турции и Ирану и описавшего его в двухтомном труде [67]. Выехав в 1734 г. из Парижа в Марсель, а затем добравшись морем в Константинополь, он бо́льшую часть времени находился в Турции и лишь весной 1739 г. прибыл в Иран. Оттер приводит краткую историю нашествия афганцев, сообщает сведения о русско-иранских и турецко-иранских отношениях, о борьбе Надира с афганцами, о войне с Турцией и низложении Тахмаспа [68]. Он сообщает о запустении и упадке, царивших в стране [69], о сокращении торговли [70], налогах [71], состоянии городов Исфахана, Шуштера, Ахваза, Дизфуля [72] и т. п.

В «Путешествии» Оттера нет данных о восстаниях, так как в период их наибольшего распространения (40-е годы) он уже покинул Иран. В первом томе «Путешествия» лишь кратко (с чужих слов) сообщено о восстании в Фарсе 1733—1734 гг.

Ряд оригинальных данных содержат: «Хроника деятельности кармелитов и папской миссии в Персии в XVI и XVIII вв.», Лондон, 1939; Д. Кук, «Поездки и путешествия через Российскую империю, Татарию и часть Персидского королевства», Кембридж, 1770—1778 и др.

[66] *«Lettres édifiantes et curieuses, écrites des missions étrangères»*, t. IV, Nouv. ed., Paris, 1780, p. 277—364.

[67] I. Otter, *Voyage en Turquie et en Perse, avec une relation des expéditions de Thomas Koulikhan*, vol. I—II, Paris, 1748.

[68] I. Otter, *Voyage en Turquie...*, vol. I, p. 298—318.

[69] Ibid., p. 224.

[70] Ibid., p. 325, 326.

[71] Ibid., p. 23.

[72] Ibid., p. 50, 53, 54.

Сведения о состоянии торговли и отдельных отраслей сельского хозяйства, главным образом шелководства, а также о военных походах Надира, ирано-турецких и русско-иранских отношениях имеются в материалах архивов министерств иностранных дел Англии, Франции и Австрии, которые опубликованы в «Сборнике Императорского российского исторического общества»[73].

[73] «Сборник Императорского российского исторического общества», СПб., т. 3. 49, 56, 69, 76, 85, 96; 103 и др.

ГЛАВА II

КРАТКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР ГОСУДАРСТВА СЕФЕВИДОВ

С начала XVI до первой четверти XVIII в. Иран, Азербайджан, Армения были объединены в рамках феодального государства Сефевидов, в котором верховным собственником всех земель было государство или шах, олицетворявший власть. Он взимал в свою пользу со всех категорий землевладения ренту-налог или часть его в форме поземельного налога. Налоговый иммунитет некоторых феодалов рассматривался как уступка им государством своих прерогатив. Кроме того, государство обладало монопольным правом на определение размера, формы поземельного налога и способа его взимания; оно прикрепляло крестьян к тяглу, привлекало их к трудовой повинности на государственных строительных работах.

Часть земель являлась собственностью казны (земли дивани). Нередко ими управляли чиновники фиска. Земли шахского домена известны в источниках под терминами халисэ, хассэ или хассэ-йи шерифэ.

Большая часть земель короны и казны жаловалась феодалам, хотя официально и не выделялась в особую категорию землевладения. Однако со времени правления шаха Аббаса I (1587—1629) пожалование земель хассэ было почти полностью прекращено. Это объясняется тем, что значительная часть их еще в правление предшественников Аббаса I перешла во владение различных феодалов[1].

[1] И. П. Петрушевский, *Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI — начале XIX вв.*, Л., 1949, стр. 211.

3*

Феодальное землевладение было условным, ибо землевладельцы получали землю лишь в том случае, если они выполняли определенную службу в военно-административном аппарате управления или при дворе и сами принадлежали к классу феодалов. В то же время земельные владения феодала состояли из крестьянских наделов. Таким образом, из-за многоступенчатости, свойственной вообще феодальной земельной собственности, землевладение феодалов сочеталось не только с верховной собственностью шаха или феодального государства на данную землю, но и с наследственным владением непосредственных производителей земельными наделами.

При Сефевидах наиболее распространенной формой феодального землевладения был тиул. Различные военные чины и представители гражданской администрации получали тиулы от шаха. При этом они получали право пользоваться определенной долей налоговых поступлений, собиравшихся государством с данной местности. Тиульные владения простирались нередко на целую область; в то же время одна и та же деревня могла иметь несколько тиулдаров (владельцев тиулов).

Пожалование тиула часто было связано с предоставлением права на военно-административное управление его территорией. Будучи правителем области, тиулдар распоряжался доходами дивана (казны) с данной местности, был уполномочен набирать войско, содержать его и пр. Эти права тиулдара создавали условия для дальнейшего усиления его власти и распространения ее в отдельных случаях на население и землю тиульного пожалования.

Большинство эмиров кочевых и полукочевых племен назначались правителями областей с предоставлением им этой же области в тиул. Земли тиула фактически поступали во владение знати племен, которая распоряжалась доходами с населения и самими землями.

Шахской власти было трудно контролировать тиулдаров из-за раздробленности государства Сефевидов, отсутствия общегосударственного рынка и сколько-нибудь прочных экономических связей между отдельными областями. На протяжении XVII в. все явственнее становится тенденция правителей тиулов добиться превращения своих владений в наследственные, а иногда и безусловные. В связи с этим при последних сефевидских шахах все чаще возникают мятежи тиулдаров против верховной власти шаха.

25 1

Сефевидские шахи, в особенности Аббас I, делали попытки предотвратить превращение тиула в наследственное владение феодалов. Однако экономическая и политическая обстановка в государстве не только не способствовала централистическим устремлениям шахской власти, а благоприятствовала лишь усилению феодального сепаратизма.

Указанная тенденция эволюции тиула стала еще более определенной во второй половине XVIII в. В частности, в азербайджанских ханствах в этот период власть тиулдара распространялась на землю и население территории тиула уже не только фактически, но и согласно ханским фирманам. Как известно, значительно позже, а именно в XIX в., тиулдары превратились в помещиков, а тиул постепенно приобрел черты помещичьего хозяйства, признанного шахской властью и оформленного законодательным путем [2].

В рассматриваемый период широкое распространение имел институт хамэ-салэ — пожалование, выдаваемое в основном представителям низших слоев феодального класса, некоторым духовным лицам, а также отдельным участникам феодального ополчения и целым войсковым частям. Характерно, что лица эти получали жалованье в виде ассигновок (берат, хавалэ), дававших им право на присвоение определенных денежных сумм, продуктов через налоговое ведомство данной области. Доля государственных налогов, определенная в хамэ-салэ служилому лицу, собиралась чиновниками фиска.

Таким образом, обладатели хамэ-салэ также принимали участие в феодальной эксплуатации крестьян. Лишь в этом смысле, условно, хамэ-салэ можно считать категорией феодального землевладения [3].

---

[2] Подробно о тиуле см.: И. П. Петрушевский, *Очерки...*, стр. 184—221.

[3] И. П. Петрушевский рассматривает хамэ-салэ как вид тиула, при котором доля ренты-налога жаловалась на определенные годы. Подробно об этом институте см.: И. П. Петрушевский, *Очерки...*, стр. 194—197.

Большую роль в экономике сефевидского государства играло землевладение религиозных учреждений — мусульманских и христианских. Земли, жалованные шахами или различными частными лицами мечетям, гробницам, монастырям, семьям дервишских шейхов, сейидам, именовались вакфами, которые были неприкосновенны. Согласно традиции их не могли ни конфисковать, ни отчуждать. Кроме того, большие земельные массивы были куплены религиозными учреждениями у разорявшихся общинников, мелких феодальных собственников.

Верховными распорядителями вакфных земель мусульманских религиозных учреждений были садры, земель христианских монастырей — католикосы. Крупнейшими землевладельцами в государстве Сефевидов были ардебильские шейхи, Эчмиадзинский монастырь и др.

Щедрые пожертвования религиозным учреждениям способствовали укреплению экономических позиций высшего духовенства, принадлежавшего к разряду крупнейших феодалов. Низшее же духовенство по своему экономическому положению и социальному происхождению примыкало скорее не к феодальной верхушке духовенства, а к средним слоям деревни и города.

* * *

Вопрос об истории развития частной феодальной земельной собственности в державе Сефевидов является одним из важных в истории социально-экономических отношений XVI—XVIII вв.

Частная собственность на землю в сефевидской державе известна под терминами мульк (или арбаби). Сущность мулька была неправильно освещена в трудах представителей русской и армянской дореволюционной исторической науки, которые рассматривали его как одну из форм условного землевладения. Как уже упоминалось, вопрос о характере этого института рассматривался некоторыми советскими историками; характер мулька, его специфические особенности глубоко исследованы в монографии И. П. Петрушевского, а также П. Т. Арутюняна [4].

[4] И. П. Петрушевский, *Очерки...*, стр. 222—247; П. Т. Арутюнян, *Освободительное движение армянского народа в первой четверти XVIII в.*, М. 1954, гл. I.

Не касаясь всех терминологических значений мулька (как недвижимой собственности вообще, собственности на отдельные земельные участки, в частности крестьянские наделы, водовладение, доли ренты-налога [5] и др.), мы остановимся лишь на некоторых особенностях мулька как феодального института [6], а именно частной феодальной собственности. Следует заметить, что если термин мульк мог обозначать как мелкие и мельчайшие участки пахотной земли, находившиеся в собственности крестьянина-общинника, так и целые деревни или ее части, принадлежавшие феодалам, то термин мулькдар (т. е. буквально имеющий мульк, владеющий мульком) имел строго определенное значение и не мог быть распространен на крестьян-собственников.

Мулькдарство было связано прежде всего с феодальной эксплуатацией крестьян на базе феодальной собственности землевладельца на данную деревню (или ее часть), населенную крестьянами, держащими землю в наследственном владении.

Среди землевладельцев мулькдаров различались крупные, средние и мелкие землевладельцы. Мулькдарами, кроме представителей старинных местных владетель-

[5] Купля-продажа мульков регулировалась установившейся практикой и не требовала санкции верховной власти. Однако со временем мулькдары или те, которые оспаривали их права, так или иначе прибегали к ее вмешательству. Многочисленные конфликты, споры из-за права взимания мулька заставляли мулькдаров периодически искать у представителей власти подтверждения своих «законных» прав.

[6] Как известно, со времени монгольского владычества в Армении, Азербайджане и Иране, которые на протяжении столетий входили в пределы одних и тех же государственных образований (государства Хулагидов, Кара-Койюнлу, Ак-Койюнлу, Сефевидов), складываются «в основном сходные особенности феодальных отношений» (И. П. Петрушевский, *Очерки...*, стр. 64). — Это дает право, как нам представляется, использовать некоторые данные о земельных отношениях в Армении, в частности о мульке, для характеристики некоторых особенностей в развитии этого института и в ряде других областей сефевидского государства. Такой метод исследования определяется еще и тем, что ни по одной другой области сефевидского государства нет столь обширного и достоверного материала для исследования земельных отношений, как по Армении (всевозможные купчие, дарственные грамоты, закладные и другие архивные документы).

ных феодалов, были религиозные учреждения [7], реже — правители областей и представители военно-феодальной знати [8]. Значительной земельной собственностью обладали купцы [9].

Показателем развития этой категории землевладения на протяжении XVI и первой трети XVIII в. являлся неуклонный рост стоимости мулькдарских деревень. Для подтверждения этого приведем несколько примеров.

В 1432 г. эчмиадзинский католикос Григорий Макавеци приобрел по купчим семь деревень за 54 тумана и в том числе деревню Батриндж — за 6 туманов [10]. По данным «Джамбра», в 50-х годах XVII в. только за данг ($^1/_6$ часть) этой же деревни было уплачено 16 туманов [11], следовательно, вся деревня оценивалась примерно в 100 туманов.

В 80-х годах XVI в. деревня Ошакан была продана ее владельцами за 8 туманов [12]. В течение 40—80-х годов XVII в. эчмиадзинские католикосы скупили у различных лиц отдельные части ее, равные $^1/_2$ данга или $^1/_{12}$ всей деревни, примерно по 5—6 туманов. Вся деревня Ошакан во второй половине XVII в. была приобретена за 60—70 туманов, что в семь-восемь раз превышает стоимость этой же деревни в 80-х годах XVI в.

В 1617—1618 гг. деревня Норк была продана за 9 туманов 2 тыс. динаров, а в 1678—1679 гг. католикос Акоб Джугаеци купил ее у внука ереванского купца Сета уже за 55 туманов [13].

В 1655—1656 гг. 2,5 данга деревни Мастара Мухаддам-батыр-хан продал крестьянину, возможно представителю крестьянской верхушки, Тархану за 12 тыс. динаров [14]. Следовательно, вся деревня должна была стоить около 3 туманов. В 1714 г. католикос Александр Джугаеци купил у внуков и сыновей некоего ереванца $^1/_2$ данга этой же деревни за 4 тумана. В 1719 г. они же прода-

[7] С. Ереванци, *Джамбр*, стр. 99—129.
[8] Там же, стр. 104, 159.
[9] *Զաքարիա Ագուլեցի. Օրագրություն. Երևան. 1938.* (далее — Закария Акулеци, *Орагрутюн*).
[10] *Կալվածագրեր. № 5, էջ 12—15.* (далее — *«Калвацагрер..»*).
[11] С. Ереванци, *Джамбр*, стр. 125.
[12] Там же, стр. 111.
[13] Там же, стр. 122.
[14] Там же, стр. 115.

ли еще данг той же деревни за 5 туманов 5 тыс. динаров [15]. Таким образом, стоимость всей деревни Мастара в 1714 г. составляла приблизительно 48 туманов, а в 1719 г. — 33 тумана. Следовательно, по сравнению с серединой XVII в. мы имеем огромное, а именно в двенадцать — четырнадцать раз, повышение стоимости деревни Мастара.

Повышение стоимости мулькдарских деревень имело две причины. Во-первых, во второй половине XVI — первой половине XVII в. в период оживления хозяйственной жизни в ряде областей возросло население, увеличилась продукция сельского хозяйства, следовательно, стала значительнее и доля землевладельца в ренте-налоге. Поэтому феодалы и купцы стремились к приобретению земельной собственности и вздували на нее цены. Во-вторых, рост стоимости мулькдарских деревень в значительной степени был также результатом неуклонного падения курса денег на протяжении XV—XVIII вв.

Из материалов, приведенных в источниках, ясно, что купля-продажа земли, в частности целых деревень, населенных крестьянами, признавалась шариатом и производилась при помощи местного шейх-уль-ислама, а шариатский суд выносил свое решение в спорных делах. Однако частное владение земельной собственностью, т. е. мулькдарское право в сефевидском государстве меньше практиковалось, чем права владения иными землями — садами, крестьянскими наделами и пр. Об этом свидетельствует, например, большое число утвердительных грамот, непрерывных споров и судебных тяжб, возникавших вокруг мулькдарских деревень.

Даже права такого влиятельного землевладельца, как Эчмиадзин, имевшего различные привилегии и пользовавшегося особым покровительством шахов, неоднократно оспаривались; нередко монастырские деревни оказывались захваченными другими феодалами [16].

Чтобы владеть мульком, приходилось тратить огромные средства на подкуп и взятки должностным лицам и на судебную волокиту [17].

[15] Там же.
[16] Там же, стр. 101, 102, 104, 106, 108, 110.
[17] Там же, стр. 110.

Земли средних и мелких феодалов-мулькдаров часто захватывались более крупными или конфисковывались властями. Поэтому не всякий обладатель денег мог рисковать ими ради приобретения сколько-нибудь значительной земельной собственности, а приобретя, удержать ее в своем владении.

Необеспеченность прав мулькдаров являлась, как нам представляется, основной причиной сохранения относительно низких цен на мулькдарские деревни по сравнению с существовавшими в тот же период ценами на крестьянские наделы и сады.

Стоимость даже небольших крестьянских наделов была значительна. Так, в 1725 г. обремененная долгами и разорившаяся крестьянка продала свое единственное достояние — участок пахотной земли за 4 тумана[18]. Неполивной участок земли, полученный в наследство от отца, крестьянин Аракел продал по купчей 1736 г. за 15 туманов[19]. Согласно купчей 1739 г. участок пахотной земли, проданной крестьянином Вардазаром, сыном Погоса, стоил 8 туманов[20], и т. д.

За некоторые сады, покупаемые Эчмиадзином в своих же мулькдарских деревнях (Вагаршапат, Ошакан и пр.), он часто платил больше, чем за само мулькдарское право на эти деревни. Сумма же стоимости нескольких садов намного превышала цену мулька той или иной деревни, в которой они находились. Например, лишь за четыре сада в деревне Вагаршапат Эчмиадзин уплатил 85 туманов (по 10, 15, 20 и 40 туманов)[21], в то время как за эту сумму можно было приобрести одну или несколько мулькдарских деревень.

Средства и способы приобретения мульков (купля земли, наследование, насильственное присвоение, завоевание, пожалование и пр.) исследованы в советской литературе[22]. Здесь мы остановимся лишь на тех путях, которые, как нам представляется, были непосредственно связаны с едва ли не наиболее характерными явлениями

---

[18] *Калвацагрер...»*, № 37, стр. 52—53.
[19] Там же, № 40, стр. 55—56.
[20] Там же, № 45, стр. 61.
[21] С. Ереванци, *Джамбр*, стр. 165—169.
[22] И. П. Петрушевский, *Очерки...*, стр. 242, 243; П. Т. Арутюнян, *Освободительное движение...*, стр. 22—29.

общественно-экономической жизни государства Сефевидов конца XVI — второй половины XVII в. — относительным подъемом хозяйства и дальнейшим разложением сельской общины. Один из них — более интенсивное (по сравнению с предшествующим временем) освоение нови. Купцы, разбогатевшие на торговле, переживавшей в указанный период некоторый расцвет, а также ряд феодалов по своей инициативе осваивали пустопорожние земли при помощи проведения оросительных каналов, рытья колодцев, сооружения водохранилищ, бассейнов[23].

Другим источником образования частной феодальной собственности, характерным для рассматриваемого времени, была скупка наделов разорившихся свободных общинников и захват общинных земель[24].

Коротко резюмируя некоторые изложенные выводы и положения советских специалистов, отметим, что в сефевидской державе на базе относительного развития производительных сил и последовавшего за этим усиления феодальной эксплуатации продолжала развиваться феодальная земельная собственность. Данный процесс шел по двум основным направлениям: первое — широкое распространение мульковых владений (в результате освоения нови, скупки крестьянских наделов) и второе — частичное превращение тиула в наследственное владение. Все это в некоторой степени подрывало государственную собственность на землю, однако с точки зрения социально-экономического развития Ирана и сопредельных стран было положительным явлением.

* * *

Характерной особенностью аграрного строя ряда стран, включенных в состав государства, было существование сельской общины (джама'ат).

Большинство сельских общин было зависимым. Феодально-зависимые крестьяне (ра'ийят) в государстве

---

[23] Закариа Акулеци, *Орагрутюн*, стр. 75, 119, 120; С. Ереванци, *Джамбр*, стр. 152—154, 159 и др. — Как известно, согласно мусульманскому обычному праву, собственность на воду могла определять также и собственность на землю.
[24] И. П. Петрушевский, *Очерки...*, стр. 243.

Надир-шаха являлись основным производящим классом [25].

Кроме феодально-зависимых крестьян, в государстве были также свободные крестьяне-общинники, сидевшие на общинных землях и платившие подати только государству. Однако они составляли весьма ничтожный процент и жили на окраинах государства, в основном в Армении.

Кочевое и полукочевое население известно под термином илят, от слова иль (племя). Внутри многочисленных племен, объединявших значительную часть населения страны, существовали патриархально-феодальные отношения. Иляты платили феодалу и в казну подати и выполняли определенные повинности.

Многие крестьяне еще владели индивидуальными наследственными участками пахотной земли. В коллективной собственности общины находились лишь выгоны и пустоши. В результате феодальной эксплуатации и дальнейшего разорения крестьян эти земли переходили к феодалам путем купли-продажи или заклада общинных земель под залоговую ссуду [26].

В XVI—XVIII вв. в результате усиления феодальной эксплуатации при укреплении и расширении феодального землевладения происходило дальнейшее углубление процесса разложения сельской общины. Это выразилось в росте имущественного неравенства и выделении из общей массы феодально-зависимых общинников незначительного слоя сельских хозяев, сосредоточивших в своих руках земли и имущества разорявшихся односельчан [27]. Все увеличивался слой малоземельных и безземельных крестьян, превращавшихся в издольщиков. Как отмечает

[25] Термин ра'ийят в более широком его значении употреблялся для обозначения податного сословия вообще (см. об этом подробнее: И. П. Петрушевский, *Очерки*..., стр. 249).

[26] *«Калвацагрер...»*, № 32, стр. 47; С. Ереванци, *Джамбр*, стр. 174, 175.

[27] Отдельные представители сельской верхушки часто выступали в роли ростовщиков, ссужали крестьян деньгами обычно под залог недвижимости и чаще всего — земли (С. Ереванци, *Джамбр*, стр. 55, 65, 66 и др., а также «Персидские официальные документы дивана Эчмиадзинского католикоса», хранящиеся в государственном хранилище рукописей Армянской ССР, документы № 335, 362, 385 и др.).

И. П. Петрушевский, положение этой довольно многочисленной группы было несравненно хуже, чем свободных крестьян-общинников.

Институт издольщины не являлся новым, он известен еще задолго до Сефевидов [28]. Однако характер этого института, естественно, изменился. Издольщики на кабальных условиях возделывали земли казны [29], феодальных собственников-мулькдаров, в частности монастырей [30], представителей сельской верхушки [31] и пр.

Размер арендной платы определялся в зависимости от того, получал ли арендатор от землевладельца только землю или также и семена, инвентарь, рабочий скот. Во всяком случае, арендная плата в XVIII в. колебалась от половины до трех пятых и лишь редко — до двух третей валового урожая [32].

Таким образом, процесс разрушения сельской общины и частичная экспроприация крестьян-общинников приводили в основном только лишь к укреплению и дальнейшему развитию кабальных форм феодальной эксплуатации.

К зажиточным сельским хозяевам принадлежали прежде всего сельские старосты, писцы и другие должност-

[28] И. П. Петрушевский, *Очерки*..., стр. 308.

[29] В «Тазкират ал-мулюк» отмечается, что некоторые чиновники столицы Исфахана обязаны были заботиться о том, чтобы земли халисэ не оставались невозделанными. Для этого они должны были водворять на пустующих землях казны арендатора (муста'джир), который не был привилегированным арендатором — посредником, а являлся безземельным или малоземельным крестьянином-издольщиком. По всей вероятности, термин муста'джир был синонимом терминов ранджбар, ярикар, акир.

Финансовые чиновники столицы, уполномоченные вести дела махалла, снабжали арендаторов семенами и прочим, что «(чиновник) считал необходимым для хорошего состояния возделывания». Эту ссуду арендатор возвращал во время сбора урожая. Сумма, начисленная с урожая, подлежащая уплате крестьянами и мустаджирами, была известна как ваджах-и рай [*«Tadhkirat al-muluk, A manual of Safavid administration»*, Persian text. Transl. and explained by V. Minorsky, vol. XVI, Cambridge, 1943, p. 78, 79].

[30] *«Калвацагрер»*, № 73, 79; И. П. Петрушевский, *Очерки*..., стр. 113—116; Мухаммед Казим, *Тарих-и аламара-йи Надири*, т. III, л. 317, 318.

[31] Артемий Араратский, *Автобиография*, т. II, СПб., 1868, стр. 190—192.

[32] И. П. Петрушевский, *Очерки*..., стр. 309.

ные лица. Ведая сделками, совершаемыми крестьянской общиной (заклад общинного или частного имущества отдельных крестьян для получения долговой ссуды или реализация на рынке продуктов земледелия и скотоводства для уплаты налогов и т. д.), они спекуляциями и различными махинациями наживались за счет крестьянства.

Обезземеленные крестьяне вынуждены были на кабальных условиях брать землю в аренду у казны и землевладельцев. Такая аренда всегда была издольной, причем издольщик вносил в пользу владельца земли от половины до трех пятых урожая [33].

Сельская община оставалась фискальной единицей, ведавшей среди крестьян-общинников распределением и сбором государственных налогов и феодальной ренты. Во времена правления Надира в общине существовала круговая порука [34].

Формально ра'ийяты и иляты были свободны, их нельзя было купить или продать. Некоторые русские дореволюционные авторы (М. Кучаев, Н. Дубровин, И. Шопен и др.) пытались этим доказать отсутствие в Иране и в других сопредельных странах крепостной зависимости и феодальных отношений. И лишь советские ученые научно обосновали существование в Иране феодализма.

В. И. Ленин указывал, что при феодализме внеэкономическое принуждение может иметь различные формы, «начиная от крепостного состояния и кончая сословной неполноправностью крестьянина» [35].

При наличии феодальной собственности на землю, составлявшей основу феодализма, одной из этих форм является прикрепление крестьянина не к феодалу, а к месту выполнения повинности.

В советской исторической литературе установлено, что прикрепление ра'ийятов к налоговым обязательствам и к месту их выполнения существовало в Иране и ряде сопредельных стран еще со времен монгольского владыче-

---

[33] Подробнее о кабальной издольщине см.: И. П. Петрушевский, *Очерки*..., стр. 308, 309.

[34] «*Lettres édifiantes*...», p. 300.

[35] В. И. Ленин, *Развитие капитализма в России* (Сочинения, т. 3, изд. 4), стр. 159.

ства [36]. Уже при Газан-хане (1295—1304) ра'ийят включался в податные списки того селения, где он проживал, и не имел права самовольно менять место своего жительства.

Основываясь на источниках, профессор И. П. Петрушевский считает возможным «предполагать, что и при Сефевидах ра'ийяты и кочевники не имели права самовольно покидать место своего поселения и своих кочевок без специального разрешения. При этом данные источники говорят не о прикреплении ра'ийятов и илятов к личности феодального владетеля, а о прикреплении к месту поселения, т. е. к хараджу [37] и местным повинностям» [38].

Находящийся в государственном хранилище Армянской ССР фирман сефевидского шаха Султан-Хусейна, датированный 1122 г. х. (1710) подтверждает положение, выдвинутое И. П. Петрушевским. В этом фирмане излагается закон (называемый «высочайшее слово») о прикреплении ра'ийятов к месту уплаты податей.

Если «прошло менее чем 12 лет как [ра'ийяты], рассеявшись, уйдя в другие махаллы, избрали [новое] место жительства» и не платили государственных налогов, то их могли переселить на прежние места жительства; «если же [со времени их переселения] прошло более 12 лет, никто не должен переселять их с этого махалла в прежний махалл» [39].

На основании данных, приведенных в нарративных источниках, можно заключить, что в исследуемый период ра'ийяты и иляты также не могли самовольно менять места жительства или кочевья [40].

---

[36] И. П. Петрушевский, *К вопросу о прикреплении крестьян к земле в Иране в эпоху монгольского владычества* («Вопросы истории», 1947, № 4); И. П. Петрушевский, *Формы феодальной зависимости крестьян в Иране в XIII—XIV вв.* («Советское востоковедение», 1955, № 5).

[37] В данном контексте харадж — поземельный налог.

[38] И. П. Петрушевский, *Очерки*..., стр. 255.

[39] Этот фирман обнаружен канд. ист. наук А. Д. Папазяном. Текст и его перевод на армянский язык даны в канд. диссертации А. Д. Папазяна «*Аграрные отношения в Ерезанском ханстве в XVII в.*», стр. 415, 416.

[40] «Персидские официальные документы...», папка № 1-6, док. 234 и др.

* * *

Политика сефевидских шахов, направленная на укрепление центральной власти и на борьбу против феодальных усобиц, имела особенно большой успех при шахе Аббасе I. Беспощадная расправа Аббаса с вольницей могущественной военно-феодальной знати кызылбашских и некоторых других племен, прекращение частых мятежей феодалов создавали относительно благоприятные условия для развития экономики.

При Аббасе I улучшилось состояние сельского хозяйства и ремесла, в особенности в центральных областях государства (персидский Ирак, столица Исфахан и ее область), население которых эпизодически освобождали от всех или части налогов.

Дальнейшему подъему производительных сил в сельском хозяйстве, росту городов, развитию внутренней и внешней торговли в значительной степени способствовал длительный мир между державой Сефевидов и Турцией (1639—1722)[41].

В экономически наиболее развитых областях сефевидской державы, в местностях, находившихся на больших караванных путях и близлежащих к городам, все более нарушалась замкнутость натурального хозяйства. Знаменательным явлением стало некоторое повышение товарности мелкого крестьянского хозяйства и подъема его производительности[42].

[41] И. П. Петрушевский, *Очерки...*, стр. 80—83.

[42] В этом отношении характерно, например, обращение крестьянской общины селения Андзнаберд в 1660 г. к своему землевладельцу, монастырю св. Первомученика, с просьбой разрешить общине уплату ренты в деньгах вместо вносимой прежде натуры (ячмень дыни и пр.) («*Калвацагрер...*», стр. 19).

Англичанин Эдвардс в своем письме от 8 марта 1566 г., адресованном управляющему английской торговой конторы в Москве, высказывает сожаление относительно того, что контора не имеет в Шемахе своего торгового агента, иначе можно было бы закупать шелк «непосредственно у крестьян, которые доставляют сюда свой шелк для продажи», [*Ուղեգրություններ. Երևան. 1934, էջ 410—413* (далее — «*Угагрутюннер...*»)].

Григорий Даранхеци в своей «Хронике» повествует о том, как крестьяне одной армянской деревни явились к нему с жалобой на остановившихся у них джугинских купцов, не соблюдавших пост. На это Григорий ответил, что джугинцы ведут себя так непристойно потому, что они купцы и богаты. Тогда крестьяне заявили, что

На северных окраинах сефевидского государства еще в конце XVI в. возник ряд торговых сел вдоль левого берега реки Аракса — Шахверт, Цгна, Дастак, Акулис, Ордубад, Мегри и др. Среди них особенно славилась Старая Джуга (Джульфа).

Однако экономический подъем, начавшийся в конце XVI в., был непродолжительным.

В последней четверти XVII в. появились признаки хозяйственного упадка сефевидской державы. Как отмечает И. П. Петрушевский, основной причиной этого было разорение мелкого крестьянского хозяйства — экономической основы феодального государства. Крестьянское хозяйство в связи с прекращением внутренних войн и освобождением от некоторых налогов (последовавшим, правда, лишь в отдельных районах и местностях) в конце XVI — первой трети XVII в. было объективно поставлено в более благоприятные условия и имело возможность за непродолжительный срок несколько увеличить свою производительность. Но для шахских правителей и чиновников фиска это явилось лишь стимулом для усиления феодальной эксплуатации. Другой причиной упадка «был трактовавшийся в исторической литературе процесс перемещения главных путей европейско-азиатской торговли в результате освоения в XVII в. европейцами морского пути вокруг Африки, открытого еще Васко да Гама. Сухопутные караванные пути, пролегавшие через страны Передней Азии, в частности и через страны Закавказья, утратили теперь прежнее значение, посредническая торговля закавказских городов сократилась»[43].

Вследствие упадка внешней торговли и сокращения поступлений от военной добычи из-за того, что сефевидские шахи с конца 30-х годов XVII в. не вели завоевательных войн, непомерно увеличился налоговый гнет[44].

Развитие внешней и внутренней торговли в период хозяйственного подъема XVII в. порождало у феодалов,

и они, торгуя вином, имеют дело с купцами всего мира и сами являются купцами. Григорий Даранхеци, *Хроника*, см. приложение в кн.: С. Тер-Аветисян, *Город Джуга. Материалы по истории торговых сношений джульфинских купцов XV—XVII вв.*, Тбилиси, 1937, стр. 100—106.

[43] И. П. Петрушевский, *Очерки...*, стр. 83.

[44] Там же.

связанных с торговлей, стремление получать некоторые, ранее взимавшиеся натурой, налоги в денежной форме. Однако в сефевидском государстве, в условиях господства натуральных форм хозяйства, перевод части налогов в денежную форму был обусловлен в основном стремлением феодалов к роскоши. Это вызвало расширение сферы деятельности ростовщического капитала. Ростовщичество, лишь подтачивая существовавшие формы производства и эксплуатации и не создавая нового способа производства, умножало тяжесть феодальной эксплуатации и способствовало разорению крестьянского хозяйства.

Как отмечает И. П. Петрушевский, «в странах Передней Азии не было в сколько-нибудь значительных размерах такого крупного хозяйства землевладельцев, как в Западной Европе и России, не было и процесса капиталистического развития в сельском хозяйстве. Поэтому разорение крестьян не могло здесь привести к тем социально-экономическим последствиям, к каким оно приводило, например, в Англии в эпоху первоначального накопления» [45].

О прогрессировавшем упадке крестьянского хозяйства в конце XVII — первой четверти XVIII в. свидетельствует резкое сокращение доходов, поступавших феодалам. Так, шейх Мухаммед Али Хазин писал, что из-за постоянно ухудшавшегося положения дел в государстве и «беспорядков» в различных местностях Гиляна, где находились владения отца шейха Хазина, доходы от этих наследственных имений с каждым годом сокращались. В конце концов годовой доход с них перестал покрывать даже месячные расходы [46].

Разорение крестьянского хозяйства, повлекшее упадок городов и торговли, привело к обеднению народных масс, которые все чаще стали выступать против непосильной эксплуатации. Обострение классовых противоречий и классовая борьба явились одной из основных причин распада государства Сефевидов.

Значительную роль в этом сыграло также развитие феодального землевладения независимо от центра. Этот

[45] И. П. Петрушевский, *Очерки...*, стр. 84.

[46] *«The life of Sheikh Mohammed Ali Hasin...»*, p. 102, 103.

процесс выразился не только в более широком распространении частного феодального землевладения (мульк, арбаби), но и в усилении власти и самостоятельности тиулдаров. Экономическая самостоятельность владельцев крупных тиулов стимулировала их стремление и к политической самостоятельности. Тенденция децентрализации усилилась в период начавшегося упадка и ослабления и без того непрочных связей между отдельными областями государства. Частые мятежи, отложение тех или иных областей обычны для сефевидской державы конца XVII — начала XVIII в.

Падение династии Сефевидов было тесно связано и с усилившимися противоречиями внутри класса феодалов, отходом некоторых из них от сефевидских шахов [47].

Следует отметить прежде всего недовольство военно-феодальной знати кызылбашских и других племен централистическими устремлениями сефевидских шахов, сокращением доходов с земель (вследствие разорения крестьянского хозяйства) и поступлений от военной добычи (в связи с тем, что сефевидские шахи после 1639 г. были вынуждены отказаться от завоевательных войн).

Против Сефевидов выступала также местная знать завоеванных и вассальных территорий — Армении, Азербайджана, Грузии.

Иранские шахи и турецкие султаны проводили традиционную политику покровительства армянской и грузинской церкви для привлечения высшего христианского духовенства на свою сторону. Во время многочисленных ирано-турецких войн до 1639 г. поддержка церкви способствовала успеху той или другой стороны. Кроме того, христианское духовенство, особенно армянское, пользовалось большим влиянием на широкие круги населения.

В течение первой, отчасти второй половины XVII в. христианские монастыри превратились в крупнейших феодальных собственников. Крупнейшим мулькдаром в Армении являлся Эчмиадзинский монастырь. Кроме значительных земельных массивов, в руках церкви была сосредоточена недвижимость в виде мельниц, маслобоен, рисорушек; в городах монастырям принадлежали лав-

[47] Подробно об этом см.: Н. Д. Миклухо-Маклай, *Афганское нашествие в Иране*.

ки, магазины, бани, караван-сараи, сдаваемые в аренду дома и т. п.

Сокращение доходов государства в конце XVII — начале XVIII в. заставило шаха усилить экономический нажим не только на трудящиеся массы, но также и на некоторые слои господствующего класса, в частности на христианское духовенство. Новая система налогового обложения, введенная в начале XVIII в., лишала монастыри всех иммунитетных привилегий. В то же время в связи с уменьшением производительности крестьянского хозяйства и сокращением торговли упали доходы монастырей с земельных владений и торговли. Все это, а также лишение христиан юридических прав, предоставленных им шахом Аббасом I, религиозная нетерпимость, ставшая основным направлением государственной политики, способствовали превращению высшего христианского духовенства в противников Сефевидов. В освободительном движении армянского народа против чужеземного ига в конце XVII — начале XVIII в. духовенство играло весьма важную роль.

В оппозиции к Сефевидам находилось также суннитское духовенство (высшее и низшее) Азербайджана, Афганистана и пр. Гонения и преследования суннитов вызывали крайнее недовольство. Например, когда в Ширване были казнены суннитские муллы, а мечети поруганы, там начались большие волнения. Жители обратились к турецкому султану с просьбой принять их под свое покровительство. Многие бежали в Турцию [48].

Феодалы Дагестана, Армении, Грузии, Карабаха, Ширвана, Афганистана в обстановке усиления экономического, политического и религиозного гнета, с одной стороны, ослабления и разложения государства, с другой — нередко присоединялись к народной борьбе за независимость.

В конце XVII — начале XVIII в. в Грузии, Азербайджане, Армении, Дагестане и Афганистане поднимаются освободительные движения, которые различаются по размаху и социальному составу участников в зависимости от развития каждой страны. Так, Армения, Грузия, Азер-

[48] J. Hammer, *Histoire de l'empire ottomane*, vol. XIV, Paris, 1839, p. 87.

байджан (Ширван, Карабах, Тебризская область) являлись наиболее развитыми в социальном и экономическом отношениях областями, входившими в состав сефевидского государства, а в Дагестане и Афганистане лишь происходил процесс становления феодальных отношений.

Однако все эти движения были направлены против иранского владычества и являлись реакцией на усиление религиозных преследований и экономического, социального гнета, связанных с общим упадком и разложением сефевидского государства.

Освободительное движение народов не было однородным. В нем было два основных течения: первое представлено народными массами — крестьянами и трудящимися слоями городского населения, рядовыми кочевниками, второе — местными феодалами, недовольными ущемлением их классовых привилегий. Таким образом, освободительное движение народов тесно переплеталось с сепаратистскими стремлениями феодалов, которые опирались на глубокое недовольство народных масс системой правления Сефевидов. Пользуясь неорганизованностью, а потому и слабостью народа, феодалы брали руководство в свои руки и направляли часто движение по руслу, чуждому народным интересам [49].

Недовольство Сефевидами проявляло и купечество [50].

В результате обострения противоречий внутри феодального класса шахская власть крайне ослабла. Сефевидский шах Султан-Хусейн (1694—1722) был марионеткой придворной знати. Борьба феодальных группиро-

[49] Подробно об освободительном движении народов против сефевидских шахов см.: П. Т. Арутюнян, *Освободительное движение...*; В. П. Лысцов, *Персидский поход Петра I*, М., 1950.

[50] В частности, в «Дневнике осады Исфагана» Саргиса Гилянеица содержатся сведения о недовольстве купечества Сефевидами и о симпатии, которую оно испытывало к России. Во время приближения афганцев к Исфахану в 1722 г. армяне Новой Джульфы были разоружены по приказу Султана-Хусейна, который очевидно, имел основания им не доверять. [Саргис Гилянецц, *Дневник осады Исфагана афганцами* («Записки Императорской академии наук», т. XVIII), СПб., 1870], стр. 4, 5. В период пребывания русских на Кавказе и в Гиляне (20-е годы XVIII в.) армянские купцы неоднократно информировали русских о намечавшихся военных операциях персидского войска, о положении в стране и т. д. [Ф. И. Соймонов, *Описание Каспийского моря...*, стр. 197].

вок, интриги, коррупция административно-фискального управления способствовали дальнейшему ослаблению государства.

Посланник Петра I в Иране А. Волынский писал: «Я удивляюсь, чего ради в нынешнее время Персия такую имеет о себе славу, о которой прежде всего довольно я от многих слыхал... внушено было будто персидское государство великое богатство имеет и доходы в государственную казну немалые собираются. Но сие весьма произошло от неизвестности, ибо вместо богатства всего государства не имеют доходов, разве 6 миллионов, и то с нуждою может быть. Прежде сего, хотя и немалые доходы были (как я слышал, что собиралось 15 миллионов и больше), однако и то ныне упущено от непорядочных управителей»[51]. Доурри Эфенди, посланный турецким султаном в качестве посла в Иран в 1720 г., по возвращении на родину доложил, что когда-то «процветавшее и благоустроенное» государство близко к своему концу[52].

Город Кандагар и его область, как и некоторые другие земли, бывшие местом поселения афганских племен, входили в состав государства Сефевидов и управлялись шахскими чиновниками.

В 1709 г. в Кандагаре произошло восстание одного из наиболее сильных афганских племен — гильзаев. В результате этого Кандагар отпал от Сефевидов. В 1717 г. правителем Кандагара стал Мир-Махмуд. В конце 1721 г. под его главенством гильзаи, к которым примкнули отдельные отряды другого афганского племени — абдали и некоторых афганских и неафганских племен и народностей, предприняли поход в Иран. В марте 1722 г. они осадили сефевидскую столицу — Исфахан, а 22 октября 1722 г. Султан-Хусейн, явившись в лагерь Мир-Махмуда, признал себя побежденным и передал ему шахскую корону.

Со временем афганцы укрепились в Фарсе, Кермане, персидском Ираке.

В Астерабаде фактически независимо правил каджар-

[51] Цит. по канд. дисс.: Н. Д. Миклухо-Маклай, *Афганское нашествие в Иране*.

[52] M. de Tienn, *Relation de Dourry Effendi*, Paris, 1810, p. 51.

ский хан Фатх-Али. Этот могущественный феодал приютил бежавшего из осажденного афганцами Исфахана сына Султан-Хусейна (июнь 1722 г.) мирзу Тахмаспа, который после взятия Исфахана войсками Мир-Махмуда объявил себя шахом Ирана.

Падение власти Сефевидов привело к активизации внешней политики Турции, стремившейся установить свою власть в Ширване и некоторых других областях распавшегося сефевидского государства. Тогда же был предпринят персидский поход Петра I. В сентябре 1722 г. русские войска захватили Дербент, а в 1723 г.— Баку. Весной турки заняли Тбилиси. Это заставило Тахмаспа искать союза с Россией. Согласно договору между Россией и шахом Тахмаспом (сентябрь 1723 г.), Петр I обещал ему помощь в борьбе с афганцами. Со своей стороны Тахмасп признал Дербент и Баку русскими владениями и уступил России Гилян, Мазандеран и Астерабад. Но русские войска заняли лишь Гилян.

Персидский поход и договор 1723 г. привели к резкому обострению русско-турецких отношений. Однако назревавший конфликт был улажен заключением договора между Россией и Турцией (июнь 1724 г.). Султан признал за Россией земли, переданные ей по договору 1723 г., а Россия за Турцией — часть Закавказья и северо-западный Иран. Вслед за этим султанские войска оккупировали весь северо-западный Иран, Азербайджан, Курдистан, а также некоторые области (Казвин, Ардебиль), не предусмотренные договором.

Господство в Иране афганских и турецких завоевателей, непрерывно воевавших между собой, грабежи, хищническая эксплуатация земель и междоусобицы местных феодалов крайне отрицательно сказались на дальнейшем экономическом положении разоренного государства. Афганцы не имели опоры среди населения страны, если не считать незначительного слоя купцов — зороастрийцев и немногих племен суннитского вероисповедания, в частности племени даргезин, обитавшего в окрестностях Хамадана. Попытки сначала Мир-Махмуда, затем его преемника и двоюродного брата Ашрафа найти поддержку среди чиновников и знати кочевых племен не имели успеха. Не удалось афганским шахам Ирана также привлечь на свою сторону иранское купечество (за исключе-

нием зороастрийцев). Афганские шахи должны были ориентироваться лишь на свое войско. Господство афганцев в Иране сопровождалось грубым произволом и насилиями со стороны завоевателей. Оно держалось лишь на военном подавлении и всеобщем терроре.

Положение афганских завоевателей осложнилось при Ашрафе, у которого были военные столкновения с шахом Тахмаспом и правителем Астерабада Фатх Али-ханом каджаром, с русскими войсками в Гиляне и турецкими оккупационными войсками.

В сражении с русскими Ашраф был разбит. Неудачи преследовали Ашрафа и в борьбе с турками. По договору от 13 октября 1727 г. он признал власть султана над Азербайджаном, Курдистаном, Хузистаном и частью Центрального Ирана. Эти поражения свидетельствовали о слабости афганского войска и способствовали его дальнейшему разложению. Военная сила афганцев в период правления Ашрафа была значительно подорвана также в результате окончательного разрыва между кандагарскими гильзаями и афганцами, находящимися в Иране. Поводом к этому было убийство Ашрафом Махмуда, брат которого Хусейн-хан являлся правителем Кандагара. Ашраф неоднократно обращался к Хусейн-хану за помощью, но получить из Кандагара подкрепление ему так и не удалось. Подрыв военной силы завоевателей, ослабление и разложение их войска привели к еще более широкому освободительному движению против ига завоевателей.

На основании исследований событий 20-х годов XVIII в. можно сделать вывод о том, что освобождение Ирана из-под ига чужеземных завоевателей было осуществлено в результате освободительной борьбы широких масс и в первую очередь крестьянства и трудящегося городского населения [53].

Сопротивление жителей иранских городов и деревень афганским завоевателям не было направлено на защиту

[53] Подробно об освободительном движении против афганских завоевателей см. диссертацию Н. Д. Миклухо-Маклая: *«Афганское нашествие в Иране»*; и его статью *«Из истории афганского владычества в Иране»*, опубликованную в «Ученых записках ЛГУ» (Л., 1954, № 179).

сефевидских шахов, как полагал шейх Мухаммед Хазин, ибо вся система экономического, социального и национального угнетения в государстве Сефевидов вызывала глубокое недовольство народных масс. Народ защищал родину от посягательств чужеземных завоевателей. Эта борьба доставляла афганцам и туркам несравненно больше хлопот, чем военные действия шахского войска.

Попытки Мир-Махмуда взять Йезд (1722) не увенчались успехом. Горожане вскрыли заговор зороастрийцев, намеревавшихся открыть афганцам городские ворота. Предатели были убиты патриотами, которые затем, опустошив окрестности города, стали активно готовиться к обороне. Осада города афганскими войсками затянулась, а после нескольких неудач афганцы, бросив обоз и артиллерию, отказались от взятия города. В завоеванных местах афганцы оставляли гарнизоны, строили цитадели и крепости. Однако эти меры не предотвратили антиафганских восстаний. В Хонсаре, где был расположен афганский гарнизон, произошло восстание местных жителей, в результате которого афганский отряд был разгромлен [54]. «Достойно удивления,— замечает шейх Хазин,— то, что несколько незначительных деревень в течение семи лет афганского владычества боролись за свою независимость и, несмотря на все усилия афганских завоевателей, так и не были подчинены ими. Вообще же,— продолжает тот же автор,— афганцы, хотя и оказались победителями, однако спокойствия они так и не обрели и пребывали в постоянном страхе от нападения ра'ийятов» [55].

Таким образом, прежде чем феодальный класс Ирана выдвинул своего представителя, который мог бы организовать борьбу против чужеземных завоевателей, народ самостоятельно выступал против них. Народная борьба нередко принимала форму самозванства [56]. Так, в Бахтиарии появился самозванец Сайид Хусейн, который выдавал себя за брата Султан-Хусейна. По словам хро-

[54] *«The life of Sheikh Mohammed Ali Hasin...»*, p. 120—126.
[55] Ibid.
[56] На народный характер самозванства в указанный период впервые обратил внимание Н. Д. Миклухо-Маклай (Н. Д. Миклухо-Маклай, *Из истории афганского владычества в Иране*, стр. 139)

ниста, будучи сам незнатного происхождения, он собрал «себе подобных бродяг»; «чернь и бродяги» были его сообщниками. Свои действия он развернул в окрестностях Исфахана. В битве с афганцами Сайид Хусейн был убит, а его войско разгромлено. Другое антиафганское движение было связано с именем самозванца Сайида Ахмада, который имел несколько столкновений с афганскими войсками, потерпел неудачу под Ширазом, но сумел овладеть Нейризом, Керманом, Дарабом. Осенью 1727 г. Сайид Ахмад объявил себя шахом. На его имя была прочтена хутба и отчеканена монета. Однако вскоре после этого он был осажден в крепости Хасанабад 30-тысячным войском, отправленным Ашрафом, затем взят в плен и казнен в Исфахане. Его «сообщники», по словам феодального хрониста, также были «чернь», «бродяги», «лоты».

Сефи-мирза, тоже человек незнатного происхождения, назвался сыном Султана-Хусейна. Он появился в Бахтиарии и призывал население подняться против афганских и турецких поработителей. Вокруг него собралось около 20 тыс. человек. Создав достаточно крупное войско, Сефи-мирза овладел Шуштером, Кухкилуйе, Хорремабадом и другими городами. Затем он объявил себя шахом. Деятельность Сефи-мирзы встревожила Надир Кули и он написал письмо бахтиарским ханам Кухкилуйе о том, что притязания Сефи-мирзы ложны. Тогда бахтиарские ханы, также напуганные размахом движения, убили самозванца.

Некий Шамиль Керам, простой торговец-перекупщик, объявивший себя братом Султан-Хусейна, собрал в свой отряд около тысячи «бродяг». Ему удалось захватить побережье Оманского залива, после чего он направился в Белуджистан, где между ним и ханом Абдуллой произошли военные столкновения. Когда Шамиль Кераму стало известно об отправке Ашрафом против него значительного карательного войска, он вынужден был бежать в Индию.

Активная борьба народов Ирана против захватчиков сыграла большую роль в подрыве и разложении военной силы афганцев.

Надир Кули-хан сумел использовать эту борьбу. Он происходил из клана кырклу кызылбашского племени афшар. Выдвинувшись в начале 20-х годов XVIII в. в Хорасане, он поступил на службу в дружину правителя Абиверда Баба Али-бека. Вскоре Надир Кули стал начальником этой дружины и постепенно подчинил Келат, Дестджерд, Абиверд. Но расширить свои владения в Хорасане он не смог, так как там ему оказал противодействие один из наиболее могущественных феодалов Мелик-Махмуд кияни (Систанский), влияние которого было распространено почти на весь Хорасан и Систан. В период афганской оккупации Ирана ряд феодалов стремились объединить Хорасан под своей гегемонией. Самыми серьезными претендентами были Надир Кули и Мелик-Махмуд. Между ними происходила борьба за подчинение многочисленных хорасанских племен. Хотя Надир и достиг значительных успехов, но одержать победу в борьбе с Мелик-Махмудом он был не в состоянии. Неоднократные попытки Надира взять Мешхед, столицу Мелик-Махмуда, терпели неудачи. В 1726 г. шах Тахмасп и Фатх Али-хан каджар прибыли с войсками в Хорасан для низложения Мелик-Махмуда и восстановления власти иранского шаха. Надир вместе с дружиной поступил на службу к Тахмаспу, рассчитывая с помощью шахских войск добиться в дальнейшем победы над Мелик-Махмудом.

Надир Кули также был нужен шаху Тахмаспу, во-первых, потому, что своим войском он усиливал армию шаха, и, во-вторых, Тахмасп, желая оградить себя от чрезмерного влияния Фатх Али-хана, пытался в лице Надира создать противовес могущественному каджару.

Во время осады Мешхеда Фатх Али-хан был убит по приказу шаха Тахмаспа, после донесения Надира о том, что Фатх Али-хан имел тайный союз с Мелик-Махмудом. Соответствовало это обвинение действительности или нет, трудно сказать. Ясно одно — Надир Кули не был склонен делить с каджарским ханом свое влияние на шаха и войско и видел в нем опасного соперника в борьбе за власть. Надир Кули стал главнокомандующим шахскими вооруженными силами. Однако все представители каджарской знати, приближенные Фатх Али-хана, остались на прежних должностях. По всей вероятности, шах и Надир Кули все же были вынуждены считаться с реальной силой каджаров. Вскоре Надир занял Меш-

хед, но Мелик-Махмуд не прекратил борьбы. Ему удалось поднять против Надира и шаха Тахмаспа племена, обитавшие в окрестностях Мерва. Однако эта попытка Мелик-Махмуда восстановить свою власть в Хорасане не имела успеха, и он был казнен.

После взятия Мешхеда и расправы с Мелик-Махмудом престиж Надира необычайно возрос. Именно с этого времени Надир начинает насаждать в войске и аппарате управления преданных лиц. Зимой 1727 г. произошел открытый разрыв между Надиром и шахом. В военном столкновении между войсками Надира и курдами, примкнувшими к шаху Тахмаспу, Надир одержал победу. Тахмасп согласился примириться со своим полководцем, что фактически означало капитуляцию шаха. После многочисленных походов на Хабушан, Дерегез, Мерв, Астерабад, Мазандеран Надиру удалось подчинить многочисленные курдские и туркменские племена Хорасана, а также объединить весь северо-восточный Иран. Его успехами был крайне обеспокоен афганский шах в Иране Ашраф. Оставив в Исфахане незначительный гарнизон, Ашраф направился в Хорасан для борьбы с Надиром. 30 сентября 1729 г. в сражении, происшедшем на берегу р. Михмандоста, Ашраф был разбит. Хотя Надир не преследовал афганское войско, Ашраф поспешно отступал к Тегерану, откуда направился в Исфахан. Потеряв большую часть своих сил, он обратился за помощью к турецкому султану, который прислал для борьбы с Надиром значительное войско. Решительное сражение между Надиром и Ашрафом произошло при Мурчехоре, в 60 км от Исфахана, 13 ноября 1729 г. Надир вновь одержал победу. Афганцы бежали с поля боя, оставив лагерь и снаряжение. Отступив в Исфахан, афганцы той же ночью покинули город. Началось паническое отступление афганского войска, которое скорее было похоже на бегство. Через три дня после ухода афганцев из Исфахана Надир занял город, а спустя две недели шах Тахмасп торжественно вступил в столицу своих предков. Была отчеканена монета и прочтена хутба на имя Тахмаспа, а Надир собственноручно возложил на его голову иранскую корону. Своей же целью Надир объявил полное изгнание афганцев и турок. Он прекрасно понимал, что, только призвав народ на борьбу с чужеземными за-

воевателями, он сможет достичь популярности и авторитета. К тому же и для успешной борьбы с афганцами и турками ему необходима была поддержка именно широких слоев населения страны.

Естественно, что под знамена Надира и шаха Тахмаспа стеклось много тысяч патриотов. Население страны оказывало активную поддержку и помощь войску. Так, когда Надир начал поход на Исфахан, то несмотря на то, что «деревни разорены, жатвы и сенные покосы выжжены, но как скоро войско вступило в поход, то жители полевые, кои по разбитии афганцев разбежалися со своими пожитками и припасами в горы, отовсюду стали сходиться, принося армии провиант и все нужное к ее содержанию; не малое число персиан пришли в великом множестве принять службу у шаха» [57]. Аналогичные свидетельства можно найти в сочинениях Фрэзера [58], Мухаммеда Хазина [59] и других авторов.

Войско Надир Кули и шаха Тахмаспа значительно увеличилось за счет народных ополчений. В частности, в «С.-Петербургских ведомостях» от 21 января 1727 г. отмечалось, что шах Тахмасп предпринял поход в Хорасан с войском до «3 тысяч человек и с деревенскими мужиками» [60].

Мы уже говорили о частых восстаниях в городах и областях, занятых афганскими войсками. Даже самые жесточайшие методы военного подавления, применяемые завоевателями, не могли предотвратить новых восстаний. По приказу Ашрафа афганские гарнизоны эвакуировались из Кашана, Кума, Казвина, Тегерана и сосредоточивались в Исфахане. «Из всех городов, где имелись афганские войска и правители,— писал шейх Хазин,— они бежали в Исфахан» [61]. Афганцы часто капитулировали перед восставшими горожанами и крестьянами окрестных деревень.

---

[57] [С. Решетов] *«История о персидском шахе Тахмас Кулы-хане, с французского на российский язык переведенная асессором Степаном Решетовым»*, СПб., 1790, стр. 46.

[58] James Fraser, *The history of Nadir shah, formerly called Thamas Kuli khan*, London, 1742, p. 97.

[59] *«The life of Sheikh Mohammed Ali Hasin...»*, p. 177, 178.

[60] [Ф. И. Соймонов] *«Описание Каспийского моря...»*, стр. 219 и др.

[61] *«The life of Sheikh Mohammed Ali Hasin...»*, p. 178.

На отступавшее афганское войско нападали вооруженные местные жители. Шейх Хазин отмечает, что «на всем протяжении их пути к ним в руки не попал ни единый кусочек хлеба». Афганские воины вынуждены были питаться сырым мясом своих лошадей и ослов, так как местные жители ни за какие деньги не хотели продавать им продовольствие[62]. Каждую ночь из войска уходили отдельные отряды, «надеясь достигнуть безопасных мест», но крестьяне нападали на эти отряды, убивали воинов, отбирали их имущество[63]. Когда же Ашраф послал своего брата из Лара в Басру просить помощи у турецкого султана, крестьяне близлежащих местностей схватили его, убили, а труп отправили Ашрафу[64]. Непрерывные нападения крестьян на остатки афганского войска привели к его окончательному разгрому: «...власть и сила его (Ашрафа) были уничтожены»[65],—заключает шейх Хазин. Такая же активная борьба масс привела и к разгрому турецких завоевателей.

Еще в 1725 г., когда турецкое войско подошло к Хамадану, его уже покинули и правитель, и войско. На защиту города встали горожане. Турецкое войско не смогло взять город приступом и вынуждено было осадить его. Осада продолжалась около четырех месяцев. Когда туркам удалось все же ворваться в город, на улицах развернулись ожесточенные бои. Плохо вооруженные горожане проявляли необычайное упорство и героизм. Ни один из них не покинул города. Среди горожан и окрестных крестян, которые укрылись во время приближения турецкого войска за городскими стенами, лишь немногие остались в живых[66]. Правитель Хорремабада также бежал с приближением турецкого войска, однако население города, не желая покоряться турецким завоевателям, укрылось в окрестных горах[67]. И хотя, как замечает шейх Хазин, турки подчинили себе многие области — Курдистан, Луристан и т. д., крестьяне не хотели мириться с турецкой властью и оказывали упорное сопротивление.

[62] Ibid., p. 183, 184.
[63] Ibid., p. 185.
[64] Ibid., p. 183, 184.
[65] Ibid., p. 186, 187.
[66] Ibid., p. 137, 138.
[67] Ibid., p. 138.

Например, в небольшом местечке Беруджерд, где турки назначили своего правителя и оставили гарнизон, «чернь» и «люди базара» подняли восстание и уничтожили около 4 тыс. турецких воинов. Восстание было подавлено, население обложено огромной контрибуцией[68].

Героически обороняли свой город жители Тебриза. Когда же под натиском турецкого войска, ослабленные продолжительной борьбой, они были вынуждены отступить, на улицах завязались кровопролитные рукопашные бои. В конце концов, как передает шейх Хазин, турки, пораженные храбростью горожан, объявили, что они прекращают борьбу. Тебризцам была предоставлена возможность покинуть город вместе со своими детьми и женами и тем количеством имущества, которое они в состоянии захватить с собой. Тогда около 5 тыс. человек («...это все, что осталось от когда-то многочисленного населения этого города»,— замечает шейх Хазин) с мечами вышли из Тебриза. «Такую невиданную храбрость редко можно отметить среди жителей городов с тех пор как существует мир»,— заключает современник[69].

После изгнания афганцев из Ирана, Надир Кули-хан начал напряженную борьбу с турками, которая с перерывами продолжалась до конца 1735 г. и закончилась изгнанием турок из пределов Ирана.

Еще в 1732 г. Надир Кули-хан низложил шаха Тахмаспа II, пользуясь глубоким недовольством в стране, вызванным неудачной турецкой кампанией Тахмаспа и заключением им невыгодного для Ирана мирного договора. Когда под именем Аббаса III шахом был провозглашен годовалый сын неудачливого Тахмаспа, Надир Кули-хан стал регентом, а фактически — полновластным правителем государства. В 1736 г. в Муганской степи Надир Кули-хан короновался под именем Надир-шаха. Муганским курултаем (собрание знати) 1736 г. завершается период деятельности Надира, связанный с освободительной борьбой против афганских и турецких захватчиков.

Таким образом, победы, одержанные Надиром в сражениях с турецкими и афганскими завоевателями, стали

[68] Ibid., p. 151.
[69] Ibid., p. 103—106.

возможными лишь благодаря широко развернувшейся освободительной борьбе крестьян и трудящихся слоев городского населения.

Однако при оценке деятельности Надира в период, предшествовавший «избранию» его шахом, не следует забывать, что для самого Надира и поддерживавшей его военно-феодальной знати целью борьбы против афганцев была победа над другими феодальными группировками, обогащение и захват власти.

После того как Надир стал шахом, он предпринял ряд походов, надеясь во внешних завоеваниях найти выход из экономического упадка, в котором находился Иран, а также за счет военной добычи пополнить казну и обогатить поддерживавшую его часть господствующего класса. В 1737 г., воспользовавшись борьбой между афганскими племенами гильзаев и абдали, Надир-шах занял Герат и Кандагар. Затем он отправился в Индию, которая переживала экономический и политический упадок.

Современные индийские ученые Н. К. Синха и А. Ч. Банерджи в своей книге «История Индии» пишут о состоянии страны перед походом Надир-шаха и о Великом Моголе Мухаммед-шахе: «...с деморализованной армией, распадающимся государственным аппаратом, окруженный знатью, чьей «профессией была зависть», Мухаммед-шах предоставил событиям идти своим чередом, и в период его длительного правления (1719—1748 г.—*М. А. и К. А.*) фактически завершился распад Могольской империи»[70]. Многие области, входившие в ее состав, стали самостоятельными (Ауд, Бенгалия, Хайдерабад, Бихар и Орисса).

Естественно, что при таком положении могольская держава не могла оказать должного сопротивления войскам Надира, которые почти беспрепятственно подошли к Карналу (северо-западнее Дели). В битве при Карнале 24 февраля 1739 г. войска Великого Могола были наголову разбиты, и 20 марта Надир занял Дели.

В Индии была захвачена колоссальная военная добыча — масса денег и драгоценностей, — оценивавшаяся в

[70] Н. К. Синха, А. Ч. Банерджи, *История Индии*, М., 1954, стр. 277.

700 млн. руб. Большая часть награбленных богатств была отвезена в Келат, где и хранилась до смерти Надира.

Завоевав Индию, Надир подчинил Синд и двинулся в Среднюю Азию, состоявшую из отдельных ханств, между которыми шла непрерывная борьба.

Бухарское ханство, где в то время правил последний представитель династии Аштарханидов — Абульфайз-хан, фактически распалось на отдельные части, Хорезм, так же как и Бухара, был истощен постоянными войнами и междоусобицами. В 1740 г. Бухарское и Хивинское ханства были включены в состав государства Надир-шаха. Оставив в завоеванных странах военные гарнизоны, в 1741 г. Надир-шах предпринял поход в Дагестан.

Еще в 30-х годах попытки Надира покорить Дагестан были безуспешны. В одном из сражений был убит правитель Азербайджана Ибрагим-хан — брат Надир-шаха.

После побед в Индии и Средней Азии Надир снова решил покорить Дагестан, но опять встретил упорное сопротивление. Народы Дагестана стойко защищали свою независимость, и Надир-шах терпел одно поражение за другим (в мае 1742 г.— в сражении с табасаранцами, в августе—при урочище Кафир-Кумух, в сентябре—у авар и в ноябре, когда часть его войска была разбита в сражении с каракайтакцами). В начале 1743 г. Надир-шах начал отступление из Дагестана.

Вскоре, стремясь восстановить свою подорванную репутацию, Надир начал войну с Турцией, для того чтобы захватить арабский Ирак. Однако эта война проходила с переменным успехом и не увенчалась победой. В 1746 г. был заключен мир, по которому оба государства сохранили свои границы, установленные договором 1639 г.

Кроме перечисленных военных походов, по приказу Надира были предприняты экспедиции в Бахрейн (1736) и в Оман (1738 и 1741—1743). Однако Надиру удалось подчинить только Бахрейнские острова.

После одной из неудачных экспедиций в Маскат, когда несколько фрегатов, купленных у иностранцев, было потоплено, Надир-шах начал строительство флота в Бушире на Персидском заливе, а также в Лангеруде на Каспийском море, где постройкой кораблей руководил англичанин Джон Эльтон. Однако стремления Надира

создать свой флот фактически остались не осуществленными.

Широкие планы Надир-шаха завоевать Китай и создать в Азии огромное государство потерпели крах. В 40-х годах государство Надира потрясли мощные народные восстания в самом Иране и освободительные движения в Азербайджане, Дагестане, Грузии, Армении, Средней Азии. В июне 1747 г. Надир был убит ночью в своей палатке.

ГЛАВА III

АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА НАДИР-ШАХА И РОСТ ФЕОДАЛЬНОЙ ЭКСПЛУАТАЦИИ

Одним из звеньев внутренней политики Надира, направленной на усиление центральной власти и подавление сепаратизма феодалов, была аграрная политика. В основном она обеспечивала укрепление и увеличение фонда государственных земель, земель домена и ослабление экономических и политических позиций отдельных феодалов.

При Надире был составлен земельный кадастр, впоследствии, к сожалению, утерянный. Известно, однако, что этот кадастр отражал проводившуюся в те годы политику увеличения фонда государственных земель[1].

Период непрерывных войн, восстаний и карательных экспедиций 30—40-х годов был связан с массовым истреблением сельского и городского населения, колоссальными разрушениями городов, оросительных сооружений, опустошением целых округов.

Мухаммед Казим сообщает, что после вступления на престол Надир-шах, занявшись рассмотрением экономического состояния иранских городов и деревень, издавал, в частности, указы о возделывании и благоустройстве земель[2], о приведении в порядок разрушенных оросительных систем[3] и пр. Однако не освоение нови являлось при Надире источником увеличения фонда земель

[1] *«Tadhkirat al-muluk...»*, p. 147, 148.
[2] Мухаммед Казим, *Тарих-и аламара-йи Надири*, т. II, л. 11.
[3] Там же, л. 126.

государства (казны). Крестьяне из различных местностей переселялись на заброшенные земли и обрабатывали их. По приказу Надира эти земли приписывались к государственным землям или землям домена.

Современники также отмечали многочисленные случаи конфискации владений некоторых представителей господствующего класса в пользу шаха («описано на шаха», «имения все без остатку описывает» и т. д. [4]). Так было конфисковано имущество некоего Самад-бека Тебризи, крупного феодала, имевшего огромные богатства в южном Азербайджане. По данным историка, ему принадлежали десятки и сотни тысяч голов рогатого и рабочего скота, деньги, всякого рода недвижимость и, несомненно, земли. Сам Самад-бек, пользовавшийся почетом у брата Надира Ибрагим-хана (правителя Азербайджана), был казнен как зачинщик похода против племени джара, во время которого погиб Ибрагим-хан [5]. Как отмечает хронист, имущество Самад-бека было конфисковано в пользу шахского домена (саркар-и хассэйи-шерифэ) [6].

По свидетельству Мухаммеда Казима, в последние годы правления Надира в Кермане по его приказу был казнен богатый местный шейх Хусейн, имущество которого было конфисковано в пользу казны [7].

По свидетельству русского резидента Калушкина, «Шах непрестанно их (везиров и начальников областей) сменивает и имения описывает на себя, и могу сказать, что мне ни единой из оных командиров на память не приходит, который при смене своей в достаток был не обобран» [8].

Государственное землевладение было расширено в значительной мере и за счет улька некоторых племен. Одним из способов изъятия земель у племен был перевод кочевого населения в ра'ийяты. Это осуществлялось или путем принудительного прикрепления кочевников к дан-

[4] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1738, д. 7, л. 11; 1745, д. 18, л. 684 и др.
[5] Мухаммед Казим, *Тарих-и аламара-йи Надири*, т. II, л. 317, 319.
[6] Там же.
[7] Мухаммед Казим, *Тарих-и аламара-йи Надири*, т. III, л. 238.
[8] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1738, д. 7, л. 11.

ному месту поселения, причем они обязывались заниматься земледелием, которое рассматривалось как государственная повинность, или путем конфискации племенных земель в пользу казны. При этом население, проживающее там, фактически превращалось в арендаторов этих земель.

В 30—40-х годах фонд государственных земель пополнялся также за счет покупки частновладельческих земель. Мухаммед Казим сообщает, что Надир приказал должностным лицам, чтобы в Хорасане они «покупали бы по высокой цене у владельцев мульков землю для государственной казны (саркар-и диван)» [9].

Надир скупал частновладельческие земли, заброшенные и необработанные в результате экономического упадка и многолетних междоусобиц, включал их в фонд государственных земель и поселял там ра'ийятов из других областей страны, заставляя их заниматься земледелием.

Многие вакфные земли, составлявшие в период правления шаха Султан-Хусейна значительную часть земельного фонда, передавались в управление, ведавшее государственными землями. Доходы с них должны были расходоваться на содержание войска. По мнению Фрэзера, конфискация вакфного имущества дала казне 1 млн. туманов [10]. Такое перераспределение Надиром земельного фонда, направленное на укрепление своей власти, вызвало глубокое недовольство высшего шиитского духовенства.

Однако самой значительной из всех мер шаха в области аграрной политики была попытка внести коррективы в систему оплаты войск и видных должностных лиц.

Мухаммед Казим говорит о постановлении Надира, по которому хакимы — правители областей, и забиты — уполномоченные по ведению финансовых дел, получали бы свое жалованье от чиновников фиска данной области. Согласно этому положению, каждому беглербегу было определено жалованье в среднем около 1 тыс. туманов в год [11]. Это, несомненно, пример назначения жалованья по системе хамэ-салэ.

[9] Мухаммед Казим, *Тарих-и аламара-йи Надири*, т. I, л. 100.
[10] James Fraser, *The history of Nadir shah...*, p. 121, 122.
[11] Мухаммед Казим, *Тарих-и аламара-йи Надири*, т. II л. 11.

Как отмечалось выше, хамэ-салэ жаловались и Сефевидами. Однако при Надир-шахе эта форма оплаты практиковалась в значительно более широких масштабах. В отличие от периода правления сефевидских шахов, в 30—40-х годах хамэ-салэ предоставлялись также и военно-феодальной знати, и правителям областей взамен получаемых ими прежде земельных пожалований (тиул).

В то время как в источниках часто встречаются сведения о предоставлении служилым людям хамэ-салэ [12], упоминания о пожаловании собственно тиулов почти отсутствуют. Так, нам удалось установить лишь один подобный случай: после завоевания Кандагара земли кандагарского оазиса, населенные таджиками, были объявлены государственной собственностью и разделены на правах тиула между афганскими воинами [13].

Секретарь индийского вельможи Сарбуленд-хана мирза Заман писал из Дели своему патрону о советах, касающихся управления государством, которые Надир-шах дал могольскому императору Мухаммед-шаху, покидая Индию: «Первым долгом вы должны отобрать у всех вельмож их джагиры и платить им жалованье наличными деньгами в соответствии с их чином и рангом» [14].

Эти советы могольскому императору раскрывают сущность аграрной политики самого Надира.

Из хроники Мухаммеда Казима мы узнаем, что еще в 1736 г., по вступлении на престол, Надир-шах упразднил некоторые должности, существовавшие при дворе сефевидских шахов (куллар-агаси, итимад-ад-доуле, курчи-баши, ишик-агаси) [15].

По данным «Тазкират ал-мулюк», каждому из этих лиц принадлежали определенные земельные владения, присвоенные их должностям. Так, начальник корпуса курчиев — курчи-баши получал от казны в качестве тиула

[12] Мухаммед Казим, *Тарих-и аламара-йи Надири*, т. III, л. 174, 175.

[13] И. М. Рейснер, *К вопросу о складывании афганской нации* («Вопросы истории», № 7, М., 1949).

[14] James Fraser, *The history of Nadir shah...*, p. 206, 207.— Джагир — форма условного феодального землевладения в Могольской Индии. Условия пожалования джагира и практика держания его были примерно те же, что и тиула.

[15] Мухаммед Казим, *Тарих-и аламара-йи Надири*, т. II, л. 11.

округ Казеруна, начальник конного корпуса — куллар-агаси — округ Гульпайган, главный церемониймейстер дивана — ишик-агаси-баши — округ Рей [16]. Все эти тиульные владения после упразднения Надиром названных должностей включались в земельный фонд казны.

Таким образом, аграрная политика Надир-шаха нанесла значительный удар по существовавшим формам феодальной собственности и способствовала усилению государственной собственности.

* * *

Ра'ийяты, сидевшие на государственных и шахских землях, а также на землях, пожалованных религиозным учреждениям и отдельным лицам, формально считались арендаторами. Эта аренда была наследственной. За пользование земельными участками и пастбищами ра'ийяты и иляты были обязаны уплачивать ренту.

Рента в этот период сочетала все три формы (отработочную, продуктовую и денежную), причем рента продуктами была преобладающей. Характеризуя данный вид ренты, Маркс писал: «...эта форма как нельзя более пригодна для того чтобы послужить базисом застойных состояний общества» [17].

В 40-х годах XVIII в. денежная часть ренты была увеличена за счет ренты продуктами (о чем подробно будет сказано ниже). Так как крупные хозяйства не были широко распространены, отработочная рента выполнялась не в форме работы на пашенных землях личного хозяйства феодалов, а в виде различных повинностей в пользу государства и феодала — работа на оросительных сооружениях по восстановлению Мервской плотины, доставка строительных материалов (леса для строительства флота, мрамора — для различных построек в Хорасане и т. д.), постройка крепостей (в Мирабаде, под Мервом и др.), прокладка дорог и т. п.

Соотношение между частями ренты-налога, выплачивавшегося в пользу государства и землевладельца, определялось в зависимости от того, к какой категории землевладения относились данное селение или район и обла-

[16] И. П. Петрушевский, *Очерки...*, стр. 200.

[17] К. Маркс, *Капитал*, т. III. М., 1955, стр. 809.

дал ли землевладелец правом налогового иммунитета, а также от обычаев, установленных в той или иной местности.

Подати и повинности, выполнявшиеся в пользу государства, тиулдара, мулькдара и т. д., в основном были одни и те же. Различия заключались лишь в их распределении между государством и феодалами.

Сложная система податей и повинностей тяжелым бременем лежала на плечах ра'ийятов и илятов.

Ниже приводятся лишь те подати и повинности, которые удалось зафиксировать при изучении официальных документов и нарративных источников, относящихся непосредственно к исследуемому периоду. Среди этих податей и повинностей имеются и такие, о которых в востоковедческой литературе не упоминалось.

Сведения о налогах содержатся в персидских и русских источниках. Как уже отмечалось, при Надир-шахе был составлен новый налоговый кадастр — «Дафтар-и рокбей-и Надири», на который ссылались все другие кадастровые описи, существовавшие в Иране вплоть до первого десятилетия XX в. В труде Мухаммеда Казима некоторые подати и повинности перечисляются дважды: в первом случае — подати и повинности, от уплаты которых в 1731 г. освобождалась часть населения Хорасана на три года [18], во втором — подати, снимавшиеся в 1734 г. также с жителей Исфахана на тот же срок [19]. Кроме того, Мухаммед Казим сообщает, хотя весьма разрозненные и неполные, но тем не менее важные и интересные сведения о налогах и налоговой политике.

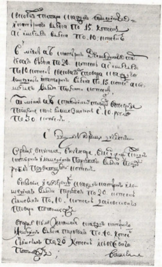
Интересна «Ведомость сколко с чего и в которых местах в Персии берется пошлин или вместо оных рахтаров», обнаруженная в Архиве внешней политики России [20].

Наиболее ценным документом для изучения налогов, налоговой политики и положения податного населения в 30—40-х годах XVIII в. является шахский фирман 1151 г. х. (1739) о снятии некоторых налогов с части населения государства Надир-шаха сроком на три года. Пер-

[18] Мухаммед Казим, *Тарих-и аламара-йи Надири*, т. I, л. 150.

[19] Там же, л. 264, 265. — Более подробно об этом мы будем говорить ниже.

[20] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1745, д. 18, л. 773—776.

«Ведомость сколко с чего и в которых местах в Персии берется пошлин или вместо оных рахтаров» (фрагмент)

сидский текст самого фирмана считался утерянным. Ни в одном из источников, даже в сборнике официальных документов и указов Надир-шаха («Инша»), собранном его личным секретарем и придворным историографом Мехдиханом, персидского текста указанного фирмана не имеется. В трудах персидских, европейских, русских и советских авторов, посвященных истории Ирана и некоторых сопредельных стран в первой половине XVIII в., а также отдельно деятельности Надир-шаха, персидский текст фирмана также не приводится [21].

В первой главе настоящей работы отмечалось, что два опубликованных перевода этого фирмана не были замечены и не использованы ни одним из предыдущих исследователей. Основным недостатком этих переводов является то, что персидские термины заменены русскими, не всегда точно отражающими их действительный смысл. Ниже, при разборе податных терминов, этот вопрос рассматривается подробнее.

На основании источников удалось установить, что в 30—40-х годах XVIII в. были известны подати постоянные (зафиксированные в дафтарах) и непостоянные — вводимые по специальным распоряжениям (например, приказы Надир-шаха о сборах дополнительных сумм, штрафов или определенного количества продовольствия, причем дополнительные сборы провианта и штрафы нередко превышали суммы установленных годовых податей) [22].

Большую часть податей и повинностей, существовавших в 30—40-х годах XVIII в. в державе Надир-шаха, составляли поземельные и подоходные сборы (мал у джихат, 'ушр, чобан-беги, натидже, воджух-и зарбханэ); подушные подати (сар-шомари, ясак-каш, джизья); сборы на содержание войска ('улуфэ, сурсат, асб-и чапар) и повинность военной службы (черик); сборы в пользу шаха и государственных чиновников (русумат, тахвилат,

[21] Персидский текст фирмана был обнаружен М. Р. Аруновой и приведен в ее кандидатской диссертации, а также в статье *«Фирман Надир-шаха»* («Советское востоковедение», 1958, № 2).

[22] О существовании постоянных и непостоянных налогов говорит Мухаммед Казим (*«Тарих-и аламара-йи Надири»*, т. I, л. 139; И. П. Петрушевский, *Очерки...*, стр. 279). — Интересные цифровые данные о штрафах и поставках на войско дают архивные материалы (см. об этом ниже).

пишкеш, хараджи мутараддидин); трудовые повинности в пользу государства и феодалов (бигар); дорожные пошлины (рахдари) и др.

Основным налогом, взимавшимся с ра'ийятов в пользу государства и феодала, был мал у джихат, или малийят, упоминающийся в источниках одним из первых [23]. В зависимости от того, кому и на каких условиях принадлежал данный участок земли, определялась доля урожая, которую крестьянин должен был вносить в пользу государства и феодала.

Изучая источники, удалось выяснить, что данная подать в 30—40-х годах взималась не только натурой, но и деньгами. В русских архивных материалах приведены многочисленные сведения, подтверждающие это. Например, один из русских дипломатических представителей в Иране в 1745 г. писал о приказе Надира: «...брать и за хлебные припасы деньгами...» [24].

И. П. Петрушевский считает, что термином мал у джихат обозначался один налог, взимаемый с урожая, а термин бахра является синонимом мал у джихата [25].

Термин мал у джихат анализируют в своих работах А. Д. Папазян [26] и П. Т. Арутюнян [27].

В фирмане 1151 г. х. мал у джихат также упоминается как один налог, взимавшийся с оседлого населения. Термин мал у джихат (в форме малджегат) фигурирует как один налог с единой суммой сбора и в документах публикации «Колониальная политика российского царизма в Азербайджане» [28].

Согласно фирману 1151 г. х. от уплаты мал у джихата на три года не освобождались ра'ийяты, сидевшие на землях халисэ и тиула [29].

[23] Мухаммед Казим, *Тарих-и аламара-йи Надири*, т. I, л. 150, 274; АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1739, д. 5, л. 248 (персидский текст).

[24] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1745, д. 6, л. 340.

[25] И. П. Петрушевский, *Очерки...*, стр. 266, 267.

[26] А. Д. Папазян, *Аграрные отношения...*, стр. 26.

[27] П. Т. Арутюнян, *Освободительное движение...*, стр. 106; А. Д. Папазян, *Аграрные отношения...*, стр. 114.

[28] «Колониальная политика российского царизма в Азербайджане в 20—60-х годах XIX в.», т. I, М.—Л., 1936—1937, стр. 191, 402, 439; т. II, стр. 55.

[29] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1739, д. 5, л. 248.

'Ушр — этот термин известен со времен арабского завоевания. В исследуемый период 'ушр взимался как одна десятая доля урожая. В Мерве (заселявшемся и благоустраивавшемся в стратегических целях) по распоряжению Надир-шаха было приказано взимать лишь 'ушр [30].

Чобан-беги — подать, взимавшаяся с ра'ийятов и илятов за пастьбу скота, за пользование пастбищами [31]. Буквально чобан-беги означает «подать (в пользу) начальника пастухов». В переводах фирмана, помещенных в «Астраханских губернских ведомостях» и «Церковно-общественном сборнике», термин чобан-беги переводится как «подать со скота» и «подать со скота и пастухов» [32]. Эта подать известна со времен Ак-Койюнлу. И. П. Петрушевский отождествляет ее с податями маваши и мара'и, которые взимались с поголовья скота и за пользование пастбищами с ра'ийятов и илятов [33]. Очевидно, эти же подати имеет в виду С. Ереванци, говоря о мал-пули (налог с поголовья скота) и чоп-пули (налог с пастбищ), взимаемых деньгами и натурой [34].

В фирмане 1151 г. х. термины чобан-беги, маваши и мара'и встречаются при перечислении налогов, взимавшихся с ра'ийятов и илятов. Согласно фирману, эти подати были сняты на три года [35].

Воджухат или мутаваджихат-и мольки — собирательные термины для обозначения податей в пользу государства (за исключением мал у джихата). Термин воджухат включал подати, взимавшиеся по «названию и обычаю»: исм — те, которые были зафиксированы в дафтарах и имели определенное название, и расм — взимаемые по обычаю. Эти подати не должны были взиматься в течение трех лет с ра'ийятов и илятов, за исключением населения, сидевшего на землях халисэ и землях, пожалованных в тиул [36].

[30] Мухаммед Казим, *Тарих-и аламара-йи Надири*, т. III, л. 191.

[31] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1739, д. 5, л. 248 (персидский текст).

[32] «Астраханские губернские ведомости», 1847, № 31; «Церковно-общественный сборник», 1878, № 95.

[33] И. П. Петрушевский, *Очерки...*, стр. 270.

[34] П. Т. Арутюнян, *Освободительное движение...*, стр. 105.

[35] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1739, д. 5, л. 248 (персидский текст).

[36] Там же.

Термин воджухат приводится также и Мухаммедом Казимом при перечислении налогов, снятых с части населения Хорасана на три года [37].

Сар-шомари — поголовная (подушная) подать. В указанных русских переводах данный термин также известен как поголовная подать. Согласно фирману, эту подать в течение трех лет продолжали платить ра'ийяты, обрабатывающие земли халисэ [38]. Очевидно, эта подать идентична серанэ, взимавшейся в Азербайджане со взрослого мужского населения [39].

Ясак-каш — подать, взимавшаяся исключительно с илятов. В цитируемых переводах фирмана термин ясак-каш заменен русским — ясачные деньги [40]. Словарь Даля объясняет термин «есачные (ясачные) деньги» как податные подушные с «инородцев», ясачных людей [41]. По фирману 1151 г. х. эта подать была снята на три года [42].

В других источниках подать ясак-каш не встречалась.

Джизья — одна из самых старых форм податей, известна со времен арабского завоевания. В русских переводах фирмана джизья переводится словом подать [43]. Джизья являлась подушной податью и взималась с немусульманского населения страны. Абраам Кретаци сообщает, что Надир-шах в 1736 г. отменил эту подать с христиан, что было подтверждено специальным указом [44].

Джизья по указу 1151 г. х. была полностью снята на три года с армян, грузин, евреев, индийцев и других [45].

Под термином ихраджат, как указывает И. П. Петрушевский, при Сефевидах подразумевались подати и повинности в пользу чиновников государственного аппарата, знати и войска. Термин ихраджат встречается при перечислении податей, снятых Надиром с части населе-

[37] Мухаммед Казим, *Тарих-и аламара-йи Надири*, т. I, л. 150.

[38] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1739, д. 5, л. 248 (персидский текст).

[39] О подати серанэ см.: И. П. Петрушевский, *Очерки...*, стр. 283.

[40] «Астраханские губернские ведомости», 1847, № 31.

[41] В. Даль, *Толковый словарь живого великорусского языка*, т. IV, СПб.— М., 1882, стр. 701.

[42] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1739, д. 5, л. 248.

[43] «Астраханские губернские ведомости», 1847, № 31; «Церковно-общественный сборник», 1878, № 95.

[44] И. П. Петрушевский, *Очерки...*, стр. 284.

[45] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1739, д. 5, л. 248.

ния Хорасана на три года [46]. Упоминания об этих податях и повинностях есть в документах и нарративных источниках исследуемого периода.

Русумат — ряд податей и повинностей в пользу чиновников государственного аппарата (старост, даруги и др.). Русумат упоминается Мухаммедом Казимом среди других податей и повинностей [47].

Асб-и чапар — предоставление и содержание почтовых лошадей и других перевозочных средств шахским курьерам. Термин асб-и чапар, очевидно, соответствовал термину улаг, известному еще со времен ильханов. В упоминаемом нами переводе фирмана, помещенного в «Астраханских губернских ведомостях», термин асб-и чапар переводится как «деньги на содержание почтовых лошадей» [48]. В связи с практиковавшейся в те годы заменой деньгами многих податей, взимавшихся ранее натурой, возможно, что вместо предоставления лошадей и перевозочных средств также требовали деньги. Согласно указу 1151 г. х. асб-и чапар взимали с крестьян, сидевших на землях халисэ и землях, пожалованных в тиул [49]. Этот термин обнаружен только в данном фирмане.

Тахвилат — подать, взимавшаяся на расходы по отправке денежных сборов в центр (тахвиль — денежный перевод, операция денежного перевода). Тахвилат, по свидетельству Мухаммеда Казима, был снят Надиром с части населения Хорасана на три года [50]. В других источниках эта подать не встречалась.

Пишкеш — обязательные сборы в форме подарка шаху, его чиновникам и военачальникам. Пишкеш давно утратил значение добровольного подношения и в исследуемый период упоминается в перечне других податей и повинностей [51]. Подносились деньги, провиант, драгоценности и т. д. Как сообщает Кретаци, в 1736 г. один из шахских чиновников собрал в Нахичеванском округе около 1 тыс. туманов в виде пишкеша [52]. По свидетельству

---

[46] Мухаммед Казим, *Тарих-и аламара-йи Надири*, т. I, л. 150.
[47] Там же.
[48] «Астраханские губернские ведомости», 1847, № 31.
[49] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1739, д. 6, л. 248.
[50] Мухаммед Казим, *Тарих-и аламара-йи Надири*, т. I, л. 150.
[51] Там же.
[52] Абраам Кретаци, *Патмутюн анцицн...*, стр. 72.

Мухаммеда Казима, арабские племена в 1732 г. прислали Надиру 12 тыс. лошадей и 100 тыс. баранов [53].

В исследуемый период в Иране существовала повинность, ранее известная под термином коналга, — право постоя иностранных послов, шахских гонцов, чиновников и военных чинов в доме ра'ийятов [54]. Русский посол князь Голицын и его свита, следуя из России в Иран, пользовались этим правом, причем населению было приказано доставлять послу и его приближенным продукты питания, а их лошадям — фураж.

Содержание шахских гонцов в исследуемый период называлось особым термином хардж-и мутараддидин — расходы на проезжающих шахских чиновников. По фирману 1151 г. х. эта подать сохранялась и взималась только с крестьян, сидевших на землях халисэ. В цитируемых переводах фирмана этот термин не объясняется (в тексте пропуск) [55], так же как и в источниках и работах предыдущих исследователей.

Большая часть податей и повинностей шла на содержание войска. Это были и ранее установленные ('улуфэ, сурсат, черик) и вновь вводимые налоги, чрезвычайные сборы и крупные денежные штрафы, налагавшиеся на все слои населения.

'Улуфэ и сурсат — подати, взимавшиеся на нужды войска в виде продовольствия для воинов и фуража для скота [56]. Эти подати отправляли в военный лагерь, а также в военные соединения, находившиеся в области. Как сообщает царский резидент И. Калушкин, «поборы с населения, сбираемые с крайним изнурением... непрестанно в лагерь отправляются, отчего все подданные день ото дня приходят в наивящее разорение» [57]. После дагестанского похода эти поставки нередко оплачивались деньгами.

Кроме установленных податей и повинностей, населе-

---

[53] Н. Д. Миклухо-Маклай, *Рукопись «Āламāрā-йи Нāдирӣ»*, стр. 195.
[54] И. П. Петрушевский, *Очерки...*, стр. 274
[55] «Астраханские губернские ведомости», 1847, № 31.
[56] Мухаммед Казим, *Тарих-и аламара-йи Надири*, т. I, стр. 100, 208; т. II, стр. 10; т. III, стр. 40, 80, 102, 190, 233.
[57] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1736—1747, д. 22, л. 24.

ние облагалось обременительными чрезвычайными сборами продовольствия, обмундирования и вооружения на войско. В 1740 г. для Риза Кули-мирзы было приказано собрать в Исфахане 1 тыс. человек. Одеждой и оружием их должны были снабдить исфаханские жители.

Даже переезд воинских частей из одной провинции в другую производился за счет населения. Во время дагестанского похода Надир-шах приказал собрать в различных областях Ирана 300 тыс. вьюков провианта для войска. В результате этого во многих местностях «весь имевшийся хлебный запас был отправлен в шахский военный лагерь» [58].

В донесении от 7 февраля 1741 г. И. Калушкин писал:

«На сих днях прибыли курьеры из шахова лагеря к гиспоганским командирам с понуждением их о скорейшем отправлении требуемого с здешней провинции на известное ново набранное войско платья и других оному потребных надобностей» [59].

И. Калушкин в реляции от 16 сентября 1741 г. из Дербента отмечал, что Надир рассылал указы в Дербент и Баку с распоряжением местным властям так позаботиться о заготовке провианта, чтобы войску ни в чем не было недостатка, «потому дербентский султан на толикое время провиантом запасается, требуя с обывателей муки и масла, тако же ячменю, с крайним принуждением и последнее у всех отбирает, равномерно и бакинский командир...» [60].

Как сообщал Калушкин, «...персидское государство беспрестанными поборами служивых людей и расположением на них платья, привозом в лагерь свой от всюда хлебного запаса, не упущая при том и отягощаемых податей, в достаток разоряет» [61].

Вследствие участившихся народных восстаний и мятежей феодалов в каждую провинцию были введены отряды воинов. Содержание войска тяжелым бременем

[58] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1743, д. 4, л. 385.
[59] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1741, д. 5, л. 90.
[60] Там же, д. 7, л. 355.
[61] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1742, д. 5, ч. 1, л. 10.

ложилось на плечи населения, что подтверждали и сами шахские военачальники. Так, Али Кули-хан, бывший в 1739 г. сапахсаларом в Хорасане, писал Риза Кули-мирзе, что жители Хорасанской провинции испытывают от находящихся там войск «нестерпимые тягосты». Али Кули-хан предупреждал, что в случае дальнейшей задержки войска в Мешхеде провинции грозит полное разорение [62].

Пребывание войска пагубно отражалось на положении населения еще и потому, что воины грабили его не менее чужеземных завоевателей. И. П. Калушкин, например, отмечал, что войска подданным «несносные обиды чинят, грабя всех без остатку, и от его величества к этому попущены» [63].

Аналогичные сведения о результатах пребывания войск Надира в Исфахане сообщает и лекарь Надира Базен: «Войско, рассеявшееся в городе и окрестных селениях, производило повсюду опустошения. На дорогах и на улицах можно было видеть, как солдаты вели за собой людей группами в 20—30 человек, которые не были в состоянии удовлетворить их жадность. Повсюду были слышны вопли ужаса и отчаяния... Какой-либо город, взятый приступом и оставленный на ярость солдата-победителя-чужеземца, не видел картин более ужасных, чем те, которые имели место в Исфахане, во время пребывания там узурпатора (Надир-шаха). Каждый день являлся последним для какой-либо семьи» [64].

При осаде Герата летом 1728 г. войска, разграбив все селения поблизости от города, отправили своих «фуражиров» в Балхский округ. «Они не только отняли хранящиеся у жителей все предметы продовольствия, но опустошили округ, подобно саранче, и с богатой добычей вернулись назад. Надир наградил главных начальников, участвовавших в войске, дорогими халатами, а воинов — деньгами» [65].

Во время индийского похода по приказу шаха с такими же заданиями посылались небольшие отряды воинов.

[62] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1739, д. 5, л. 539.
[63] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1736, д. 8, л. 554.
[64] *«Lettres édifiantes...»*, p. 300.
[65] С. О. Кишмишев, *Походы Надир-шаха в Герат, Кандагар, Индию и события в Персии после его смерти*, Тифлис, 1889, стр. 51.

Надир также приказывал при разорении деревень «брать в плен» [66].

Факты «организованного» грабежа населения отмечаются и в персидских источниках. О конфискации продуктов у населения Хабушана пишет Мухаммед Казим [67]. Мехди-хан также сообщает, что в 1740 г. при взятии Чарджуя для конфискации провианта у жителей окрестных деревень был послан отряд воинов [68].

Черик упоминается среди податей и повинностей еще при монголах. И. П. Петрушевский указывает, что при Сефевидах под термином черик подразумевалась повинность военной службы, распространявшаяся «на кочевые племена и на му'афов, но не на массу феодально-зависимого оседлого населения — ра'ийятов» [69].

На основании цитируемых источников можно считать установленным, что в исследуемый период повинность военной службы распространялась и на ра'ийятов. Во время военных действий в связи с резким сокращением численности войска от болезней, голода и трудностей долгих военных переходов, а также из-за участившихся мятежей, дезертирства, присоединения воинов к восставшему населению, в войско стали часто набираться и ра'ийяты. В 1737 г. сардар Хамадана Лутф Али-хан зачислил на военную службу 3 тыс. крестьян [70]. В том же году Гани-хан абдали «набрал с крайним изнурением из крестьян Бендер-Абасской провинции 3 тыс. войска» [71]. Сердар Астары Мухаммед Хусейн-хан зачислил в войско 6 тыс. крестьян [72]. Часто населению деревень приказывалось дать в войско по человеку с каждого двора; при невыполнении подобных распоряжений деревням грозило полное разорение [73].

---

[66] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1739, д. 5, л. 85, 86. — Захват пленных, а затем их продажа, широко практиковавшиеся в войске, составляли одну из статей дохода воинов (Мухаммед Казим, *Тарих-и аламара-йи Надири*, т. I, л. 119; Н. Д. Миклухо-Маклай, *Рукопись «Аламара-и Надирӣ»*, стр. 193).

[67] Мухаммед Казим, *Тарих-и аламара-йи Надири*, т. II, л. 286

[68] Мехди-хан, *Тарих-и Надири*, стр. 374.

[69] И. П. Петрушевский, *Очерки...*, стр. 290.

[70] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1737, д. 7, л. 460

[71] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1738, д. 7, л. 436

[72] Там же, л. 207.

[73] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1745, д. 18, л. 381, 382.

В 30—40-х годах под термином черик подразумевалась также денежная подать, взимаемая с кочевых племен [74].

Существовала повинность, известная со времен Сасанидов под названием бигар. Значение этого термина в ферхенге «Бурхан-и Кати» объясняется следующим образом: «предписывать работу без наемной платы». В период правления Сефевидов термином бигар обозначались различные повинности в пользу феодала и государства. При Надире эта повинность сохранилась. Для производившегося в Хорасане строительства, для добычи нефти и соли на островах Каспийского моря, для строительства флота и других работ привлекались крестьяне из различных областей страны [75].

Весьма своеобразной повинностью, которая, как отмечает И. П. Петрушевский, существовала и при Сефевидах [76], являлась обязанность поставлять девушек для шахского гарема, жен и наложниц для шахских воинов. Так, в наказание за участие в восстании Мухаммед-хана белуджа Надир приказал, чтобы население прислало около 500 девушек для мервских воинов [77].

Подать натиджэ являлась, по всей вероятности, сбором со сделки, с выгоды, взимавшимся с податного населения путем отчисления в пользу казны. Согласно фирману 1151 г. х. эта подать была на три года отменена [78]. В других источниках термин натиджэ нам не встречался.

Дорожную пошлину рахдари платили в основном купцы, а также ремесленники и крестьяне, продававшие продукты своего труда на местных рынках.

В русских переводах фирмана 1151 г. х. термин рахдари не сохранился. В «Астраханских губернских ведо-

---

[74] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1739, д. 5, л. 248 (персидский текст). — В упоминаемых нами переводах фирмана термин *черик* переводится как *рекрутные деньги*. Подобное осмысление данного термина указывает на то, что в 30—40-х годах эта подать взималась и в денежной форме.

[75] Мухаммед Казим, *Тарих-и аламара-йи Надири*, т. III, л. 170, 192; АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1741, д. 7, л. 102; д. 5, л. 304.

[76] И. П. Петрушевский, *Очерки...*, стр. 293.

[77] Мухаммед Казим, *Тарих-и аламара-йи Надири*, т. I, л. 263, 264.

[78] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1739, д. 5, л. 248.

мостях» упоминается о «пошлинах с товаров» [79]; в другом переводе рахдари объясняется как «сбор денег с товаров» [80]. Приводимая в приложении «Ведомость сколко с чего и в которых местах в Персии берется пошлин или вместо оных рахтаров» [81] свидетельствует о том, как дорого обходился перевоз товаров даже на сравнительно небольшие расстояния. Чтобы доставить товары из Тебриза в Решт, нужно было проехать шесть застав и везде заплатить рахдари с каждого вьюка. При перевозке товаров из Решта в Исфахан на пути встречалось восемь застав и на каждой также приходилось платить рахдари. Согласно фирману 1151 г. х., от уплаты рахдари население не освобождалось [82].

В упомянутой «Ведомости» указано, что отчисления в казну брались еще до совершения торговой сделки, сразу же по приезде купца в конечный пункт, где весь товар оценивали и с его общей стоимости взимали определенный, установленный в той местности процент. Например, при въезде в Решт купец должен был уплатить 3% с общей стоимости товара. Причем суммы, отчисляемые в пользу казны, повышались. Так, в Исфахане «пред сим собиралось с 1000 рублев по 10 рублев, а ныне (т. е. в 1745 г. — *М. А.* и *К. А.*) по 18 рублев». Также почти вдвое были увеличены отчисления с товаров, привозимых в Баку [83].

Термином агмише обозначалась особая пошлина за провоз тканей. Причем неизвестно, бралась ли эта пошлина исключительно тканями или также и деньгами [84]. Этот термин впервые встретился нам в шахском фирмане 1151 г. х.

Среди податей следует отметить воджух-и зарбханэ — сбор с дохода монетных дворов, отдававшихся на откуп отдельным лицам, а также таможенные пошлины, кото-

[79] «Астраханские губерниские ведомости», 1847, № 31.
[80] «Церковно-общественный сборник», 1878, № 95.
[81] АВРП, ф. «Сношения России с Персией», 1745, д. 18, л. 773—778.
[82] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1739, д. 5, л. 248.
[83] АВРП, ф. «Сношения России с Персией», 1745, д. 18, л. 773—776.
[84] АВРП, ф. «Сношения России с Персией», 1739, д. 5, л. 248 (персидский текст).

рые, согласно фирману, сохранялись и продолжали взиматься [85].

Итак, пользуясь изученными материалами и главным образом шахским фирманом, стало возможным уточнить основные подати и повинности, существовавшие в 30—40-х годах XVIII в. в государстве Надир-шаха, а также выявить некоторые, ранее неизвестные подати и их терминологию.

В источниках нет исчерпывающих данных о нормах налоговых ставок. О размерах последних можно судить лишь по различным весьма неполным, отрывочным сведениям. Так, общая сумма доходов, полученных с провинций при Надир-шахе, составляла 64 500 тыс. ливров [86], что почти в два раза превышало сумму доходов, поступавших с тех же провинций при шахе Хусейне (35 745 846 ливров) [87]. В стране ежегодно по приказу Надир-шаха производилась опись всего урожая и всех доходов [88].

Уже упоминавшийся выше новый налоговый кадастр Надира вводил значительные изменения в размеры налоговых ставок. В этом отношении интересны данные, содержащиеся в книге Симеона Ереванского. Говоря о том, что при вступлении на католикосский престол Хазара Чахкеци (1738) в Ереванское ханство были присланы чиновники фиска для описи «мульков и посевов» Эчмиадзинского монастыря, Симеон Ереванский добавляет: «...этот жестокий и могущественный Надир-шах приказал в год один раз описывать всякого рода доходы всей страны». Присланные чиновники описали все имущество Эчмиадзина. Хотя количество совпадало с прежним, однако сумма налога с этого имущества была изменена. Так, с 10 садов прежде взимался 1 туман 5 тыс. динаров, а теперь до 9 туманов 8100 динаров; налог с 19 мельниц, рисорушек, маслобоек раньше равнялся 3 туманам 1600 динарам (с каждой мельницы, маслобойки или рисо-

[85] Там же.
[86] Sh. Picault, *Histoire des révolutions de Perse*, t. II, Paris, 1810, p. 252.
[87] «*Tadhkirat al-muluk...*», p. 186.
[88] С. Ереванци, *Джамбр*, стр. 146; Б. М. Арутюнян, *Крупное монастырское хозяйство в Армении в XVII—XVIII вв.*, Ереван, 1940, стр. 15.

рушки платили 1690 динаров); по новому обложению этот налог был увеличен до 6 туманов (из расчета — по 3150 динаров с каждой мельницы и пр.). Налог за 500 овец был увеличен с 1 тумана 2500 динаров (из расчета по 25 динаров с каждой овцы) до 2 туманов 6 тыс. динаров (с каждой овцы — 60 динаров); а налог с 89 лавок караван-сарая — с 1 тумана 7800 динаров до 4 туманов 200 динаров (с каждой лавки по 450 динаров вместо 200). Следовательно, если налог с садов Эчмиадзина стал больше примерно в 6,5 раза, то налог со скота (овец), мельниц, рисорушек и маслобоек увеличился примерно вдвое, налог с лавок караван-сарая — в 2,3 раза.

Общей суммой налогов с имущества Эчмиадзина, согласно новому налоговому обложению (исключая поземельный налог с мулькдарских деревень и с посевных площадей), Симеон Ереванский называет 23 тумана 2100 динаров против 10 туманов 6600 динаров [89]. «И подобно тому, — пишет он, — как они увеличили налог с имущества Престола, таким же образом был увеличен (налог) с имущества всей страны» [90].

Эчмиадзинский монастырь, как известно, пользовался налоговым иммунитетом (ма'аф), т. е. был освобожден, согласно прежним шахским, султанским и ханским указам, в частности самого Надира, от уплаты 10 туманов 6600 динаров, составлявших налог с описанного имущества монастыря. Однако, несмотря на возросшую общую сумму обложения, сумма налогового иммунитета монастыря не была соответственно увеличена. Поэтому шахские чиновники потребовали от католикоса уплаты разницы между суммой налогов согласно последней переписи (23 тумана 2100 динаров) и суммой налогов, от которых Эчмиадзин был освобожден (10 туманов 6600 динаров). После долгих споров, принимая во внимание, что две мельницы были разрушены, некоторые лавки в караван-сарае не были заняты, — сумма, подлежащая уплате, была снижена до 11 туманов 7950 динаров. «До конца жизни Надир-шаха господствовал этот порядок,— отмечает католикос Симеон,— из года в год Эчмиадзин платил 11 туманов 7950 динаров, кроме 17 туманов 5000 динаров, которые монастырь платил за имущество других монастырей Ереванского ханства» [91].

[89] С. Ереванци, *Джамбр*, стр. 146, 147.
[90] Там же.

Однако, невзирая на кадастровые описи, постоянные, твердо установленные налоговые ставки не соблюдались. Эти ставки, произвольно определяемые Надир-шахом, непрерывно поднимались.

По сравнению с увеличенными в три раза налоговыми нормами, которые были установлены при Сефевидах в результате переписи 1698—1701 гг., налоговые ставки после 1736 г. (уже при Надир-шахе) снова возросли.

В конце 30-х годов многие чрезвычайные налоги были собраны с населения за несколько лет вперед.

Об этом можно судить на основании указа, отправленного из шахского лагеря по случаю взятия Кандагара и полученного в Исфахане 10 апреля 1738 г. После рассказа о взятии кандагарской крепости и восхваления подвигов шахских воинов в указе отмечалось, что хотя со всех провинций по случаю победы над врагом полагаются подарки и деньги, однако приказывается чапару ничего не давать, так как подданные государства «деньги за приятные вести, именуя вспомощными... прежде времени за три года с благодарением сделали» [92].

Известны факты, когда сам Надир, прибыв в какую-либо местность с войском, обирал население [93].

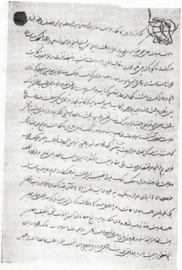
Упоминавшийся выше фирман 1151 г. х. не внес значительных изменений в налоговую политику, проводившуюся Надиром. Для оценки значения этого указа, целесообразно привести факсимиле текста и его перевод.

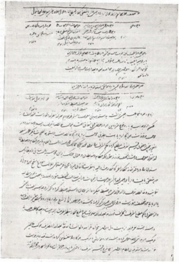
ПЕРЕВОД ФИРМАНА

«Верность принадлежит
Аллаху всевышнему

Августейший указ вышел о том, чтобы достойный и счастливый дорогой старший сын именитый Риза Кули-мирза, наместник султанской власти Ирана, возвеличенный и прославленный разного рода падишахской благо-

[91] Там же.
[92] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1738, д. 7, л. 184, 187, 188.
[93] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1747, д. 1, л. 158.

Фирман Надир-шаха 1151 г. х.=1739 г. н. э., адресованный его сыну Риза Кули-мирзе

склонностью и тысячами милостей тени Аллаха [94] пусть знает, что ныне по милости божьей осуществились покорение и завоевание столицы Шахджеханабада и остального государства Индии.

По приказу обладателя богатой страны ключи от казны и ключи сокровищниц края [95] перешли в [наше] распоряжение.

Его величество небесносановный Мухаммед — шах Индии со всеми ханами, эмирами и правителями областей и местностей государства Индии из сокровищниц и редкостных драгоценностей, и слонов, мощных как гора, то есть то, чем они были богаты, — все представил священному взору [96] и исполнил правила службы и повиновения. Так как наша августейшая особа [97] есть знатное лицо туркменского племени, а вышеупомянутый падишах также принадлежит к туркменскому [родословному] дереву и является потомком высокой куркановой династии [98], престол и перстень султанской власти Индии возвратили вышеупомянутому высокочтимому падишаху и утвердили его на царском престоле; тот упомянутый благородный падишах также взамен этого дара раздающего короны [99], области по ту сторону реки Атока, что включают в себя Пешавар, Кабул и Газни и область Синд и подчиненные [ему] местности со всеми горными жилищами афганцев и хезареджат, преподнес саркару [земель] хассэ-и шерифэ [100]. [Мы] согласно просьбе Его величества [Мухаммед-шаха] изъявили согласие и присоединили [их] к богохранимому царству [101]. Поскольку за необходимое великодушие и справедливость считаем, что [в знак] благодарности за все эти милости и особые дары, которые из казны благости и милосердия предвечного царя царей и обладателя вечного царства выпали на долю этой нетленной державы и потому, что все подданные и подчиненные, особенно жители Ирана, которые с начала

[94] Т. е. шаха.
[95] Ключи казны отдельных местностей страны.
[96] Т. е. Надиру.
[97] Имеется в виду Надир-шах.
[98] Курканами назывались зятья чингизидов.
[99] Имеется в виду Надир-шах.
[100] Т. е. в фонд земель шахского домена.
[101] Имеется в виду Ирану.

восхода светила мира, этой Надировой державы до сих пор по мере возможности и соответственно силам и способности достойные терпение и силу проявляли, терпя убыток в имуществе и утеснение души, но даже и более того, высказывали готовность служить этому высокому порогу и, находясь под сенью этого августейшего царского попечения и тенью полога безграничных султанских щедрот, от зноя солнца и трудностей хранимы; поэтому [мы] с начала нового счастливого года Овцы в течение трех лет все подати богохранимого государства Ирана, все, что, ни относилось бы к землям племен, землям арбаби и землям ра'ийятов, согласно тому как ниже подробно изложено, постановили к снятию. То, что постановлено снять, независимо от того, будь то махалл арбабский [102] или ра'ийятский [103] и будь то, относящееся к землям, управляемым саркаром [104] [ведомства], оставляющего благодатный след [105] или махаллы вакфа, за исключением халисэ и тиула:

подать натидже — полностью [снять]; подати мара'и и маваши, чобан-беги и остальные, существующие по названию [106] и обычаю, подати, которыми облагались иляты, арбабы и ра'ийяты — [снять] полностью;

мал у джихат, мутаваджихат-и мульки, сар-шомари — те, что относятся к ра'ийятам, арбабам и махаллам вакфа [107], исключая [население земель] халисэ и тиула, — [снять] полностью;

джизью с армян, грузин, евреев, индийцев, гебров и других — [снять] полностью;

подать, [которой облагались иляты] в виде черика и ясак-каша в особых таможенных округах [108] следует с илятов три года не взимать, но мулязимов, согласно инструкции, пусть поставляют, за что им жалованье от управителя дивана неотложных дел будут платить, а

[102] Т. е. владение мулькдара.
[103] Т. е. владение свободных крестьян-общинников.
[104] Т. е. находящиеся в ведении саркара.
[105] Очевидно, имеются в виду земли домена.
[106] Имеются в виду подати, установленные, записанные в дафтарах под определенным названием.
[107] Т. е. взимались с земель ра'ийятов, мулькдаров и махаллов вакфа.
[108] Т. е. округах, в которых имелись крупные таможенные пункты.

по прошествии трех лет снова с илятов [эти подати] взимать.

В чем изменения обычая [взимания налогов] не будет и [что] согласно прежним годам следует взимать и исполнять:

подать с монетных дворов — [взимать] полностью;

подать рахдари, таможенные пошлины и [подать за провоз] тканей, независимо от того, иранские купцы или другие — [взимать] полностью;

мутаваджихат [с населения земель] халисэ следует взимать полностью, согласно инструкции, по которой всегда взимали;

с земель, которые определены в тиул,— [взимать] полностью.

А [с населения] махаллов халисэ и тиула с некоторыми податями, которые не имеют касательства к доходам от имущества подданных, [мы] согласно прежней инструкции постановили, чтобы [подданные], действуя на том основании, не оказывали неповиновения. Однако подати асб-и чапар и расходы на проезжающих чиновников, которые бывают в некоторых махаллах, пусть переложат на [население] махаллов халисэ и тиула, а [если] в махаллах вакфа [имеется] арбабское владение, то надобно поступать тем же путем, что с махаллами арбабов [109], а с тем, что является халисэ, надобно поступать согласно инструкции о других землях халисэ [110].

Таким образом, когда тот дорогой [111] узнает о содержании благороднейшего ракама, то пусть снимет с него копии, разошлет и известит по всему богохранимому государству Ирана, чтобы правители и забиты, действуя на этом основании, не проявляли ослушания.

В виду этого [следует], чтобы правители, забиты и уммали государства Ирана счета прошлого года и недоимки [прошлых] лет выплатили в канцелярию саркара прославленного и счастливого вышеупомянутого приближенного государя Мирзы Мухаммед Багира мустоуфи ул-мамалека.

Подати, которые взимали с кочевников, арбабов и ра'ийятов, в эти три года постановлены к снятию; по этой

[109] Т. е. не взимать три года.
[110] Т. е. взимать подати.
[111] Т. е Риза Кули-мирза.

причине пусть ничего не требуют, а [с населения] халисэ и тиула на основании, по которому [раньше] взимали, согласно этой инструкции, взимать.

Если [с взимавшихся] с кочевников, или ра'ийятов, или арбабов обычных податей, которые к облегчению утверждены в этом году Овцы, что-нибудь взяли, пусть в присутствии законоведов в каждой области возвратят ра'ийятам, взяв [у них] заверенную расписку, и от смысла высочайшего, благороднейшего указа не уклоняются.

После того как каждый свои ведомости доходов и расходов к славному взору вышеупомянутого представит, достойнейших вышеупомянутый из средств дивана выдаст вознаграждение, если то будет угодно всевышнему богу.

После отбытия священного кортежа [112] каждый, кто правильно взимал [налоги] и действовал, будет обласкан, а каждый, кто дела отправлял недобросовестно, подвергнется наказанию.

Высокие чиновники верховного дивана содержание этого благороднейшего ракама пусть запишут в канцелярские книги и выполняют.

Написано в месяце зильхидже 1151 гда хиджры».

Ознакомление с текстом фирмана дало возможность выяснить не только подати и повинности, существовавшие в 30—40-х годах XVIII в., но и уточнить их терминологию, а также сделать ряд выводов.

Прежде всего следует подчеркнуть, что большая часть населения страны (сидевшая на землях, пожалованных в тиул, и землях халисэ [113]) не была освобождена от уплаты основных налогов и выполнения повинностей (мал у джихата, мутаваджихат-и мольки, сар-шомари, хараджи мутараддидин). Термином халисэ обозначались земли шахского домена [114], доходами от которых [115], (также, как и доходами от государственных земель) [116] рас-

[112] Т. е. после отбытия Надира из Ирана.
[113] Как отмечалось выше, Надир значительно увеличил фонд земель халисэ за счет других категорий земельной собственности.
[114] *«Tadhkirat al-muluk...»*, p. 147.
[115] Вероятно, поэтому И. П. Калушкин именует деревни, находившиеся на землях халисэ, «казенными».
[116] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1740, д. 6, л. 138, 139.

поряжался лично шах. Естественно, что Надир, не желая лишать себя больших доходов, не освободил от уплаты налогов население, сидевшее на землях халисэ.

От уплаты некоторых налогов в пользу казны были освобождены на три года свободные крестьяне-общинники и население, сидевшее на мульковых и вакфных землях [117]. Подати и повинности в пользу землевладельца не отменялись, что давало ему возможность усиливать эксплуатацию и присваивать податные суммы, ранее отчислявшиеся в казну. Таким образом, положение этой части податного населения также не улучшилось. Надир освободил вакфные земли от уплаты налогов в казну с целью улучшения отношений главным образом с шиитским духовенством (придерживавшимся сефевидской ориентации), которое было недовольно шахом, особенно после конфискации им значительной части вакфного имущества.

Освобождая мулькдаров (арбабов) и свободных крестьян-общинников от уплаты налогов в казну на три года, Надир создавал возможность для развития и обработки их хозяйств и надеялся таким образом, хотя бы частично, поднять сельское хозяйство, которое находилось в полном упадке.

Население, сидевшее на землях указанных категорий, не освобождалось от уплаты всех налогов. Согласно фирману, с него все так же взыскивались подати, которые определялись «не с доходов» жителей. Как мы уже отмечали, такие подати были весьма многочисленны.

С торговых людей продолжали взиматься все подати, за исключением натидже; с лиц, получивших на откуп монетные дворы, подать воджух-и зарбханэ также не была снята.

---

[117] Следует напомнить, что в исследуемый период фонд вакфных земель (весьма значительный при Сефевидах, когда шиитское духовенство играло первостепенную роль в делах государства) сильно сократился (см. J. Fraser, *The history of Nadir shah*, p. 121). Большая же часть мульковых земель (в результате экономического упадка и разорения, усилившихся в период афганского нашествия и турецкой оккупации, а также массового ухода крестьян с мест жительства) была запущена, не обрабатывалась и скупалась Надиром (Мухаммед Казим, *Тарих-и аламара-йи Надири*, т. I, л. 150). Земли свободных крестьян-общинников составляли самый ничтожный процент всего земельного фонда.

Население должно было сдать в казну недоимки прошлых лет. Эти взыскания, как правило, сопровождались злоупотреблениями и вымогательством шахских чиновников фиска.

Ознакомление с текстом фирмана позволяет опровергнуть установившееся в литературе мнение о том, что все население государства Надир-шаха было освобождено от уплаты всех налогов сроком на три года.

Фирман Надир-шаха немногим улучшил положение податного населения, большая часть которого по-прежнему платила все подати. Освобожденных же от уплаты некоторых налогов в казну продолжали эксплуатировать владетели, получившие, согласно фирману, возможность присваивать доходы, ранее отчислявшиеся в казну.

В исследуемом документе, помимо материалов, имеющих первостепенное значение для изучения налогов и налоговой политики, содержатся также и другие важные данные. Например, указывается, что правители областей должны были внести в казну недоимки прошлых лет. Это подтверждает положение о том, что именно правители были ответственны за сбор налогов с области. Кроме того, в фирмане сообщается об увеличении Надир-шахом фонда земель шахского домена путем присоединения к ним областей, завоеванных в результате индийского похода — Пешавера, Кабула, Газни, Синда и др.

Изучение источников дает возможность утверждать, что даже те льготы, которые были предусмотрены фирманом, фактически в жизнь не претворялись. Риза Кули-мирза в 1740 г., когда указ уже вступил в силу, «... непрестанные поборы со всех генерально учреждает..., отчего подданные в наивящее убожество приходят, толь наипаче, что те положенные зборы, гораздо годовой оклад превышает» [118]. Резидент И. Калушкин, называя земли халисэ казенными деревнями, писал, что с них подати и недоимки взимались «с вящим налеганием» [119]. Основываясь на официальных данных, он в том же году сообщал: «... во всем персидском государстве всеобщая бедность час от часу умножается и везде подданным несносные налоги чинятся... и если еще так продлится, то не

---

[118] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1740, д. 6, л. 138, 139.

[119] Там же.

знаю, как бы купечество и тяглой народ устоять могли» [120].

Однако Надир, требуя от своих чиновников отчеты о сборе налогов, не хотел и слышать о всеобщей бедности и разорении. Так, весной 1741 г. русский резидент сообщал из Тегерана, что Надир-шах, направляясь со своим войском из Келата в Тегеран, «в проезде своем через города и провинции везде останавливается и дни по три и по пяти требует от командиров и управителей во всем и наиглавнейше в зборе казны во все время отсутствия его из Персии строгие отчеты и ни малого в том оправдания, что за крайним оскудением крестьян и взять нечего, не принимает, меньше же во всем своем государстве ни о какой бедности слышать не хочет, отзываясь, что трехгодная льгота, которую он подданным своим дозволил, неминуемо оных в состоянии поправить могла и, следовательно, тем командирам воединое токмо нерадетельное упущение причитает, и потому с ними так жестоко поступает, что ни единого города, ни волости не проходит, где бы командиров не казнил, и ни мало озлобленный свой на них гнев не утоляет, но всегда себя содержит в сердитом состоянии, от чего все генерально, которые к делам употреблены, в неописанном страхе находятся и прибытия его величества сюда с последним отчаянием жизни своей ожидают» [121].

Кроме данного фирмана, известны еще два указа Надира (к сожалению, не сохранившиеся до нашего времени), согласно которым освобождалось население Хорасана (1731) и Исфахана (1734) от уплаты налогов на три года.

Как уже указывалось, Надир стремился экономически укрепить политический центр своего государства — Хорасан. В 1733 г. он издал указ, возложив ответственность за его выполнение на уммалей и мубаширов этой провинции, «чтобы относительно воджухата и малийят-и дивани никто бы три года не делал беспокойств подданным» [122]. Кроме того, в Хорасане на заброшенных землях, купленных государством у мулькдаров, «население

[120] Там же.
[121] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1741, д. 7, л. 76, 77.
[122] Мухаммед Казим, *Тарих-и аламара-йи Надири*, т. I, л. 150

освобождалось от уплаты большего числа налогов (малийята, ихраджата, пишкеша, сурсата, тахвилата) [123].

По свидетельству Мухаммеда Казима, в 1734 г., после подавления крупного восстания в Фарсе и на побережье Персидского залива, Надир для укрепления своей власти в центре Ирана, «ихраджат и малийят на три года подданным того края (Исфахана) пожаловал» [124]. Но в источниках нет сведений о том, в какой мере исполнялся этот приказ; имеются лишь неоднократные указания современников на разорение населения от поборов, на опустошение деревень и на тяжелое положение жителей Исфахана именно после «освобождения» от налогов [125].

Фирман Надира также не принес желанного облегчения народным массам. Оттер, совершавший свое путешествие по Ирану в мае 1739 г., т. е. после того, как прибыло в Иран распоряжение шаха относительно отмены налогов, рисует крайне мрачную картину жизни иранских крестьян [126]. Здесь же он замечает, что щедрые обещания, данные Надиром народу до индийского похода, не были им выполнены по его возвращении [127], население стонало под тяжестью налогов [128].

По свидетельству Ханвея, население встретило Надир-шаха с большим радушием, так как народ надеялся, что огромные богатства — плоды трехлетнего похода в Индию и Среднюю Азию — освободят его от тяжелого бремени содержать бесчисленную армию [129]. «Но неизмеримые сокровища служили только увеличению его (Надира.— *М. А.* и *К. А.*) жадности» [130]. Причину чудовищной нищеты, царившей после завершения индийского и среднеазиатского походов, Ханвей видел в том, что Надир

[123] Там же.
[124] Там же, л. 264.
[125] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1737, д. 7, л. 53; 1740, д. 6, л. 139 и др.
[126] J. Otter, *Voyage en Turquie...*, vol. II, p. 13—14.
[127] Ibid., p. 89.
[128] Ibid., p. 35.
[129] Jones Hanway, *An historical account of the british trade over the Caspian sea: with the authors journal of travels from England through Russia into Persia, and back through Russia, Germany and Holland*, vol. II, London, 1754, p. 399 (далее — J. Hanway, *An historical account...*).
[130] Ibid., p. 400, 401.

содержал армию, не притрагиваясь к своим индийским сокровищам [131].

Чтобы покрыть все возрастающую потребность в денежных средствах, необходимых прежде всего для содержания войска, главным образом наемного (узбеков, афганцев и др.), значительная часть натуральных налогов была переведена в денежные. Лицам, собиравшим подати, часто приказывалось «и за хлебные припасы деньгами взять» [132].

5 мая 1742 г. Братищев сообщал из Дербента: «... его величество о продолжении во всем своем государстве новых наборов войска указами подтверждает, к тому же кроме обыкновенных податей строгим прибавлением великия суммы денег...» [133]. Даже такая повинность, как присылка девушек для шахского гарема и в жены воинам, иногда заменялась внесением определенных денежных сумм [134].

В связи с опасностями в пути из-за участившихся разбоев громоздкие караваны с провиантом для войск шли окружным путем, что значительно удорожало стоимость провоза. Так, провоз одного батмана груза из Исфахана в Дагестан в 1742 г. стоил на русские деньги около 10 рублей [135] (что составляло примерно 10 тыс. динаров). Поэтому значительную часть поставок на войско также стали взыскивать в денежной форме. Очевидцы сообщают, что в 40-х годах взимание денежных поборов участилось. Так, в 1743 г. Братищев писал из Хамадана: «...его величество учащает денежные зборы в множайшей сумме под претекстами, со всех государств и провинций с немилостивым побуждением требовать...» С одного только Исфахана «с принадлежащими уездами, кроме известных штрафных 600 000 рублев еще четыре миллиона доправить повелел, учредя к тому с строгостью рассыльщиков, от чего персицкие подданные день ото дня в такое горестное изнурение и последнее нищенство приходят, что того подробно описать трудно; к сему в Персии при Надыровом правлении дошло, что генерально все обы-

[131] J. Hanway, *An historical account...*, vol. II, p. 197, 198.
[132] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1745, д. 6, л. 340.
[133] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1742, д. 5, л. 43.
[134] Мухаммед Казим, *Тарих-и аламара-йи Надири*, т. I, л. 274.
[135] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1742, д. 5, л. 259.

ватели не жизни, а смерти желают» [136]. Причем, как правило, взимание денежных сумм (так же как и натуральных налогов) сопровождалось вымогательством чиновников фиска. Например, по свидетельству Лерха, в 1745—1746 гг. Надир потребовал от шемахинцев 150 тыс. рублей. «Но сердар и экзекуторы, желая иметь что-либо и для себя, сделали ее (требуемую сумму) для бедных людей еще тяжелее» [137]. Базен в своих письмах сообщал: «Чрезмерные контрибуции и варварская жестокость, с которой он их взимал, довели народ до крайней нищеты. Его военачальники своими личными вымогательствами усиливали бедствие народа» [138].

25 февраля 1747 г. русский консул Бакунин из Решта писал: «Ныне во всей Гиляни в деньгах крайняя нужда ... мухасили во время доправления по шаховым указам непременной обычай имеют, что кроме денег, да и то таких, каких они похотят, серебряных, или золотых, никаких вещей и товаров в зачет не принимают» [139].

Грабительские походы, требовавшие больших затрат, не давали уже такой богатой добычи, как прежде. Больше того, дагестанский поход (1741—1743) не принес Надир-шаху ни побед, ни военной добычи. Понеся колоссальные потери в войске и материальных средствах, Надир в 1742—1743 гг. рассылал из своей ставки указы о взыскании старых недоимок и податей и за те годы, в течение которых часть населения была освобождена от их уплаты, а также устанавливал новые поборы и штрафы [140]. Русский резидент Братищев 3 мая 1743 г. писал в Петербург: «...его величество растерянную свою в Дагестане казну у подданных своих отыскивать стал, и столько персицких обывателей всяко, не упуская командирам и управителям провинций и не обходя военных людей неслыханными штрафами, привязываяся ни за что, грабит, что более того никакое наисуровое тиранство чинить не может, ибо непрестанно бесчеловечно персиян мучает, заключая в колотки и цепи, иных под побоями выспра-

[136] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1743, д. 4, л. 384.
[137] Büschings «Magazin», Bd. X, S. 405.
[138] «*Lettres édifiantes...*», p. 290.
[139] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1747, д. 3, л. 164.
[140] Мухаммед Казим, *Тарих-и аламара-йи Надири*, т. III, л. 46; АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1742, д. 5, л. 43.

шивает, кто сколько пожитков имеет и по объявлению все иждивение на себя описывает. Сверх чего генерально всю Персию в распоряжение вспомочных денег, кроме податей, немилостиво обирает и в таком грубиянстве себя ведет, что едва не на каждый день людей казнит и под палками жестоко пытает. Одним словом ужасное тиранство от него происходит» [141].

Для увеличения доходов казны правительство требовало с населения деревень, городов и провинций крупные денежные суммы, ссылаясь на различные причины. По сведениям современников, «по всей Персии, кроме положенных толь неумеренных податей, всегда от шаха варварские и душевредные к народу привязки чинятся, под которыми великую сумму с подданных своих грабят» [142].

За воинов, умерших от болезней или погибших во время военных действий, брали штрафы, как за дезертиров [143], с населения тех местностей, откуда они были взяты.

Особенно участились штрафы в период подготовки и во время войны с Турцией (1743—1746). «С одной Исфаханской области в 1743 г. было приказано собрать штрафов на сумму, составлявшую на русские деньги 4600 тыс. рублей» [144]. С Ганджи и окрестностей, кроме установленных податей, в 1745 г. потребовали еще 111 тыс. туманов [145], что значительно превышало сумму всех податей за год.

Чрезвычайные денежные сборы все время повышались. Если в 1743 г. со всего Гиляна было приказано собрать в переводе на русские деньги 400 тыс. рублей [146], то в 1747 г. с одного Решта и окрестностей требовали в два раза больше [147].

---

[141] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1743, д. 3, л. 530.
[142] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1742, д. 5, л. 779.
[143] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1740, д. 6, л. 566.
[144] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1743, д. 4, л. 384. — В 1734—1735 гг. после восстания Мухаммед-хана белуджа на восставшие племена Фарса был наложен штраф в сумме 300 тыс. туманов, т. е. примерно 3 млн. рублей на русские деньги (Мухаммед Казим, *Тарих-и аламара-йи Надири*, т. I, л. 274).
[145] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1745, д. 17, л. 684.
[146] Там же, д. 18, л. 684.
[147] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1747, д. 1, л. 78.— Все эти данные русские дипломатические представители сообщали в

79

Ежедневно, рассказывает историограф Надира, прибывали чапары и сообщали о массовых убийствах и грабежах в связи со сбором налогов, проводимым по всей стране. Глав племени луров Бахтиарин вызвали ко двору, чтобы они отчитались в расходах. Подвергнув их пыткам, Надир приказал, чтобы они в течение двухмесячного срока обеспечили сбор требуемых сумм. Каждому было приказано собрать налогов на сумму 100 и 200 альфов. Среди бахтиарских луров началось восстание [148]. Восставшие присоединились к Мухаммеду Алихану Кырклу, одному из приближенных Надира, незадолго до этого назначенному сердаром Ирака [149]. Восстание было подавлено, войско луров (Мухаммед Казим называет его «войском черни и воров») было разгромлено [150]. Так же расправились с населением и чиновниками в Кермане. Покинув Керман, Надир со своим войском направился в другие провинции, где нещадно избивал жителей, чиновников и правителей, требуя уплаты колоссальных сумм [151].

Огромные налоги были возложены на население Балха и Андхоя. По рассказам Мухаммеда Казима, «когда Надир отвернул от людей Ирана лицо обхождения, то приказал, чтобы с племен аймаков (Балха и Андхоя. — *М. А.* и *К. А.*) было собрано 200 альфов». Жители Балха и Андхоя распродали все свое имущество и отправили ко двору 170 альфов. Дальнейшие вымогательства и издевательства чиновников фиска вызвали восстание племен этих областей [152]. С округа Хабушан, населенного в основном кочевниками-курдами, Надир-шах потребовал уплаты в казну 140 альфов. В результате, в самом Хабушане начались волнения, а курды, находившиеся на службе в войске Надира, покинули его лагерь и рассеялись [153].

переводе на русские деньги. В источниках нет сведений о соотношении рубля и тумана в 1743 и 1745 гг. Известно, что в 1747 г. 1 туман = 10 рублям (АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1747, д. 3, л. 472).
[148] Мухаммед Казим, *Тарих-и аламара-йи Надири*, т. III, л. 171, 172.
[149] Там же, л. 171.
[150] Там же, л. 173.
[151] Там же, л. 238.
[152] Там же, л. 247.
[153] Там же, л. 179.

В обстановке глубочайшей хозяйственной разрухи, разрыва экономических связей между отдельными областями государства и сужения внутреннего рынка, сокращения внешней торговли денежные налоги были чрезвычайно разорительны для крестьянского хозяйства. Население отказывалось от уплаты, убивало шахских сборщиков, восставало. Чиновники фиска стали собирать налоги с помощью военных отрядов. В связи с участившимися случаями присоединения воинов к восставшему населению для сбора налогов в Иране стали посылать афганские и узбекские отряды, наиболее преданные Надир-шаху. Например, в 1746 г. в Решт для сбора податей был послан отряд узбекских воинов [154].

Как уже отмечалось, чиновники-казнокрады часто, преследуя цели личного обогащения, требовали большие суммы, чем было установлено.

При взыскании налогов крестьян обычно жестоко притесняли, заковывали в цепи и колодки [155]. По приказанию шаха, в случае неплатежеспособности населения, «все пожитки продавали и деньги брали, а буде и того недостаточно, то 6 девок вместо платы по 15 рублев (15 рублей в 1747 г. равнялось $1^1/_2$ туманам. — *М. А.* и *К. А.*), женок по 10 рублев, переведя в лагерь его, продавали военным людям» [156].

В Реште Лерх был свидетелем жесточайших пыток, которым подвергалось население. Вблизи дома, в котором жили члены русского посольства, от криков и стонов пытаемых не было покоя ни днем, ни ночью. Тогда Голицын потребовал от местных властей, чтобы никто не беспокоил его сотрудников, после чего каратели перешли в другое место [157].

В работе Лерха упоминается пытка, называемая феллахи-чубук, «которая стала применяться особенно часто в теперешнее печальное время для того, чтобы вымогать деньги для шаха, который с этой целью рассылает повсюду афганцев с тем, чтобы они доставили ему воз-

[154] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1746, д. 11, л. 21; 1739, д. 5, л. 539.
[155] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1743, д. 3, л. 530.
[156] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1747, д. 1, л. 78.
[157] Büschings «Magazin», Bd. X, S. 432.

ложенные (на население) суммы» [158]. В персидских источниках сообщается о случаях, когда крестьяне вынуждены были продавать членов своей семьи для уплаты налогов, о чем также писал и Мухаммед Казим [159]. По повелению Надира сборщики налогов должны были взимать подати и недоимки «до последнего динара» [160]. Мухаммед Казим также сообщал, что чиновники собирали налоги «под палочными ударами» [161].

Разорение ра'ийятов шло гигантскими шагами. Отсталая техника не давала возможности повысить производительность сельского хозяйства. Сокращение торговых связей между отдельными областями страны, сужение внутреннего рынка и повышение дорожных пошлин (рахдари) затрудняло сбыт продуктов. Чтобы уплатить денежные налоги, ра'ийяты должны были продавать то немногое, что оставалось у них после уплаты налогов и внеочередных поставок на войско. Таким образом, они были вынуждены отдавать своим угнетателям уже не только прибавочный, но и значительную часть необходимого продукта.

Замена некоторых натуральных налогов денежными и сбор крупных штрафов были связаны не только с расходами на ведение новых войн, но в значительной степени и с переводом на денежное жалованье части войска и чиновников государственного аппарата. Подобные мероприятия не соответствовали общему состоянию развития производительных сил в стране. Взимание денежных налогов и штрафов в условиях господства натурального хозяйства, слаборазвитых товарно-денежных отношений, общей экономической разрухи и разрыва связей между отдельными областями страны было особенно затруднительно и вело к росту ростовщичества и дальнейшему закабалению ра'ийятов.

Общий экономический упадок и усиление налогового гнета приводили к ухудшению положения свободных крестьян-общинников, обнищанию феодально-зависимых крестьян и к полной их неплатежеспособности. Дальней-

[158] Ibid., S. 417.
[159] Мухаммед Казим, *Тарих-и аламара-йи Надири*, т. III, л. 46.
[160] Там же, л. 167.
[161] Там же, л. 191.

шее разорение мелкого крестьянского хозяйства, являвшегося основой всего общественного производства, имело решающее значение и стало главной причиной упадка всей экономики страны.

При Сефевидах жизнь илятов была несколько легче, чем ра'ийятов. Составляя главную силу в войске, кочевники не были обременены таким количеством податей и повинностей, как ра'ийяты. Однако вследствие усиления налоговой эксплуатации уже при сефевидском шахе Хусейне их положение ухудшилось. Подати, взимавшиеся с них, были удвоены. При Надире же они стали платить подушную подать ясак-каш [162], увеличенную во много раз. Так, в 1744 г. с племени думбули вместо взимавшихся ранее 3 тыс. туманов налога потребовали 100 тыс. туманов [163]. Иляты, так же как и ра'ийяты, должны были платить крупные денежные штрафы. Кроме того, как уже упоминалось, имели место случаи, когда илятов насильственно переводили в ра'ийяты, в связи с чем на них налагались ра'ийятские подати и повинности [164]. Иляты, служившие в войске, получали жалование не полностью и не в срок, терпели голод и нужду. Вследствие этого разоренные ра'ийяты и иляты, покидая свои дома и кочевья, пополняли разбойничьи шайки, восставали или присоединялись к восставшим в других районах, уходили за границу.

Резкое усиление феодальной эксплуатации в 30—40-х годах XVIII в. в государстве Надира привело к тяжелой экономической разрухе, обострению классовых противоречий и противоречий внутри класса феодалов.

[162] См.: АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1739, л. 5, 248.
[163] И. П. Петрушевский, *Очерки...*, стр. 335.
[164] Там же, стр. 313.

ГЛАВА IV

ГОСУДАРСТВО НАДИР-ШАХА — ФЕОДАЛЬНАЯ ДЕСПОТИЯ

Государство Надир-шаха являлось типичной военно-феодальной деспотией. Власть шаха была неограниченной. Существовавший при сефевидских шахах совет эмиров в составе великого везира, курчи-баши, кул-лар-агаси, ишик-агаси баши, туфенгчи-баши, диван-беги и векил-невиса [1] не обладал сколько-нибудь большими полномочиями. Но и он был фактически упразднен Надиром в самом начале его правления [2].

«Надир скоро по вступлении своем на престол дал знать персианам, что он хочет царствовать без совместников, и хотя учредил государственный Совет и разделил оный на отделения по числу областей, но никакого важного дела без себя решить не приказал» [3]. Многочисленные казни и расправы свидетельствуют о чудовищном деспотизме Надира.

Как и во всяком феодальном обществе, экономической основой государства Надира было мелкое крестьянское хозяйство наряду с производством самостоятельных мелких ремесленников. Огромный бюрократический аппарат и многотысячное войско, значительно возросшие в связи с расширением фонда государственных земель и непрерывными войнами, содержались за счет усиленной эксплуатации народа, в основном крестьян.

[1] *«Tadhkirat al-muluk»*, p. 13.
[2] Об упразднении названных первых четырех должностей см.: Мухаммед Казим, *Тарих-и аламара-йи Надири*, т. II, стр. 11.
[3] [С. Решетов] *«История о персидском шахе...»*, стр. 185.

Однако крестьянское хозяйство уже с конца XVII в. стало разоряться. Непрерывные войны и феодальные усобицы, начавшиеся фактически еще до падения сефевидской державы, семилетнее господство афганских и турецких захватчиков и войны между ними на территории Ирана, Азербайджана и Армении способствовали дальнейшему разрушению производительных сил и углублению хозяйственной разрухи. Вследствие хищнической налоговой эксплуатации, прямого грабежа, национального гнета, террора, грубого произвола и насилия, которым подвергались народы, покоренные афганцами и турками, поднимается широкое освободительное движение против ига завоевателей. Выше приводились материалы из источников о большой популярности Надира в тот период, так как народ видел в нем организатора борьбы за независимость.

Для некоторых западноевропейских и русских современников Надира (не говоря уже о персидских феодальных хронистах) характерна идеализация первоначального периода его правления. Так, один из них свидетельствует: «Первые свои старания обратил он к тому, чтобы мало-помалу привести к себе в любовь народы, кои по происшедшему о победах его слуху, начали являться уже к нему склоненными. Сперва запретил он, чтобы никто в областях его отнюдь не праздновал его прибытия, утверждая сие запрещение на том, что он не желает подать повода к новым расходам, коими народ... и без того был отягощен и себя изнурил... [Надир] начал поправлять все непорядки, кои от междоусобных браней неминуемо происходят, рассматривать прошения, подаваемые ему на областных правителей, градоначальников, судей и прочих чинов, наказывал с крайней строгостью виновных, невзирая ни на их чины, ни на прежние их заслуги, разъезжал всякий день по городу, спрашивая то от одних, то от других советов, касающихся до приращения купечества, до украшения города, до облегчения бедных и разорившихся семейств» [4].

Разумеется, что подобные демагогические приемы не могут завуалировать ярко выраженной антинародной деятельности Надира, направленной на усиление эксплуатации трудовых масс и подавление их сопротивления, политики, которая с достаточной наглядностью проявлялась еще в начале 30-х годов, т. е. до провозглашения его шахом (1736).

[4] Там же, стр. 170, 171.

Разоренные крестьяне, поддерживая Надира Кули-хана в борьбе с афганскими захватчиками, надеялись, что изгнание ненавистных чужеземцев приведет к облегчению налогового гнета и улучшению их жизни.

В конце 20-х — начале 30-х годов, в период войн против афганцев и турок, Надир и шах Тахмасп ощущали острую нужду в деньгах, поэтому они не только не уменьшили налоги, а, напротив, даже ввели различные чрезвычайные поборы и поставки для содержания войска. Изгнание афганских и турецких завоевателей не принесло облегчения народным массам. Крестьянское хозяйство страдало от тяжелых налогов. Неплатежеспособные крестьяне подвергались жестоким репрессиям. В ответ на насилия и вымогательства чиновников фиска вспыхивали восстания, подавлявшиеся огнем и мечом.

Внутренняя политика Надир-шаха, основанная на эксплуатации крестьянства и подавлении его борьбы против экономического и социального гнета, привела к резкому обострению классовых противоречий. Борьба эксплуатируемых против феодального гнета, выражавшаяся в мощных восстаниях и движениях крестьян, рядовых кочевников и городской бедноты, явилась основным фактором разложения и гибели феодальной деспотии Надир-шаха.

* * *

Социальную опору шахской власти представлял класс феодалов, состоявший из нескольких групп [5]. Наиболее влиятельной и привилегированной из них была военно-феодальная знать кочевых и полукочевых племен. В 20-х годах XVIII в., в период афганской и турецкой оккупации Ирана и Закавказья, когда Надир Кули вел упорную борьбу за подчинение хорасанских племен, его

[5] И. П. Петрушевский называет следующие четыре основные группы: 1) военная знать кочевых и полукочевых племен; 2) старинные местные владетельные феодалы; 3) высшее духовенство мусульманское (в Армении отчасти и христианское); 4) гражданская бюрократия центрального и местного аппаратов власти (И. П. Петрушевский, *Очерки...*, стр. 89).

военной и политической опорой была знать кызылбашского племени афшар и курдских племен Хорасана. «Главных племен, которые изъявили желание содействовать Надиру и пошли путем искренней преданности, — свидетельствует Мехди-хан, — было два: одно — афшары, состоявшие с ним в родственных отношениях, другое — курды, жившие в Дерегезе и Абиверде и бывшие наиболее значительными племенами в Хорасане». Далее тот же автор замечает, что, хотя были и другие племена, которые пользовались доверием Надира и преданно служили ему, все же основной опорой будущего шаха служила знать названных племен [6]. Именно это определило в дальнейшем привилегированное положение афшарской знати и знати некоторых племен Хорасана по сравнению со знатью других кочевых и полукочевых племен Ирана.

Так, Мехди-хан передает, что Чераг-бек афшар и Тахмасп-бек джелаир присоединились к Надиру Кули еще в середине 20-х годов XVIII в. и были его сподвижниками в борьбе с Мелик-Махмудом Систанским [7]. Тахмасп-бек, векиль племени джелаир, явился на службу к Надиру вместе с другими главами этого племени [8]. В дальнейшем он стал едва ли не самым известным полководцем Надира, облеченным большим доверием шаха. Еще в 1731 г. он был назначен правителем округов Ужгуш, Чермуган, Хаджиляр [9]. В 1733 г. ему было поручено командование войсками Хузистана, Фарса, Кермана, портов Персидского залива и подавление восстания Мухаммед-хана белуджа, правителя Фарса [10]. В 1736 г. Тахмасп-бек присутствовал на Муганском курултае и был в числе семи лиц, пользовавшихся особым доверием шаха, которым было поручено проведение комедии «выборов» нового шаха [11]. Когда Риза Кули-хан, старший сын Надир-шаха, был назначен правителем Хорасана (1736), а впоследствии (на время военного похода Надира в Индию и Среднюю Азию) шахским наместником, на Тахмасп-бека, уже получившего титул хана, были возложе-

[6] «Материалы по истории туркмен...», т. II, стр. 119.
[7] Там же, стр. 120.
[8] Там же.
[9] Там же, т. II, стр. 135.
[10] А. К. Бакиханов, *Гюлистан-Ирам*, стр. 113.
[11] Абраам Кретаци, *Патмутюн анцицн...*, стр. 51.

ны ответственность за состояние вооруженных сил всего государства и командование войском. В частности, он должен был подготовить поход на Балх и Андхой [12]. В 1740 г. пришло известие из Кабула о восстании западных афганских племен; для его подавления был снова направлен Тахмасп-хан, назначенный сердаром Афганистана и северо-западных владений могольской Индии, отошедших к Надиру по договору, заключенному с Мухаммед-шахом. Местные правители получили приказ повиноваться всем требованиям и распоряжениям Тахмасп-хана. В 1744 г. он стал сердаром Фарса и, согласно приказу Надир-шаха, отправился на подавление восстания правителя Фарса — Таги-хана (1744).

Войска Надира состояли из ополчений различных племен, но все высшие военные должности принадлежали военно-феодальной знати хорасанских племен — афшар, курд, частично — племени байят, числившегося с XVII в. кызылбашским племенем.

Мухаммед Хусейн-хан афшар в рукописи Мухаммеда Казима фигурирует неоднократно как сердар Ирака (1743—1744) [13].

Фатх Али-хан кияни, сын Баба Али-бека афшара, принадлежал к числу самых близких к трону должностных лиц. Ему неоднократно поручалось подавление восстаний и мятежей, проведение различных военных операций. В частности, во время Карнальской битвы с войском могольского шаха (1739) Фатх Али-хан командовал объединением джезаирчи. Он же стоял во главе карательного войска, отправленного на подавление восстания каджаров Мерва [14].

Брат Фатх Али-хана, Кальб Али-хан афшар, упоминается как бывший правитель и сердар Мерва, назначаемый шахским приказом на должность сердара Фарса и Маската [15]. После подавления восстания каджаров Астерабада Сару-хан кырклу афшар, бывший правитель Кермана, был назначен сердаром Астерабада вместо Мухам-

[12] Мухаммед Казим, *Тарих-и аламара-йи Надири*, т. III, л. 132, 133; Мехди-хан, *Тарих-и Надири*, стр. 170.
[13] Мухаммед Казим, *Тарих-и аламара-йи Надири*, т. III, л. 46, 232.
[14] Там же, л. 192.
[15] Там же, л. 49.

мед Хусейн-хана афшара, получившего другое назначение [16]. В 1742 г. Ашур-хан папалу афшар упоминается в качестве сердара Азербайджана. Аллаверди-хан кырклу афшар в 1744 г. был назначен сердаром Фарса и с 20 тыс. воинов отправлен на подавление восстания Таги-хана, беглербега этой области [17]. Сыновья Надир-шаха — Риза Кули-мирза, Насрулла-мирза, Имам Кули-мирза, так же как и его племянники, сыновья Ибрагим-хана — Мухаммед Али-хан (переименованный Надиром в Ибрагим-хана после гибели в 1738 г. брата Надира Ибрагим-хана) и Али Кули-хан — занимали ряд высших командных должностей в войске. Один из представителей военной знати курдских племен — Хаджи-хан курд чемшкезак в 1738 г. был тупчи-баши войска Надира, а впоследствии стал сердаром Луристана [18], другой — Афа Хасан-хан курд — военачальником Надир-шаха [19]. Как уже упоминалось, влиянием в войске пользовалась также знать племени байят. Так, Хасан-хан байят — сердар нишапурский и Музаффар-хан байят были посланы Надир-шахом на подавление восстания афганских племен в 1744 г.[20].

Приведенный перечень представителей афшарской, курдской и байятской знати, занимавшей все наиболее ответственные военные должности в государстве Надир-шаха, является далеко не полным. Однако в использованных нами источниках не содержится данных о большом влиянии в войске знати других племен.

Беглербегство важнейших областей своего государства Надир-шах доверял главным образом афшарской знати.

Управление Хорасаном, который при Надире являлся политическим и военным центром государства, в течение всего его правления (включая и время до вступления Надира на трон) принадлежало попеременно отдельным членам правящего дома, сыновьям и племянникам Надир-шаха, представителям афшарской знати. Так, еще в 1728 г., вскоре после победы над Мелик-Махму-

[16] Там же, л. 26.
[17] Там же, л. 26, 55, 73 и др.
[18] Там же, л. 150.
[19] Там же, л. 175.
[20] Там же, л. 111.

дом Систанским, правителем Хорасана был назначен брат Надира — Ибрагим-хан. В 1736 г. управление Хорасаном было передано Риза Кули-хану, старшему сыну Надира [21]. В 1739 г. правителем Хорасана стал племянник Надир-шаха Али Кули-хан [22]. По вступлении на престол Надир сделал своего брата Ибрагим-хана главнокомандующим войсками и верховным правителем Азербайджана, Грузии, Дагестана, подчинив ему всех беглербегов и хакимов названных областей [23]. Абраам Кретаци добавляет к ним еще Нахичеванское ханство и Ереванское сердарство вместе «со всей Араратской областью», а самого Ибрагим-хана называет «вторым шахом» [24]. После гибели Ибрагим-хана (1738) на освободившуюся должность был назначен его сын Мухаммед Али, с присвоением ему имени и титула отца [25]. В 1739 г. правителем Южного Азербайджана стал эмир Аслан-хан кырклу афшар, близкий родственник Надир-шаха [26], а в 1743 г. правителем Тебризского ханства, сердаром всего Азербайджана и командующим вооруженными силами Ереванского ханства был назначен Ашур-хан папалу афшар [27].

К знати племени афшар принадлежали также и правители, назначавшиеся Надир-шахом в Ширванскую область. Так, в 1736 г. после коронации Надира Мехди-хан афшар стал правителем этой области [28]. После убийства Мехди-хана во время одного из местных восстаний этот пост был предоставлен Сердар-беку кырклу афшар [29], а в 1744 г. — Хайдар-беку афшар [30]. Еще в 1733 г. правителем Герата был один из сыновей Надира Насрулла-мирза. Пир Мухаммед-хан и Баба-хан курд хорремабадский попеременно были правителями Герата. В 1743—

[21] Мехди-хан, *Тарих-и Надири*, стр. 170.
[22] Там же.
[23] Там же.
[24] Абраам Кретаци, *Патмутюн анцицн...*, стр. 57.
[25] Мухаммед Казим, *Тарих-и аламара-йи Надири*, т. III, л. 130.
[26] А. К. Бакиханов, *Гюлистан-Ирам*, стр. 120.
[27] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1743, д. 4, л. 638; Мухаммед Казим, *Тарих-и аламара-йи Надири*, т. III, л. 130—133.
[28] Мехди-хан, *Тарих-и Надири*, стр. 170.
[29] А. К. Бакиханов, *Гюлистан-Ирам*, стр. 120.
[30] Мехди-хан, *Тарих-и Надири*, стр. 247, 248.

1744 гг. правителем Герата был Мухаммед-хан афшар. Наследственное беглербегство Кермана принадлежало главам одного из аймаков племени афшар еще при Сефевидах [31]. Естественно, что Надир-шах сохранил существовавшую здесь династию правителей афшарских ханов. В частности, Сару-хан афшар упоминается в рукописи Мухаммеда Казима в качестве хакима Кермана в 1743—1744 гг. [32]. В 1746 г. правителем Кермана был шах Кули-хан афшар [33]. Все сказанное о Кермане характерно и для Урмийской области, которая еще при Сефевидах являлась наследственным улька племени афшар [34].

Мы привели данные о правителях именно этих областей государства Надир-шаха (Хорасан, Южный Азербайджан, Ширван, Герат, Керман, Урмия), потому что в наших источниках сведения, касающиеся их, наиболее полны. Во всех названных областях беглербегство в течение всего периода правления Надир-шаха принадлежало исключительно знати различных аймаков племени афшар. Однако, как уже отмечалось выше, представители афшарской знати были правителями и во многих других областях и округах государства Надир-шаха.

Упоминания в источниках представителей знати других племен в качестве беглербегов довольно редки.

Для укрепления могущества кочевой знати хорасанских племен, являвшейся основной политической и военной опорой Надира, проводились мероприятия, направленные на консолидацию этих племен. В частности, 12 тыс. афшаров, обитавших в различных областях страны, были переселены, согласно приказу Надир-шаха, в Хорасан. Дробя другие крупные и сильные племена, расселяя отдельные кланы по различным областям, часто весьма отдаленным друг от друга, Надир стремился подорвать их военную силу и таким образом подчинить своему влиянию.

Для ослабления влияния и военной силы знати враждебных Надиру племен шахская власть предпринимала и другие меры (например, расправа с племенем каджар).

---

[31] И. П. Петрушевский, *Очерки...*, стр. 121.

[32] Мухаммед Казим, *Тарих-и аламара-йи Надири*, т. III, л. 26, 27.

[33] Там же, л. 233.

[34] И. П. Петрушевский, *Очерки...*, стр. 128.

Астерабадские каджары были одним из немногих кызылбашских племен, которые до первой четверти XVIII в. сохранили еще свои улька, влияние и привилегии. В период войн, начавшихся с афганского завоевания, Астерабадская область не служила ареной военных действий, благодаря чему она была и менее разорена. Падение Сефевидов означало уничтожение централизованной власти и усиление власти местных ханов, в частности каджарских. Фатх Али-хан каджар, еще при Сефевидах являвшийся правителем Астерабада, в 20-х годах XVIII в. чрезвычайно усилил и упрочил свою власть в этой области. Он приютил потерпевшего несколько поражений в сражениях с афганскими и турецкими завоевателями шаха Тахмаспа вместе с его двором и ничтожным войском (1723). Фатх Али-хан объявил о своем переходе на службу к Тахмаспу и признал над собой власть молодого шаха, что было, конечно, только комедией: военной силой шаха являлись астерабадские каджары, командование которыми принадлежало Фатх Али-хану. Когда Надир Кули вместе с войском перешел к шаху Тахмаспу, он имел случай убедиться, насколько значительную помеху для осуществления его честолюбивых замыслов представляет Фатх Али-хан. Убийство последнего было одним из проявлений борьбы Надира за власть. Вступив на престол, Надир-шах назначил правителем Астерабада Мухаммед Хусейн-хана. По расчетам Надира, назначение эмиром племени каджар афшарского хана должно было способствовать ограничению влияния каджаров.

Ответом было восстание астерабадских каджаров в союзе с йомудами под руководством Мухаммед Хасан-хана, сына Фатх Али-хана каджара. Однако и после подавления восстания в 1744 г. на должность правителя Астерабада был назначен сначала Мухаммед Заман-хан афшар, а затем Сару-хан кырклу афшар [35]. Это свидетельствует о том, что даже значительное восстание каджаров не заставило Надир-шаха отказаться от проводившейся им политики ограничения влияния знати этого племени.

---

[35] Мухаммед Казим, *Тарих-и аламара-йи Надири*, т. III, л. 233.

Наследственным улька племени каджар в течение XVI—XVII вв. являлся также Мерв и его округ. При последнем сефевидском шахе и в период афганской оккупации Ирана правителем этой области был Мухаммед Али-бек каджар. Для ограничения его влияния и самостоятельности шах Султан-Хусейн трижды посылал в Мерв своих правителей в сопровождении войска. Но все они последовательно были изгнаны Мухаммед Али-беком, который, по словам Мухаммеда Казима, был вполне самостоятельным владетелем и не допускал никаких правителей [36]. Вскоре после коронации Надир-шах поручил правление Мервом Кальб Али-хану, сыну Баба Али-хана афшара [37]. Возвращаясь из похода в Среднюю Азию, Надир-шах прибыл в Мерв (1741). Тогда же по его приказу многие чиновники и военачальники были преданы смерти. Управление Мервом вновь было передано местной династии правителей каджаров. Хакимом Мерва был назначен Шах Кули-бек каджар, сын Мухаммед Али-бека [38].

По свидетельству Мухаммеда Казима, в улька мервских каджаров при сефевидских шахах входили местности Чахча, Мехнэ, Каинат, Туршиз, Себзевар. Незадолго до индийского похода Надир конфисковал эти земли в пользу государства. «Каждый раз, когда наступало время уплаты жалованья, шахский указ постановлял, чтобы (необходимые средства. —*М. А.* и *К. А.*) отпускались из Хорасана и выдавались победоносным мервским воинам» [39].

С XVI в. до 1804 г. с небольшими перерывами наследственное управление Ганджой и Карабахом из поколения в поколение принадлежало ханам зияд-оглы (аймак племени каджар) [40]. Угурлу-хан зияд-оглы, приглашенный и присутствовавший на Муганском курултае [41], был одним из немногих, которые открыто высказывались против Надира и препятствовали его вступлению на пре-

[36] Мухаммед Казим, *Тарих-и аламара-йи Надири*, т. I, л. 126.
[37] Мухаммед Казим, *Тарих-и аламара-йи Надири*, т. II, л. 38, 39.
[38] Там же, л. 282.
[39] Там же, л. 128, 129.
[40] И. П. Петрушевский, *Очерки...*, стр. 122.
[41] Абраам Кретаци, *Патмутюн анцицн...*, стр. 40.

стол. Поэтому Надир-шах после своей коронации для ослабления власти и влияния могущественных ханов отделил от их владений пять армянских меликств Нагорного Карабаха и Зангезура, лишил их власти над кочевыми племенами Мильско-Карабахской степи [42]. Владения кочевых племен казар-лар и шамасаддинлу были подчинены картлинскому царю Теймуразу. Угурлу-хану был оставлен только район Ганджи и сохранен титул ганджинского беглербега, а часть каджаров Карабаха была переселена в Хорасан. В 1738 г. Угурлу-хан погиб в битве с джарскими племенами Дагестана вместе с Ибрагим-ханом. В 1743 г., как отмечается в наших источниках, ганджинским ханом был уже не представитель клана зияд-оглы, а курд — Хаджи-хан чемшкезек. По всей вероятности, Надир-шах воспользовался гибелью одного из наиболее влиятельных членов этой фамилии — Угурлу-хана — и попытался ликвидировать династию местных ханов. Однако после смерти Надир-шаха зияд-оглы восстановили свою власть и влияние, хотя им и не удалось вернуть часть территорий, отнятых Надиром [43].

Главы кызылбашского племени устаджлу при сефевидских шахах являлись наследственными правителями Ереванского ханства [44]. В источниках неоднократно упоминается Мухаммед Казим афшар, назначенный в конце 30-х годов XVIII в. правителем этого ханства [45].

Ханы племени зулькадар при Сефевидах были наследственными правителями Фарса [46]. Однако еще Аббас I поставил во главе этой области представителя новой военной знати из гулямов, своего полководца Аллаверди-хана. Правителем Фарса с 1736 по 1744 г. был представитель новой феодальной бюрократии, выдвинувшейся при Надире, Таги-хан [47]. После смещения Таги-хана в 1744 г. правители этой области часто менялись, но ни один из них не был представителем племени зулькадар.

[42] А. К. Бакиханов, *Гюлистан-Ирам*, стр. 142.
[43] И. П. Петрушевский, *Очерки...*, стр. 122—124.
[44] Там же, стр. 121.
[45] Там же.
[46] Там же.
[47] Мухаммед Казим, *Тарих-и аламара-йи Надири*, т. III, л. 24, 66; Мехди-хан, *Тарих-и Надири*, стр. 170.

При Сефевидах наследственными правителями Герата были главы племени шамлу [48]. При Надир-шахе они уже не пользовались этой привилегией. В работе Абраама Кретаци упоминается в качестве правителя Герата в 1736 г. Пир Мухаммед-хан, представитель хорасанской кочевой знати. После коронации Надира правителем Герата был назначен Баба-хан курд [49].

Таким образом, Надир-шах для укрепления власти пытался уничтожить фактически существовавшие во многих областях династии местных правителей — ханов, представителей военной знати различных кочевых и полукочевых племен Ирана. Правителями Фарса, Герата, Хорасана, Ганджи, Ширвана, Южного Азербайджана, Астерабада, Еревана назначались представители военно-феодальной знати, но не тех племен, в руках которых в течение десятков и сотен лет находилось управление этими областями. Пост беглербега теперь стали занимать и представители гражданской бюрократии.

Проводившееся Надир-шахом дробление и расселение племен, конфискация улька, назначение эмиром одного племени представителя кочевой знати другого — все это были политические меры, направленные на ограничение влияния кочевой знати лишь тех племен, которые имели такие же основания на верховную власть в государстве, как и афшары. Это прежде всего относилось к племени каджар. Одновременно Надир-шах пытался, особенно в 40-х годах, оградить себя от чрезмерного усиления афшарской и курдской знати Хорасана. Надир всячески покровительствовал афганским и узбекским ханам — военачальникам соответствующих отрядов в его войске. Отдельные представители афганской и узбекской военной знати назначались Надиром даже на должности правителей областей. Так, Гани-хан абдали был правителем Герата, а затем Дербента [50]. Для подавления восстаний разоренных, угнетенных ра'ийятов и илятов, для расправы с освободительным движением покоренных народов и обуздания мятежных ханов Надир-шах

[48] И. П. Петрушевский, *Очерки...*, стр. 121.

[49] Абраам Кретаци, *Патмутюн анцицн...*, стр. 40.

[50] П. Г. Бутков, *Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г.*, т. I, СПб., 1869, стр. 233, 234.

широко использовал афганских и узбекских наемников. Обласканная шахом знать афганских и узбекских племен оставалась до конца верной ему. Особенно она проявила свою преданность во время военного заговора 1747 г.

Создавая себе в лице кочевой знати классовую, политическую и военную опору, Надир в то же время жестоко подавлял сопротивление некоторых ханов — своих противников — и играл на противоречиях между военно-феодальной знатью различных племен. Однако одного лавирования и военного подавления было недостаточно для того, чтобы иметь поддержку этой могущественной группы феодалов. Поэтому Надир должен был еще и щедро одаривать кочевую знать, обеспечить ей постоянные источники доходов. Все это достигалось главным образом за счет эксплуатации оседлого населения деревень и городов и ограбления жителей завоеванных стран.

Доходы от эксплуатации земледельческого и городского населения все более сокращались по мере упадка крестьянского хозяйства, торговли и разорения мелких ремесленников. Таким образом, это обстоятельство неизбежно превращало завоевательную войну, ограбление населения покоренных стран в основной источник обогащения для кочевых феодалов. Именно завоевательная политика Надир-шаха выражала в основном интересы военно-феодальной знати кочевых племен.

Еще в период войн против афганских и турецких завоевателей Надир Кули-хан поднимал племенную знать на борьбу, соблазняя ее богатой военной добычей [51]. Эта знать наживалась на ограблении населения северо-западной Индии, Афганистана, Средней Азии. Как свидетельствует Мухаммед Казим, в 1743 г. в Мерве Надир готовился к военному походу в Китай, который, однако, не был осуществлен [52].

Помимо военной знати, в государстве Надира многочисленную группу феодалов представляла гражданская бюрократия центрального и местного аппаратов власти. Эти группы отличались друг от друга прежде всего эт-

[51] Н. Д. Миклухо-Маклай, *О первом томе труда Мухаммеда Казима*, стр. 132.

[52] Мухаммед Казим, *Тарих-и аламара-йи Надири*, т. III, л. 6.

нически. Военную знать в основном представляла верхушка кочевых и полукочевых племен Ирана, Азербайджана, Армении и других стран. Гражданская бюрократия была местного происхождения. Это объясняется прежде всего тем, что для ведения дел сложного аппарата управления необходимы были знание языка основной массы податного населения, его обычаев, природных и экономических условий отдельных областей; многие представители высшей гражданской бюрократии принадлежали преимущественно к потомственной иранской знати.

Мехди-хан Астерабади, происходивший из фамилии Сефевидов, являлся представителем этой знати. Он был одним из наиболее близких Надиру придворных, выполнял его различные поручения и долгое время в качестве личного секретаря сопровождал шаха во многих походах, вел его дипломатическую переписку с Россией и Турцией. После восшествия Надира на престол (1736) Мехди-хан был назначен придворным историографом. Русские дипломатические представители в Иране называли его и, очевидно, не без оснований первым министром [53].

Гражданская бюрократия не была однородна. К этой группе принадлежали и крупнейшие феодалы вроде мустоуфи ал-мамалика, лашкар-нивиса, назир-и буютата и мелкие должностные лица, например сборщики налогов, жалованье которых не составляло и нескольких туманов в год. Однако, вне зависимости от доходов, эти чиновники были участниками феодальной эксплуатации крестьянства, так как получали свое жалованье в виде земельных пожалований, а чаще непосредственно из налогов отдельных деревень или целых областей.

Многие представители гражданской бюрократии поддерживали такие начинания шахской власти, как попытки ограничить влияние военно-феодальной знати некоторых племен, политику расширения и укрепления государственного землевладения. В интересах бюрократии было загромождение аппарата управления многочисленным персоналом, воссоздание сложной и громоздкой системы центрального и местного управления, существовавшей при Сефевидах. При Надир-шахе эта система усложнилась еще более не только из-за включения в состав

[53] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1738, д. 7, л. 768.

его лоскутной империи новых захваченных областей, но и в результате значительного увеличения фонда государственных земель.

Надир-шах, смещая некоторых самых видных должностных лиц, выдвигал и поддерживал средние прослойки управленческой группы феодалов. Многие представители гражданской бюрократии, выдвинувшиеся при Надире, были облечены большим доверием шаха. Так, одним из наиболее близких к трону людей был Таги-хан. По данным Мухаммеда Казима, своим блестящим положением Таги-хан был обязан исключительно Надиру, «который сделал его из простого сборщика налогов Фарса правителем этой области» [54]. Эту должность Таги-хан занимал с 1736 по 1744 гг., когда за участие в антиправительственном восстании он был смещен, его имущество конфисковано и все сыновья убиты. Однако вскоре Надир простил Таги-хана и назначил его правителем Кабула и всех земель, отошедших к Ирану по договору с могольским шахом Мухаммедом. На этой должности он оставался вплоть до гибели Надир-шаха (1747). В 30-х годах Надир назначил некоего Галема, «гилянца, незнатного происхождения», правителем Баку [55].

Из двух приведенных нами примеров ясно, что, во-первых, Надир-шах пытался вместо старой чиновной знати создать новые кадры феодальной гражданской бюрократии; во-вторых, некоторые представители новой бюрократии пользовались более широкими правами, чем представители феодальной бюрократии при Сефевидах. В должности беглербегов мы видим не только представителей военной знати, но в отдельных случаях и гражданской бюрократии из оседлых феодалов, а также потомков старинных феодальных родов и людей незнатного присхождения, выдвинувшихся при Надире. Однако со временем представители гражданской бюрократии стали тоже проявлять недовольство политикой шаха и враждебность к нему.

Высшее шиитское духовенство составляло третью значительную группу класса феодалов. В 1736 г. на Муганском курултае Надир Кули-хан предъявил собравшимся

[54] Мухаммед Казим, *Тарих-и аламара-йи Надири*, т. III, л. 24.
[55] А. К. Бакиханов, *Гюлистан-Ирам*, стр. IX.

здесь представителям знати три условия, необходимые для его вступления на престол. Первые два из них касались права наследования короны потомками Надира и отказа феодалов от поддержки претензий сефевидских принцев на трон. Третьим условием было требование отречения его подданных-шиитов от шиизма и признание в качестве своей религии нового джафаритского толка ислама, провозглашенного пятым правоверным мазхабом сунны. По данным источника, участники курултая решили узнать мнение молла-баши об этом толке. Последний в ответ обратился к Надиру со следующими словами: «Что касается вопросов религии, то мы знаем закон бога, и предания его пророка Мухаммеда направляют нас, а потому не дело князей вводить в него (закон) новшества; я смиренно надеюсь, что ваше величество не начнет свое правление с попытки свергнуть установленную религию, так как мероприятие такого характера должно иметь опасные последствия» [56]. По приказу Надира строптивый молла-баши был задушен в своей палатке. После этого шиитское духовенство согласилось на признание нового толка.

Муганские события прекрасно продемонстрировали позицию духовенства и соотношение реальных сил. Опираясь на войско, подавив сопротивление высшего шиитского духовенства и некоторых других представителей господствующего класса, Надир Кули в 1736 г. короновался в Муганской степи. Это не означало окончательной победы Надира. Для пресечения попыток реставрации власти Сефевидов или каких-либо других враждебных ему действий со стороны духовенства Надиру было совершенно необходимо подорвать их влияние и экономические и политические позиции.

Частичная конфискация вакфного имущества была направлена на ослабление позиций высшего шиитского духовенства. Фрэзер рассказывает о том, как Надир-шах, вызвав к себе представителей шиитского духовенства, спросил, каким образом используются огромные доходы с вакфного имущества. Они заявили, что эти средства расходуются на жалованье духовным лицам, содержание медресэ, большого числа мечетей, в которых

[56] James Fraser, *The history of Nadir shah...*, p. 118, 119.

ежечасно возносятся молитвы за успех оружия их правителя и за процветание государства. На это Надир ответил, что, по всей вероятности, небо не внимало их молитвам, так как вот уже пятьдесят лет, как страна переживает упадок и почти разорена вторжением чужеземцев и мятежами; и только теперь Аллах избрал орудием своей милости надировых воинов, которые готовы жертвовать своей жизнью для защиты и славы народа, а поэтому доходы духовенства по праву принадлежат его воинам.

Согласно шахскому приказу большая часть вакфных земель должна быть конфискована и доходы с нее взяты в казну на содержание и оплату войска. Приказ был проведен в жизнь.

Разумеется, это мероприятие вызвало колоссальное недовольство высшего духовенства, которое неоднократно хотело организовать выступление народа и войска против действий шаха. Но, как замечает Фрэзер, все эти попытки вызывали лишь насмешки воинов Надира. Широкие массы относились к реформе сочувственно, так как повсюду ходили слухи, что за конфискацией вакфов последует освобождение крестьянского хозяйства от всех налогов [57]. Однако конфискованные земли не были освобождены от налогов. Более того, содержание духовенства, ранее пользовавшегося этими землями, было возложено на население страны. После конфискации вакфов Надир-шах объявил, что если народ нуждается в служителях культа, то и должен содержать их на собственный счет [58].

Стремление к ограничению влияния высшего шиитского духовенства отнюдь не означало отказа Надир-шаха от использования религии и духовенства в своих целях. Он лишь хотел превратить духовенство в свое послушное орудие. Если сефевидские шахи, нуждаясь в поддержке духовенства, всячески покровительствовали росту его политического и экономического влияния, то Надир-шах прибегал к методам ограничения его власти и влияния.

Вынужденное поддерживать в целом внутреннюю и

[57] Ibid., p. 121, 122.
[58] Ibid.

внешнюю политику Надира, высшее шиитское духовенство тем не менее тяготилось своим положением. На религиозном диспуте, созванном Надир-шахом в 1743 г., представители высшего шиитского духовенства заклеймили шиизм и высказались за объединение двух толков ислама. Тем самым они еще раз одобрили религиозную реформу Надира. Однако по существу представители иранского духовенства продолжали неизменно и упорно стоять на почве чисто шиитских воззрений. Об этом свидетельствует частная беседа, происходившая между молла-баши и арабским богословом Сувайди, приглашенным на диспут в качестве представителя Турции. Высшее шиитское духовенство смотрело на этот религиозный диспут как на комедию, в которой ему нужно было сыграть заранее предназначенную роль[59]. Недовольство духовенства росло также в связи с сокращением доходов мусульманских религиозных учреждений с принадлежащих им земель и городских вакфов: базаров, караван-сараев.

В борьбе против классовых выступлений и освободительных движений покоренных народов шах нередко привлекал на свою сторону феодальную верхушку покоренных и насильственно включенных в состав его империи стран. Тем не менее эти феодалы стремились к восстановлению утраченной государственности. Они видели в Надире не только захватчика, но и соперника в эксплуатации и ограблении народных масс страны и часто выступали против его власти.

Враждебность некоторых феодальных групп господствующего класса, обострение и усиление классовой и освободительной борьбы народов были одной из причин постепенного сужения социальной базы власти Надир-шаха и распада его лоскутной империи.

* * *

Представление об административном аппарате и системе государственного управления при Сефевидах дает анонимный трактат «Тазкират ал-мулюк», составленный в 1723 г. Основным было финансовое ведомство. Оно не-

---

[59] Подробно об этом см.: А. Э. Шмидт. *Из истории суннитско-шиитских отношений* («Общество изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами», Ташкент, 1927).

посредственно ведало сбором и распределением доходов государства между представителями правящего класса. Первым лицом в государстве после шаха был великий везир (иттимад ад-доуле).

Назначение на все ответственные должности в государственном аппарате, при дворе или в провинциях, а также определение жалованья должностным лицам санкционировалось великим везиром и лишь после этого представлялось на подпись шаху. Такой порядок соблюдался как при выплачивании денег из ведомства доходов казны, так и из ведомства доходов шахского домена. Назначение на низшие должности (писцов в государственную и шахскую канцелярии или работников в шахские мастерские и «службы» и пр.) производилось только с санкции великого везира.

Все денежные операции, связанные с государственными налогами (малийят-и диван), посылка денег в казну из провинций и из столицы — Исфахана не могли быть осуществлены без ведома и одобрения великого везира. Расчетные документы (нушкаджат-и и мухасабат) дивана, сборщиков и плательщиков налогов в провинциях также обязательно заверялись печатью везира[60].

При диване великого везира имелась специальная канцелярия (кешик-ханэ), куда, по всей вероятности, поступали жалобы «для того, чтобы дать возможность всему населению докладывать ему все важное, что они (люди — *М. А.* и *К. А.*) имеют»[61]. В трактате «Тазкират ал-мулюк» великий везир называется «самым важным из всех столпов государства и эмиров двора и вилайетов»[62].

Финансовое ведомство имело два саркара: саркар-и дивани (управление государственными доходами) и саркар-и хассэ (управление доходами короны). Такая организация финансового ведомства была обусловлена существованием двух земельных собственностей — государственной и шахской. Во главе саркар-и дивани стоял мустоуфи ал-мамалик, принадлежавший «к числу великих эмиров» и утверждавший получение или выплату жалованья различным гражданским и военным чинам неза-

---

[60] *«Tadhkirat al-muluk»*, p. 44—45.
[61] Ibid., p. 46.
[62] Ibid.

висимо от того, выплачивалось оно из дивана или саркар-и хассэ. Великий везир не производил никаких операций с доходами дивана без согласия мустоуфи ал-мамалика[63]. Доходами и расходами шахского домена ведало главным образом саркар-и хассэ, во главе которого стоял мустоуфи саркар-и хассэ[64]. Хотя управления доходами казны и короны существовали вполне самостоятельно, однако, судя по свидетельству «Тазкират ал-мулюк», последние в своих действиях в значительной степени зависели не только от великого везира, но и от саркар-и дивани. Все грамоты, за исключением относительно маловажных указов о предоставлении пенсий и т. п., заверялись печатью мустоуфи ал-мамалика[65].

Саркар-и хассэ подчинялись шахские мастерские и службы (карханэ, буйютат), находившиеся в непосредственном ведении назир-и буйютат[66]. Шарден называет назир-и буйютат «премьер-министром шаха, заведующим его финансами, великим экономом его домена, его доходов, его имущества, движимого и недвижимого, всего, что входит в его казну»[67].

Оценка урожая и непосредственное изъятие прибавочного продукта (нередко — и части необходимого продукта) у трудового населения производились целой армией чиновников фиска, везиров, мустоуфи, мутасадди, муталли, мубаширов, обязанных управлять делами и учетом доходов с земель казны и короны, забитов (сборщиков налогов), писцов[68] и др. Низшим звеном фискальной системы были должностные лица сельской общины. Такова была в основных чертах структура финансового управления в сефевидском Иране.

Для знакомства с периодом правления Надир-шаха, к сожалению, нет источника, подобного «Тазкират ал-мулюк». Однако, учитывая данные этого трактата и из-

[63] Ibid., p. 54, 55.
[64] Ibid.
[65] Ibid., p. 54.
[66] По своей значимости и влиянию назир-и буйютат был, повидимому, выше мустоуфи саркар-и хассэ, о котором «Тазкират ал-мулюк» упоминает лишь вскользь.
[67] [Chardin] *«Voyages du chevalier Chardin en Perse et autres lieux»*, t. I, Paris, 1830, p. 345.
[68] *«Tadhkirat al-muluk»*, p. 78.

менения, происшедшие в 30—40-х годах, мы можем представить систему государственного управления в империи Надир-шаха.

В первой трети XVIII в., во время междоусобных войн и оккупации Ирана и Закавказья афганцами и турками, многие сефевидские феодалы, в частности принадлежавшие к гражданской администрации, были истреблены завоевателями или эмигрировали.

Так, по свидетельству «Тазкират ал-мулюк», в ведении забита по штату должно было быть пятнадцать писцов; однако их было всего четыре, так как остальные одиннадцать погибли либо во время осады Исфахана, либо после взятия города афганцами[69]. То же самое автор трактата отмечает в отношении секретарей ведомства сахиб-и тауджих[70].

Задолго до вступления на престол Надир решительно отстранил от управления, лишил чинов и должностей ставленников шаха Тахмаспа, бывших сефевидских вельмож и сановников. «Тахмасп-Кули (Надир. — *М. А.* и *К. А.*) начинает уверенно и смело под различными предлогами предавать смерти одного за другим (сефевидских вельмож. — *М. А.* и *К. А.*), а если в отдельных уголках (страны.— *М. А.* и *К. А.*) и оставались таковые, то он не доверял им и не поручал управления областями»[71].

Обо всем этом свидетельствует и шейх Хазин[72].

Говоря о приглашенном на Муганский курултай ереванском хане Мухаммед Кули-хане, дед которого Муса-бек занимал видное положение еще при Аббасе I, Абраам Кретаци замечает: «Как я слышал, из ханов, назначенных шахом Тахмаспом, осталось два-три хана; с остальными покончил великий хан [Надир]; этот (Мухаммед Кули-хан.— *М. А.* и *К. А.*) один из [оставшихся]»[73]. Однако на Муганском курултае Мухаммед Кули-хан был смещен со своей должности. Управление Ереваном Надир поручил бывшему правителю Герата — Пир Мухаммед-хану[74].

[69] Ibid., p. 76.
[70] Ibid., p. 77.
[71] Абраам Кретаци, *Патмутюн анцицн...*, стр. 121, 122.
[72] *«The life of Sheikh Mohammed Ali Hasin...»*, p. 204.
[73] Абраам Кретаци, *Патмутюн анцицн...*, стр. 28.
[74] Там же, стр. 57.

В 1737 г., в период осады иранским войском Кандагара, Надир казнил двенадцать знатных лиц. Среди них был «фераш-баши, то есть главный надзиратель над всеми шаховыми ставками и палатками, который при прежнем шахе тем же чином служил» [75].

Проводимая шахом политика укрепления своей власти нашла отражение в реформе государственного аппарата управления.

Еще будучи в Муганской степи, тотчас же после коронации, Надир-шах упразднил ряд высших должностей, в частности должность великого везира. Надир решил избавиться от такого влиятельного лица в государстве, каким был при дворе сефевидских шахов великий везир и в частности везир шаха Султан-Хусейна — Фатх Али-хан.

Управление всем финансовым ведомством государства было подчинено шаху. В то же время само управление было децентрализовано: государство разделено на четыре крупные области (вилайеты): Азербайджан (с подчинением ему Грузии, Армении и всех других владений на Кавказе), Ирак (персидский), Хорасан и Фарс. Во главе фиска каждой из названных административных единиц стояли мустоуфи ал-мамалики — Мирза Шафи, Мирза Бакир Хорасани, Мирза Али, Мирза Мухаммед Али Исфахани [76]. Позже, когда в государство Надира были насильственно включены северо-западные владения могольской Индии, он образовал новую область и назначил мустоуфи ал-мамалика «всех доходов и расходов вилайета Хиндустан» [77].

Ни одно из новых должностных лиц финансового ведомства не могло претендовать на то влияние и власть, которыми пользовались в государстве Сефевидов великий везир или мустоуфи ал-мамалик.

В государстве Надира мустоуфи ал-мамалик той или иной области контролировался шахом, глубоко вникавшим в детали управления финансами всего государства и отдельных областей.

За своевременный и полный сбор государственных

[75] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1738, д. 7, л. 286.
[76] Мухаммед Казим, *Тарих-и аламара-йи Надири*, т. II, л. 11.
[77] Там же.

налогов в каждом округе и области были ответственны их правители [78].

Центром фискального управления каждого округа был город. Как отмечает Абраам Кретаци, Надир, как и сефевидские шахи, назначал для заведования своими доходами трех чиновников — мирза-векиля, везира, мирсофи [79].

Для ограничения влияния областных правителей Надир-шах по примеру сефевидских шахов сам смещал и назначал в провинции чиновников, поэтому они не зависели от правителей областей и не были им подотчетны. Так, Абраам Кретаци говорит о нахичеванском хане, при котором был шахский векиль, уполномоченный по сбору налогов с этой области. В таком же положении были и правители городов — калантары [80].

Надир направлял в провинции чиновников особого назначения, обязанных следить за порядком. Например, Мухаммед Казим рассказывает о неком Али Мухаммед-беке, «который по приказу его величества состоял в Мерве соглядатаем и осведомителем» и был казнен за ложный донос на Шах-Кули-хана, правителя Мерва [81].

Кроме того, в некоторых случаях Надир-шах лишал правителя прав командования ополчением данной области. Военное дело передавалось сердару, назначаемому из приближенных шаха. Так, при правителе Фарса Таги-хане сердаром этой области был Тахмасп-хан джелаир. В 1743—1744 гг. в Кабуле одновременно находились правитель этой области Сеид-хан и сердар Хасан-хан [82].

Таким путем новый шах стремился укрепить государственный аппарат управления и прежде всего финансовое ведомство.

Система управления, сложившаяся при Сефевидах, не имела особого ведомства общественных работ, в функции которого входила бы забота об условиях воспроизводства. Этим занимались многие должностные лица, непосредственно ведавшие сбором налогов.

[78] Там же.
[79] Абраам Кретаци, Патмутюн анцици..., стр. 59.
[80] И. П. Петрушевский, *Очерки...*, стр. 119.
[81] Мухаммед Казим, *Тарих-и аламара-йи Надири*, т. II, л. 181.
[82] Мухаммед Казим, *Тарих-и аламара-йи Надири*, т. III, л. 105.

Например, в «Тазкират ал-мулюк» написано, что в обязанность везира ведомства фаиз-атхар входило «управление имениями и полями» земель домена, «охрана цветущего состояния садов, имущества, приносящего доходы». Везир этого ведомства должен был заботиться о процветании окрестностей Исфахана и росте продукции сельского хозяйства. Налоги со всех видов имущества шаха могли собираться лишь с разрешения везира и с предъявлением документа, заверенного его печатью [83].

Везир Исфахана обязан был, в частности, следить за тем, чтобы не оставалось невозделанных участков земли. Для этого он должен был поселять крестьян на этих землях. От него же крестьяне-арендаторы получали семена для сева и прочее, а затем после сбора урожая возвращали взятое сторицей [84].

Крестьяне-арендаторы в случае необходимости могли брать и денежные ссуды, которые затем возвращались с предъявлением специального документа с печатью везира [85]. Везиры подобного ведомства должны были следить также и за состоянием мельниц и подземных каналов [86].

Огромное значение для сельского хозяйства имело правильно налаженное орошение земель. При Сефевидах во главе водного хозяйства столицы стоял мираб, который назначал смотрителей ирригационных каналов, наблюдавших за чистотой каналов и ручейков. Мираб регулировал потребление воды из реки Зенде-руд во всем округе Исфахана, «согласно правам каждого места», следил также за тем, чтобы крестьяне одного места не использовали воды больше, чем им положено, в ущерб крестьянам другого места. В этом же смысле он должен был оберегать «бедных, ничтожных» от злоупотреблений «могущественных». Если между землевладельцами и крестьянами возникали споры из-за воды, то разрешал их мираб. Он принимал решения, которые одобрялись затем везиром, калантаром и мустоуфи [87]. «Но функции поддержания оросительных каналов и управления ими во

[83] «*Tadhkirat al-muluk*...», p. 78.
[84] Ibid., p. 79.
[85] Ibid., p. 81.
[86] Ibid.
[87] Ibid., p. 84.

времена Сефевидов государство в больших масштабах уже не выполняло; водное дело было децентрализовано, и проведение и поддержание каналов (арх) и подземных галерей для выхода подпочвенной воды наружу (кариз) находилось в большинстве случаев в руках землевладельцев или сельских общин» [88].

Организация и осуществление различных общественных работ (постройки дорог, крепостей, восстановление ирригационных сооружений и пр.) поручались правителям областей и военачальникам, которые сгоняли на место строительства окрестных крестьян и жителей городов, в том числе ремесленников, используя их бесплатный, подневольный или обесцененный труд. Так, восстановление плотины на реке Мургаб, орошавшей посевы Мерва, Надир поручил своему брату Ибрагим-хану, строительство дворцов, крепостей, казнохранилища и усыпальницы в Келате и Дербенте — правителю этих областей. Таким же способом были построены флот на Каспийском море и оружейные карханэ в Мерве.

* * *

Роль войска в государстве Надир-шаха была огромна.

Используя войско, шахская власть боролась против крестьянских и городских восстаний и освободительных движений покоренных народов, а также подавляла мятежи феодалов и укрепляла свою власть.

Наконец, и своим положением Надир был обязан войску, с помощью которого он вышел победителем из междоусобиц хорасанских феодальных группировок, а затем узурпировал власть.

Естественно, что Надир-шах всеми мерами укреплял и повышал боеспособность своего войска и, главное, старался сохранить его поддержку.

Если народные массы в первый период его деятельности видели в Надире организатора освободительных войн против афганцев и турок и потому присоединялись к нему, то воины относились к своему командиру прежде всего как к удачливому военачальнику, поддержка которого сулила им славу и богатство.

[88] И. П. Петрушевский, *Очерки*..., стр. 120.

Щедро раздавая военную добычу и лично руководя войском, Надир уже к началу 30-х годов снискал широкую популярность среди своих воинов.

С. Решетов пишет, что уже после первых успехов Надир завоевал любовь своих воинов. Слух о его победах «зделал в людях такую перемену, что те же воины, которые сперва преслушались и не хотели идти освободить столичнаго города Испагани от осады, разсеясь по всему государству, начали тут, как бы великий источник, отовсюду стекаться, так что армия шахова в краткое время столь знатно умножилась, что в состоянии была исполнять все, что бы предпринято ни было»[89].

Войско в период правления Надир-шаха, как и при Сефевидах, состояло из двух основных частей — постоянного (или регулярного) и ополчений племен, численность которых определялась надобностью.

Служба в войске, так называемый «налог кровью», была обязанностью главным образом кочевого населения. Вожди племен должны были выставлять определенное число воинов.

Хотя кошун, или хошун (ополчение племенного объединения кочевников[90]), и был формально дополнительным родом войска, однако именно он, а не регулярное войско, являлся решающей силой. Последнее, насчитывая всего несколько десятков тысяч человек, было совершенно недостаточно для осуществления широких завоевательных планов правящей верхушки и для сохранения власти в ее руках в условиях резкого обострения классовых противоречий. Это делало необходимым широкое вовлечение в войско ополчений кочевых и полукочевых племен с их вождями в качестве военачальников.

Отличительной, новой чертой данного периода по сравнению со временем правления Сефевидов было широкое привлечение ра'ийятов к военной службе. Так, в реляции от 17 мая 1738 г. И. Калушкин писал, что Надир-шах, находясь в лагере под Кандагаром, дал приказ Али Кули-хану «набрать из крестьян и аульных людей, и в самой скорости восемь тысяч и отправить в начале апреля в ... город Келат для охранения от озбецких набе-

[89] [С. Решетов] *«История о персидском шахе...»*, стр. 35—36.
[90] И. П. Петрушевский, *Очерки...*, стр. 101.

гов»[91]. Там же сообщается, что «Магомет Гусейн-хан, командир города Астары... набрав из крестьян же сперва до 6 тыс. ходил на ургенжинцев». Потеряв в сражении до 4 тыс. человек, этот военачальник сделал новый набор «всякого чина людей из крестьян»[92].

5 мая 1738 г. И. Калушкин писал, что военачальник Таги-хан произвел добавочный набор: «...три тысячи набрал с крайним изнурением из крестьян Бендер Аббасской провинции»[93].

В государстве Надир-шаха в конце 30—40-х годов из-за непрерывных восстаний кочевников и феодальных мятежей шахская власть испытывала серьезные затруднения в наборе войска и главным образом в сборе племенных ополчений. Именно эти обстоятельства диктовали Надиру относительно широкое вовлечение в войско крестьянского населения.

Трудно сказать что-нибудь определенное о численности войска Надир-шаха. Однако несомненно, что хотя число воинов, находившихся под ружьем, колебалось, тем не менее оно оставалось более или менее постоянным в течение всего правления Надира. Данные об этом, приводимые в источниках, крайне разноречивы.

Ханвей утверждает, что войско состояло из 200 тыс. человек[94].

Во время военных действий под Шемахой (1735) в войске Надира, по словам одного из его современников, насчитывалось 90 тыс. человек[95].

По данным Мухаммеда Казима, войско, собранное Надиром в период подготовки к войне с Турцией (1743), равнялось 375 тыс. человек[96]. Однако, как отмечает И. П. Петрушевский, нельзя доверять точности сообщаемых историком цифр[97], которые, по-видимому, сильно преувеличены.

Наиболее достоверны показания русских дипломатических представителей в Иране.

[91] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1738, д. 7, л. 266.
[92] Там же.
[93] Там же, л. 436.
[94] J. Hanway, *An historical account...*, vol. I, p. 170.
[95] [С. Решетов] *«История о персидском шахе...»*, стр. 163.
[96] Мухаммед Казим, *Тарих-и аламара-йи Надири*, т. III, л. 6.
[97] И. П. Петрушевский, *Очерки...*, стр. 292.

По сведениям И. Калушкина, в 30-х и начале 40-х годов XVIII в. в состав войска Надир-шаха входило более 50—80 тыс. человек [98]. В 1744 г. В. Братищев определял численность войск при шахе и в провинциях, включая наемные отряды узбеков и афганцев, в 82 169 человек [99].

По данным Ханвея, во всем постоянном войске насчитывалось 40 700 человек (без учета 40 тыс. воинов, составлявших так называемый кара-кошун). Важную роль в нем играл десятитысячный конный корпус гулямов [100].

Двенадцатитысячный корпус джезаирчи (или туфенгчи) представлял привилегированную тяжелую пехоту. Джезаирчи были хорошо одеты и обучались шахом, так что, по словам Ханвея, «они приносили большую пользу, которой до него нельзя было ждать от персидских пехотинцев» [101]. Они были вооружены тяжелыми мушкетами (каждый весом 18 *кг* и более). Мушкеты имели широкие жерла, были украшены золотом и серебром [102]. Во время приемов, устраиваемых Надиром знати в Муганской степи, 3 тыс. джезаирчи всегда окружали шаха в один, два или три ряда. Джезаирчи стояли близко друг к другу, опираясь на свои тяжелые мушкеты, как на часах; «видевший [их] приходил в ужас»,— добавляет Абраам Кретаци [103].

В постоянном войске Надира имелся отряд стражников (хамаша-кешикчи). По определению Ханвея, их было 4 тыс. человек, а по утверждению Абраама Кретаци,— 6 тыс. Они носили белые тюрбаны, обмотанные поверх шапки, и были вооружены саблями или саблями и пиками [104]; Абраам Кретаци отмечает, что их оружием были простые мушкеты [105]. 6 тыс. стражников день и ночь несли сторожевую службу в лагере, в частности по 10 человек около покоев Надира. Нередко шах в ночное

[98] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1736, д. 8, л. 415; 1737, д. 7, л. 368, 369; 1741, д. 7, л. 393.
[99] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1744, д. 3, л. 444.
[100] J. Hanway, *An historical account...*, vol. I, p. 170.
[101] Ibid., p. 171.
[102] Ibid.
[103] Абраам Кретаци, *Патмутюн анцицн...*, стр. 43—46.
[104] J. Hanway, *An historical account...*, vol. I, p. 170; Абраам Кретаци, *Патмутюн анцицн...*, стр. 44.
[105] Абраам Кретаци, *Патмутюн анцицн...*, стр. 45.

время сам проверял караул, и если находил всех десятерых дремлющими, тотчас приказывал их казнить [106]. Стражник получал 250 туманов жалованья в год [107].

При войске Надира имелось 500 глашатаев (чарчи), 200 бегунов (шатиров), 1 тыс. знаменосцев (риках). Ханвей называет 250 насакчи, которые «получали высокое жалование и имели большую власть» [108]. Абраам Кретаци определяет их число в 300 человек [109]. У них был свой глава — насакчи-баши, в должности которого во время Муганского курултая был Абдул Хасан-бек [110]. В обязанности насакчи входило наказание преступников, а также расправа с ворами, пробравшимися в лагерь [111]. Во время боя насакчи следили за воинами и не допускали их бегства. Того, кто пытался бежать, насакчи убивали [112].

Триста джантавулов охраняли подступы к лагерю, дороги, горные проходы и пр. Они же приводили в исполнение и смертные приговоры [113].

В регулярной армии Надира, как и в сефевидской армии, были бег-задеганы (2 тыс. человек) и ришсефид-задеганы (1 тыс. человек) — сыновья и родственники ханов и других представителей племенной знати. Многие из них охраняли шахскую казну в Келате [114].

Большую роль в военных операциях войска Надира играла артиллерия, решавшая исход ряда сражений. Так, крепость Ханках на подступах к Хиве после трехдневной бомбардировки была превращена в развалины [115].

Точных данных о численности артиллерии Надира у нас нет. Однако показательны некоторые частные сведения.

Как передает Мухаммед Казим, Надир-шах, узнав о намерении «падишаха Китая» якобы начать войну, дал

[106] Там же, стр. 72.
[107] J. Hanway, *An historical account...*, vol. I, p. 171.
[108] Ibid.
[109] Абраам Кретаци, *Патмутюн анцицн...*, стр. 73.
[110] Там же, стр. 29.
[111] J. Hanway, *An historical account...*, vol. I, p. 171.
[112] Абраам Кретаци, *Патмутюн анцицн...*, стр. 44.
[113] Там же.— О джантавулах Ханвей ничего не говорит.
[114] J. Hanway, *An historical account...*, vol. I, p. 170.
[115] Мехди-хан, *Тарих-и Надири*, стр. 222.

распоряжение о подготовке военного похода. В различные округа Хорасана были посланы специальные сборщики для того, чтобы доставить в Мерв 3 тыс. харваров чугуна на изготовление пушечных ядер, 200 харваров меди и олова для литья пушек и мортир. Правитель и заведующий финансами Хорасана Хаджи Сейфаддин-хан байят в течение трех месяцев с помощью населения организовал доставку всего этого в Мерв. Так как в окрестностях Мерва не было угля фисташкового дерева, его привезли сюда жители из районов Бала-Мургаба и Меручака [116]. В то же время Надир срочно отправил в Мерв своих приближенных Али Дост-бека и Инаятулла-бека Лялеви с несколькими мастерами-специалистами по литью пушек и ядер. Они должны были изготовить в Мерве 70 пушек и мортир и 14 тыс. ядер. Командующий артиллерией приказал находившимся в Мерве 300 артиллеристам ежедневно упражняться за пределами города в стрельбе из пушек и мортир. Несколько минеров из Герата получили распоряжение ежедневно производить учебные подкопы и подрывные работы; совместно с ними должны были обучаться и усовершенствоваться в этом подкопщики Мерва.

Кроме того, правителям Астерабада и некоторых других близлежащих к Мерву областей было приказано приготовить 20 тыс. мортирных ядер весом в 30 и 40 манов; в других округах Хорасана должно было быть запасено 3 тыс. харваров пороха. Такие же распоряжения получили правители Азербайджана, Ирака (персидского) и Фарса [117].

По окончании ирано-турецкой войны (1743—1746) Надир приказал подвести из Хорасана в Мерв, усиленно укреплявшийся шахом как военная база для намечавшихся новых грабительских войн, еще 50 пушек и 20 тыс. пушечных ядер.

Мухаммед Казим, ведавший в то время в Мерве «делами артиллерийских арсеналов и орудийных складов», замечает, что, кроме вновь изготовленных пушек и мор-

[116] Уголь фисташкового дерева применялся для плавки руды; Бала-Мургаб и Меручак, т. е. Бадгис (Мухаммед Казим, *Тарих-и аламара-йи Надири*, т. III, л. 25).
[117] Мухаммед Казим, *Тарих-и аламара-йи Надири*, т. III, л. 25.

тир, в Мерве находилась также артиллерия, привезенная из индийского похода и оставленная здесь после возвращения Надира из Туркестана (1740). В арсенале Мерва находилось тогда 400 харваров свинца и пороха и соответствующее количество других припасов. Здесь из хорасанского чугуна отливались ядра; мортирные ядра весом 30 манов и стоимостью 14 туманов 5 тыс. дирхемов были полностью изготовлены. Ядер весом 30, 25 и 40 манов было в Мерве 10 тыс., не считая старых пушечных и мортирных ядер, «счесть которые,— по словам историка,— было совершенно невозможно» [118]. Любопытные детали об артиллерии Надир-шаха содержатся в донесении И. Калушкина от 18 апреля 1741 г. В Тегеран прибыла «шахова артиллерия, при которой пушкари большая часть индейцев, а имянно пушек ломовых двадцать, средних двадцать две, полковых российских взятых в Хиве четыре, мортир восемнадцать. Да при каждой пушке и при мортире за оскудением подвод по одной большей янычenке имеется, которые, особливо утвердя, всякую на роспусках возят на двух мулах, запрягая один впереди, а другой назади, всего пушек, мортир и янычeнок 120 штук» [119].

У постоянного войска Надира не было особой формы одежды. Правда, отдельные подразделения имели отличительные знаки в виде пера на головном уборе, особого тюрбана и пр.

Наиболее универсальной и, по-видимому, обязательной для всех воинов постоянного войска была форма шапки, которая называлась «тахмази» и была введена Надиром еще до Муганского курултая. Судя по названию, она была связана со службой Надира при шахе Тахмаспе Сефевиде.

Как известно, красная шапка с двенадцатью полосками, символизировавшая приверженность двенадцати шиитским имамам, была неотъемлемой принадлежностью кызылбашей (т. е. семи кызылбашских племен). Естественно, что упразднению этого головного убора и введению нового придавался особый политический смысл.

[118] Там же.
[119] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1741, д. 7, л. 103.

Шапки «тахмази» были одинаковой формы: квадратные с крестообразным верхом. Такую шапку имели все воины Надира. Одни повязывали поверх нее тюрбан из белой ткани, другие носили на ней перо. У Надира была такая же шапка, повязанная тонкой белой шерстяной тканью, концы которой свисали у ушей [120].

Абраам Кретаци перечисляет оружие, составлявшее вооружение воина: щит, кольчуга, сабля, лук, мушкет (туфенг) и т. д.[121].

5 мая 1742 г. В. Братищев сообщал, что в шахский лагерь под Дербентом прибыл Али Кули-хан во главе значительного отряда воинов, большей частью узбеков и афганцев: «...узбеки при себе оружие не имеют, но при саблях и с дротиками, а иные без копей с простыми жердями» [122].

23 июня 1744 г. В. Братищев снова писал о войске Надира в целом: «Между всеми оными военными персиянами не малая часть пехоты находится, понеже иныя в вооруженных потребностях, ружьях, саблях и копьях весьма неисправны суть» [123].

У некоторых воинов Надира были копья. Так, Бехбуд-хан, стоявший во главе карательного войска, направленного на подавление мятежа Мухаммед Хасан-хана каджара (1744), в единоборстве с последним имел при себе копье и саблю [124]. В одной из стычек туркменские отряды в Бухарском ханстве, не выдержав напора войск Надира и «града пуль, метательных копий и артиллерийских снарядов», обратились в бегство [125].

Надир в отличие от последних сефевидских шахов уделял большое внимание обучению воинов.

Так, еще в 1729—1730 гг. он устроил смотр племенам, переселенным в Хорасан из Фарса, Ирака (персидского), Азербайджана. «Некоторых молодых людей с именем он, как это заведено обычаем, причислил к своей гвардии. Для обучения же военному искусству Надир

[120] Абраам Кретаци, *Патмутюн анцицн...*, стр. 57, 69, 70.
[121] Там же, стр. 62.
[122] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1742, д. 5, ч. I, л. 43.
[123] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1744, д. 3, л. 44.
[124] Мухаммед Казим, *Тарих-и аламара-йи Надири*, т. III, л. 75.
[125] Там же, л. 206.

приставил к ним учителей, искусных во всех делах, касающихся всадника» [126].

В реляции от 12 ноября 1737 г. И. Калушкин сообщал, что в Исфахан из лагеря Надира прибыло 10 есаулов с требованием «здесь в Испогани и во всей провинции набрать тысячу человек изо всякого чину молодых видных и достойных к службе, которые бы в большей части из сродства и поколения календарей [127] и протчих нарочных людей были; и оных платьем, ружьем и лошадьми снабдить и вручить тем есаулам к обучению военного порядка, которые имеют оных в такое состояние привесть, дабы они с протчими служащими сообщатца не могли, и содержать их в готовности, когда его величеству угодно будет к себе потребовать» [128].

Дисциплина в войске поддерживалась не только поощрениями, наградами, но и крутыми мерами. Надир подавлял всякое проявление своеволия и недисциплинированности, жестоко наказывал ослушников.

В 1729/1730 г. во время одного из походов из конницы Надира дезертировал отряд туркменского племени гоклен. «Это племя,— замечает Мехди-хан,— благодаря своему своеволию, никогда не клонило шеи к повиновению правилам дисциплины и перенесению трудностей походов... хотя присутствие или отсутствие этого племени при многочисленности войска и было ничтожным делом, однако (так как небрежность в мелочах становится причиной гибели целого) Надир, придавая большое значение их поступку, для поимки дезертиров отправил вместе с полком одного каджара по имени Туфан». Возвращенные гоклены были жестоко наказаны [129].

Когда войско Надир-шаха возвращалось из похода в Дагестан и разбило лагерь на реке Куре, из его состава дезертировало 700 человек, намеревавшихся бежать в горы. Хитростью Надир добился их возвращения, после чего большую часть дезертиров ослепил, а около 200 человек обезглавил.

[126] «Материалы по истории туркмен...», т. II, стр. 133.
[127] «Календарей», правильно — «калантаров», старшин, принадлежавших к племенной знати.
[128] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1737, д. 17, л. 489.
[129] «Материалы по истории туркмен...», т. II, стр. 131.

Строго карая воинов за проступки, Надир в то же время умел проявить гибкость в те моменты, когда это было необходимо. Так, во время одной из турецких кампаний (1731—1735) его войско потерпело страшное поражение в битве под Багдадом. Воины были деморализованы и боялись гнева Надира. Но он не только не наказал их, а, напротив, похвалил за храбрость, заверил, что они были героями. В следующем кровопролитном сражении Надир личным примером воодушевлял войско, приводил свежие отряды туда, где силы ослабевали. Сражение окончилось разгромом турецкого войска и гибелью известного турецкого военачальника Топал Османа [130].

В источниках содержатся конкретные сведения о суммах жалованья военачальников [131]. Военачальники первого ранга (сердары и серкарде) получали в год примерно от 1200 до 500 туманов, военачальники второго ранга (серхейли и мимбаши) — 300—100 туманов; юзбаши, пенджах-баши и дех-баши — 60—30 туманов [132].
О получении войском денежного жалованья свидетельствует и Ханвей [133].

При изучении источников и литературы, относящихся к данному периоду, был зафиксирован единственный факт выдачи воинам земельного пожалования на правах тиула (это было в 1738 г. в Кандагаре, где 6 тыс. кульба земли, населенной крестьянами-таджиками, были отданы в тиул афганским воинам) [134]. Случаи раздачи хамэ-салэ и получения денежного жалованья встречаются в источниках чаще [135].

---

[130] [С. Решетов] *«История о персидском шахе...»*, стр. 131, 141, 143, 154.

[131] При Сефевидах войско получало часть жалованья земельными наделами, часть деньгами.

[132] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1740, д. 6, л. 73.

[133] J. Hanway, *An historical account...*, vol. I, p. 170.

[134] محمد غبار احمد شاه، بابای افغان، کابل، ١٩٤٤، ص. ١١٨ (далее — М. Гобар, *Ахмед-шах...*). Цит. по ст.: И. М. Рейснер, *К вопросу о складывании афганской нации* («Вопросы истории», № 7, 1949 г.). Кульба — участок, который можно обработать за день плугом.

[135] Мехди-хан, *Тарих-и Надири*, стр. 24, 25; Мухаммед Казим, *Тарих-и аламара-йи Надири*, т. III, л. 175, 176; АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1739, д. 5, л. 248; 1740, д. 6, л. 73.

В 40-х годах XVIII в. войско Надир-шаха было деморализовано поражениями в Дагестане (1741—1743).
Недовольство племенной знати и рядовой массы племенного населения ухудшением своего экономического положения в связи с внешней и внутренней политикой Надира привело к падению боеспособности и дисциплины. Войско из послушного орудия шахской власти превращалось в элемент, подрывающий ее.

• • •

Писавшие о Надир-шахе современники свидетельствуют о его откровенном равнодушии к религии. Придворный лекарь Базен замечает, что установить, какого вероисповедания был шах, дело весьма трудное; люди, близко соприкасавшиеся с ним, утверждали, что он был нерелигиозным человеком [136]. По свидетельству Ханвея, Надир был одинаково равнодушен к обоим толкам ислама [137]. Этот же автор приписывает шаху якобы высказанное им желание создать из мусульманства и христианства новую религию «лучшую из всех, которую когда-либо исповедовали люди» [138].

В донесении от 31 мая 1741 г. русский резидент И. Калушкин сообщал, что 28 мая Надир позвал к себе армянских архиереев, католических епископов, мулл, раввинов, которые переводили по его приказу евангелие, деяния апостолов, талмуд. Когда переводы были прочитаны, Надир сказал, что епископы, муллы и другие лица совершили богоугодное дело, за что они будут награждены. Затем шах добавил, что всевышний даровал ему величие, власть и славу и «в сердце наше вселил рассмотреть разность столь многих законов, и изо всех оных выбрав зделать новую веру, такую, чтоб она богу угодна была и мы бы от того спасение имели, ибо для чего столько в свете находится разных законов, один от другова отменяют и всякий своею дорогою идет, а не одною, понеже бог единый есть да и закону одному быть надлежит» [139]. Слушая переводы на персидский язык

---

[136] *«Lettres édifiantes...»*, p. 318.

[137] J. Hanway, *An historical account...*, vol. II, p. 404.

[138] Ibid.

[139] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1741, д. 7, л. 177, 178.

Библии и Корана, Надир одинаково посмеивался и над иудейскими пророками, и над Мухаммедом и Али[140]. Он публично заявлял, что сам себя почитает не меньше, чем пророка или Али, которые стали великими, потому что были хорошими воинами, и, наконец, утверждал, что он тоже оружием достиг такой славы, которой обладали они[141].

Как уже упоминалось, в 1736 г. на Муганском курултае Надир предъявил собравшимся три условия, после принятия которых обещал вступить на престол. В третьем условии было сказано, что причина кровопролитных войн между мусульманами, в частности между Ираном и Турцией, заключалась в религиозной розни. Во избежание дальнейших раздоров и кровопролитий Надир предлагал своим подданным — шиитам отказаться от «ереси», введенной шахом Исмаилом I Сефевидом (1502—1524), и стать приверженцами мазхаба имама Джафара Садыка[142]. Был издан шахский «Приказ об объединении обоих толков (ислама), суннитского и шиитского, существование которых сеет рознь между персами и турками». В приказе указывалось, что уклоняющегося от исполнения этого закона ждет «немилось шахан-шаха»[143].

В том же году И. Калушкин сообщал, что на Муганском курултае Надир потребовал от своих подчиненных, «дабы праздество на память Муртузалея (Муртаза-Али) во всем государстве оставить и турецкую веру не проклинать; которое предложение весь народ в великую печаль и в несносные суеты приводит, однако по всему видимому принуждены будут оные пункты утвердить»[144].

В то же время через турецкого посла, присутствовавшего на курултае, султана ставили в известность о вступлении на престол Надир Кули-хана и отречении персов от шиизма. Послы Надира, отправленные в Стамбул, получили приказ подписать договор с Турцией при следующих условиях: мазхаб Джафара Садыка, последова-

[140] J. Hanway, *An historical account*..., vol. II, p. 403.
[141] *«Lettres édifiantes...»*, p. 318.
[142] Мехди-хан, *Тарих-и Надири*, стр. 168; Абраам Кретаци, *Патмутюн анцицн*..., стр. 51.
[143] J. Hanway, *An historical account*..., vol. II, p. 343, 344.
[144] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1736, д. 8, л. 74.

телями которого становятся шиитские подданные шаха, должен быть признан султаном пятым суннитским мазхабом; в Каабе будет установлен пятый столп для приверженцев мазхаба Джафара; сопровождать персидских паломников в Мекку должен эмир-уль-хадж. В инструкции о заключении договора говорилось о необходимости произвести обмен пленными и назначить при иранском и турецком дворах постоянного представителя от каждой договаривающейся стороны[145].

Проведение Надир-шахом религиозной реформы должно было содействовать его завоевательной внешней политике.

Во время переговоров в Стамбуле между представителями шаха и султана без особого труда было достигнуто соглашение по трем последним условиям, выставленным Надиром. Два первых пункта вызвали большую дискуссию, в которой с персидской стороны участвовали молла-баши Али Акбар и садр Мирза Абуль-Касим Кашани; с турецкой стороны — главный кадий Анатолии, бывший кадий Стамбула и другие виднейшие богословы. В результате диспута требования Надира были отклонены.

28 сентября 1736 г. договор между представителями Надира и турецкого султана все же был подписан и Надир официально был признан шахом Ирана[146].

Турецкое посольство оставило Стамбул в конце сентября 1736 г., но лишь в мае 1738 г. достигло Надирабада[147], где в то время находились лагерь и двор шаха. Турецкий посол вручил Надиру письмо султана, в котором последний извинялся, что не может принять предложений Надира, касающихся вопросов религии. В ответ Надир просил передать султану, что первые два требования являлись основными, а потому нельзя считать переговоры завершенными[148]. Договор не был ратифицирован.

В течение четырех последующих лет Надир посылал к турецкому двору своих представителей, поручая

[145] Мехди-хан, *Тарих-и Надири*, стр. 168, 169.
[146] J. Hammer, *Histoire*..., vol. XIV, p. 348.
[147] Лагерь шахского войска под Кандагаром, разросшийся в течение многих месяцев осады Кандагара в военный городок, получил название Надирабада.
[148] Мехди-хан, *Тарих-и Надири*, стр. 189.

им добиться принятия султаном этих требований. Но султан неизменно отвечал письмами, в которых он приносил свои извинения по поводу отказа. В ответ на одно из них Надир заявил, что его главной целью является укрепление дружбы с Турцией, для чего он и требует от султана признания мазхаба джафари в качестве пятого мазхаба сунны, в то время как турецкий двор, отвергая его требования, обрекает обе страны на вечную вражду. В заключение Надир сообщал, что для разрешения этого вопроса ему самому придется направиться в Турцию вместе со своим войском.

В 1742 г., во время похода Надир-шаха в Дагестан, до него постоянно доходили вести о лихорадочной подготовке Турции к войне. Фетва турецкого шейх-уль-ислама объявляла верования персов противными исламу, а потому пролитие их крови — дозволенным и богоугодным деянием. Собрание улемов всего государства под главенством молла-баши Али-Акбара подтвердило фетву 1736 г. относительно учреждения мазхаба джафари и обязательного отречения всех персов от «шиитской ереси», введенной шахом Исмаилом Сефевидом [149].

В реляции от 22 апреля 1742 г. из Дербента В. Братищев сообщал, что Надир-шах издал указ о принятии всеми шиитами суннизма. Текст указа В. Братищеву достать не удалось, поэтому он в своем донесении лишь излагал его содержание. По словам резидента, в указе говорилось, что «ссоры, вражды, ненависть, кровопролитие ничего иного как от распора законов происходят, на что неверные издалека смотря радуются» и что, так как при пророке Мухаммеде не было других толков, кроме суннизма, то «здравое рассуждение требует отстоящие распри в некоторых артикулах между персицкими уставами в конец прекратить» [150].

В ответ на очередной отказ султана принять требования Надира в отношении религии шах просил известить турецкий двор о предстоящем наступлении его войска. Зимой 1743 г. Надир оставил дагестанские горы, а летом начал военные действия.

---

[149] Там же, стр. 232, 233.

[150] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1742, д. 5, ч. I, л. 24.

Как видно из изложенного материала, религиозные требования, предъявленные Надиром султану, и отказы последнего возводились обоими государями в благовидную причину для открытия военных действий. Надир-шах, лицемерно выставляя себя поборником дружбы между мусульманскими странами, на деле лишь провоцировал кровопролитные и разорительные войны.

Однако в конце 1743 г., т. е. менее чем через полгода после начала военных действий между Надиром и Турцией, шах поступился одним из своих требований. У Мехди-хана приводится текст окончательного решения религиозного диспута, устроенного Надиром в Неджефе в декабре 1743 г. Этот документ содержит повторение принципов, провозглашенных на Муганском курултае. Но здесь упоминается только первый пункт, отвергавшийся султаном, — требование признания мазхаба джафари пятым суннитским мазхабом, и ничего не говорится о сооружении в Мекке пятого столпа (предполагалось, что джафариты должны были иметь один общий столп с шафиитами). Подобную уступчивость Надир-шаха следует объяснить напряженной внутренней обстановкой в его государстве. Заключение перемирия с турками было необходимо Надир-шаху для подавления многочисленных и серьезных крестьянских восстаний и мятежей феодалов.

В 1744 г. военные действия против Турции возобновились и продолжались вплоть до лета 1746 г. В этот период перевес был на стороне турок. Хотя войско Надир-шаха и одержало ряд побед, однако для расправы с народными движениями и мятежами феодалов было необходимо иметь свободные руки; страшная разруха, царившая в стране, и разложение войска также требовали немедленного прекращения войны с Турцией.

В предисловии к договору, заключенному 4 сентября 1746 г., граница между обоими государствами определялась на основе договора 1639 г. Договор насчитывал три пункта: согласно первому, турецкие власти обязывались разрешить свободный проход персидских паломников в Мекку через Багдад или Сирию и оказывать им в дороге покровительство; в соответствии со вторым пунктом должен был произойти обмен дипломатическими представителями; по третьему — пленными. В приложении к дого-

вору говорилось о правах паломников, освобождении их от налогов и пр. Турецкий посол, уполномоченный подписать договор, вместе с текстом доставил султану письмо от Надира. В нем шах упоминал о «ереси», введенной шахом Исмаилом I, и противоречиях, возникших из-за этого между султанской Турцией и государством Сефевидов. Затем он ставил султана в известность, что не настаивает на признании им мазхаба джафари в качестве пятого суннитского мазхаба.

Тем самым Надир фактически отказывался от проведения активной внешней политики.

Объявление суннизма государственной религией и стремление зарекомендовать себя в качестве ревностного поборника дружбы между подданными шаха и султана должно было, по расчетам Надира, привлечь к нему религиозные симпатии турок-суннитов и внести моральное разложение в ряды его противников. Современники этих событий свидетельствуют, что неоднократные приказы Надир-шаха об обязательном отречении всех его подданных от шиизма вызвали при турецком дворе страх и тревогу, так как там еще хорошо помнили дипломатический трюк Ашрафа афганского [151].

Как отмечает Ханвей, Надир надеялся, что в конце концов он объединит Иран и Оттоманскую империю. Реформа религии, считал шах, могла способствовать осуществлению его честолюбивых замыслов [152]. Подобная религиозная политика, по мнению другого современника Надир-шаха, «могла дать ему пользу в его будущих планах относительно своих соседей, которые были той же религии, которую он учреждал в Иране» [153].

В результате многочисленных завоевательных войн Надир создал огромную державу. Он прекрасно сознавал, что для упрочения своей власти и укрепления государства необходима более тесная, органическая связь между отдельными странами и народами, насильственно включенными в состав этого государства. Однако объединение племен и народностей на одной лишь религиозной основе (даже в случае последовательного проведения религиозной реформы Надира) путем насильственного обращения всех подданных в одну религию было невозможно, ибо все они стояли на различных ступенях развития и не были связаны друг с другом общностью экономических и политических интересов. Поэтому планы Надир-шаха были не только неосуществимы, но и глубоко реакционны.

Кроме того, Надир-шах при проведении религиозной реформы преследовал еще и другую цель. При Сефевидах шиизм, как известно, стал государственной религией. Мусульманская традиция связывает происхождение Сефевидов с пророком Мухаммедом по алидской линии; шиизм, таким образом, как бы освещал правление дома Сефевидов в глазах мусульман-шиитов. Ханвей замечает, что, лишив престола представителей царствовавшего в Иране в течение более чем двух веков рода, «в основу нового правящего дома он (Надир. —*М. А.* и *К. А.*) хотел положить новую религию» [154]. Фрэзер отмечает, что Надир-шах при помощи религиозной политики стремился закрепить престол за своими наследниками [155]. Соответствующая религиозная реформа проводилась Надиром, «дабы Алиевых последователей обессилить, ибо они крайне сожалели о погашении Софийского колена», — отмечает другой современник описываемых событий [156].

Таким образом, религиозная реформа была направлена не только на искоренение авторитета Сефевидов и укрепление в Иране династии Афшаров, но также и на ослабление влияния высшего шиитского духовенства.

В донесении от 10 марта 1746 г. русский дипломатический представитель сообщал, что Надир налегке в сопровождении 1 тыс. воинов двинулся в Керман, откуда направится в Келат и затем в Мешхед, где, по имевшимся сведениям, хотел отпраздновать Ноуруз (новый год).

---

[151] В 1726 г. во время афгано-турецкой войны Ашраф послал к паше Багдада своих шейхов, которые заявили паше: «Ашраф удивлен тем, что вы заключаете союз с христианами и воюете с теми, которые являются вашими единоверцами и которые сокрушили трон шиитов». Воины, присутствовавшие при этой беседе, по словам Ханвея, прониклись симпатией к Ашрафу, в результате чего Ашраф одержал ряд побед над турками (J. Hanway, *An historical account...*, vol. II, p. 250).

[152] Ibid., p. 341.

[153] James Fraser, *The history of Nadir shah...*, p. 127.

[154] J. Hanway, *An historical account...*, p. 403.

[155] James Fraser, *The history of Nadir shah...*, p. 127.

[156] [С. Решетов] *«История о персидском шахе...»*, стр 189.

«Его величество желание имеет у лежащего и в прах и в пепел давно сгнившего в помянутом Мешеде Персицкого законника богомерского Имам Резы, саблею против турок препоясаться, будто бы он Реза подаст свое шаху на неприятелей вспоможение и оборону за закон; яко уже его величество не видит никакой склонности от оттоманской Порты на представленное свое о соединении оных мухаметанских сект, принял поневоле лицемерное благоговение и ревность от персицкой шеитской религии» [157].

Таким образом, отказ Надира от проведения религиозной реформы, направленной на расширение политических основ власти и осуществление завоевательных планов, свидетельствует о полном провале этой политики.

[157] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1746, д. 7, л. 77.

ГЛАВА V

НАРОДНЫЕ ДВИЖЕНИЯ В ГОСУДАРСТВЕ НАДИР-ШАХА В 30—40-х ГОДАХ XVIII В.

ДВИЖЕНИЯ КРЕСТЬЯН И КОЧЕВНИКОВ В РАЗЛИЧНЫХ ОБЛАСТЯХ ИРАНА ПРОТИВ УСИЛЕНИЯ ФЕОДАЛЬНОЙ ЭКСПЛУАТАЦИИ

В 30—40-х годах XVIII в. борьба народных масс Ирана против усиления феодальной эксплуатации проявлялась в самых разнообразных формах: в массовом уходе населения с мест жительства, отказе от уплаты налогов и выполнения повинностей, народных волнениях, возникавших в различных областях страны и нередко перераставших в крупные восстания.

Изложение происходивших событий приводится в хронологической последовательности, чтобы показать и объяснить развитие и усиление борьбы народных масс в связи с непрерывным ростом феодальной эксплуатации.

Массовый уход населения с мест жительства как форма борьбы против усиления феодальной эксплуатации происходил и в другие, более ранние периоды истории Ирана; с 30-х годов XVIII в. эта форма борьбы получила весьма широкое распространение.

В персидских, русских и западноевропейских источниках имеются данные о том, что обремененное непосильными налогами, обнищавшее и разоренное оседлое и кочевое население страны, покинув свои жилища, уходило за границу, примыкало к восставшим в других областях

страны, скрывалось в горах, пополняло разбойничьи шайки. Известны факты, когда в связи с взысканием высоких податей и непрерывными наборами в войско илъяты покидали свои кочевья.

Мухаммед Казим пишет, что в 1146 г. х. (1734) из Хувейзе ушла значительная часть населения, которая скрывалась в горных пещерах и «других потайных местах»[1]. По его же свидетельству, в 1150 г. х. (1737—1738) Мервская область была разорена и опустошена, «как сердце заключенных в тюрьме»[2]. Там не было ни домов, ни людей.

Часто население, покинувшее места жительства и кочевья, объединялось с восставшим оседлым населением других областей страны[3].

По свидетельству русских дипломатических представителей, многие города и селения Ирана опустели. Так, резидент Калушкин сообщал из Исфахана, что в конце 30-х годов многие деревни Исфаханской области были пусты, «где токмо один скот и тот без всякого призрения ходит по полям без корму»[4].

Чтобы воспрепятствовать уходу населения из городов и селений, Надир-шах в 1740 г. издал специальный указ, по которому военачальникам областей было вменено в обязанность возвращать беглых на прежние места жительства[5]. Однако подобные меры не достигали цели. Уход населения в 40-е годы не только продолжался, но даже увеличился.

Другая, более активная форма борьбы против усиления феодальной эксплуатации заключалась в *массовом отказе от уплаты налогов и выполнения повинностей.*

По утверждению Калушкина, в 30-х годах эта форма борьбы широко распространилась. Так, в Исфаханской области большинство сборщиков налогов, несмотря на обычно применяемые ими жестокие меры, как правило,

[1] Мухаммед Казим, *Тарих-и аламара-йи Надири*, т. I, стр. 259.
[2] Мухаммед Казим, *Тарих-и аламара-йи Надири*, т. II, л. 127—128.
[3] Мухаммед Казим, *Тарих-и аламара-йи Надири*, т. I, л. 259.
[4] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1740, д. 6, л. 50.
[5] Там же. — В источнике, к сожалению, приводится лишь упоминание об этом указе.

«празднo в Исфаган возвращались без всякого сбора казны»[6].

Своеобразной формой борьбы против усиления налогового гнета и притеснений шахских властей была *поддержка народом самозванцев.* Однако это было и во время афганского нашествия и при турецкой оккупации. Подобные факты исследованы кандидатом исторических наук Н. Д. Миклухо-Маклаем[7]. В тот период самозванство проявлялось, как сопротивление завоевателям, и в то же время отражало стремление некоторых феодалов к самостоятельности. В 30—40-х годах в источниках упоминаются самозванцы — мирза Зейнал, Аслан-мирза, Сефи-мирза и др. Осенью 1732 г. русский резидент в Иране Семен Аврамов встретил под Казвином самозванца по имени мирза Зейнал, «у которого правая рука по кисти, да левая нога по ладыжку обрублены». Мирза Зейнал подробно рассказывал, что он родился в Исфахане, что его отцом был якобы старший сын шаха Султан-Хусейна мирза Аббас. По вступлении в Исфахан Махмуд гильзай отправил мирзу Зейнала в один из районов Кандагара. К этому городу, рассказывал далее самозванец, «неприятель пришел, осадя взял, а меня-де посадил в тюрьму, потом Махмудов брат пришел с войском своим и неприятели-де видя, что противу его не устоять, вывели меня из тюрьмы и отсекли мне руки и ноги, а сами ушли, потом-де жил я в Кандагаре в почтении»[8].

Узнав о существовании мирзы Зейнала, Надир вызвал его к себе в Мешхед (низложив шаха Тахмаспа и став регентом при шахе Аббасе III, Надир боялся появления опасных для себя претендентов на шахский престол). Удостоверившись, что мирза Зейнал действительно самозванец («не тот-де ты про ково я думал»), и убедившись, что он не стремится занять престол и к тому же не обладает для этого реальной силой, Надир отпустил мирзу Зейнала, выдав ему подорожную, с которой тот выехал в Мазандеран, а затем в Казвин и Кум[9].

[6] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1740, д. 6, л. 50.
[7] Подробно об этом см.: Н. Д. Миклухо-Маклай, *Из истории афганского владычества в Иране.*
[8] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1732, д. 6, л. 185.
[9] Там же.

В конце 30-х годов в Грузии появился новый самозванец, назвавшийся Аслан-мирзой. В 1740 г. ксанский эристави [10] Шаншэ писал в Петербург русскому канцлеру Остерману о якобы сыне шаха Султан-Хусейна, который намеревался обратиться к Турции за помощью. По словам Аслан-мирзы, он был младенцем во время осады афганцами Исфахана. Отец отдал его на воспитание дяде Рахим-беку, после смерти которого Аслан-мирза скрывался в Гиляне под видом купца. Сведения о дальнейшей судьбе Аслан-мирзы в источниках не встречаются.

Одним из активно действовавших самозванцев был Сефи-мирза [11]. В конце 30-х годов XVIII в. он появился в районе Шуштера в одежде дервиша. В своих проповедях среди местного населения Сефи-мирза выдал себя за потомка Сефевидов.

При сопоставлении и уточнении сведений, встречающихся в источниках и литературе, ясно видно, что Сефи-мирза был крестьянином по имени Мухаммед Али и происходил из селения Рефсенджан, находящегося северо-западнее Кермана [12]. Братищев, например, называл Сефи-мирзу крестьянским сыном, «о подлом происхождении которого все персияне достаточно знают» [13].

В 1730 г., объединив вокруг себя городскую бедноту Шуштера, Сефи-мирза поднял восстание. Однако наиб Шуштера немедленно принял меры, и Сефи-мирзе пришлось скрыться в Хувейзе, а затем в Турции, где он жил до 1743 г.

Во время пребывания Аврамова в Кашане к нему приходил «шаховичь же от женской стороны Сеит мирза Исмаил» [14]. Мирза Исмаил, известный еще в период афганского нашествия, был дервишем. В 1736 г. он участвовал в мятеже бахтиарской племенной верхушки, который вскоре был подавлен Надиром [15].

[10] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1740, д. 4, л. 309—313. — Ксанское эриставство — одно из феодальных владений Грузии XVIII в.

[11] И. П. Петрушевский, *Очерки...*, стр. 335. — В работах Локкарта, Минорского, Хекмата, Нуролла также весьма кратко упоминается о движении Сефи-мирзы.

[12] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1744, д. 3, л. 330, 331; رضا قلی خان، روضت الصفا طهرن، ۱۷۵۹، ج، ۸ (далее — Риза Кули-хан, *Роузат ас-Сафа*, т. VII).

[13] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1744, д. 3, л. 331.

[14] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1732, д. 6, л. 185.

О других, более активных действиях самозванцев в 30-х годах в источниках сведений нет.

Большинство самозванцев были авантюристами, стремившимися использовать всеобщее недовольство Надиром для достижения своих корыстных целей. Другие же под видом сефевидских царевичей призывали угнетенный народ на борьбу с Надиром (например, Сефи-мирза, являвшийся выходцем из народных масс, поднял восстание, объединив вокруг себя бедноту).

Народные массы, поддерживая самозванцев, тем самым выступали против Надира и его грабительской политики.

Наиболее активной формой протеста против усиления налогового гнета и ограбления населения были восстания против центральной власти, которые происходили и при последних Сефевидах. Они возникали в результате повышения податей после переписи населения (1698—1701).

Освободительные движения развернулись среди армян, грузин, афганцев. Эти народы оказались в особенно тяжелом положении. Они эксплуатировались и местными феодалами и государством, а также подвергались гнету иноземных завоевателей и религиозным преследованиям.

В исследуемый период наряду с народными восстаниями часто вспыхивали феодальные мятежи знати ряда племен, также направленные против власти Надира. Вожди и знать кочевых и полукочевых племен, озлобленные в связи с ухудшением их экономического и политического положения, поднимали мятежи. Используя недовольство рядовых кочевников и обстановку общего хаоса в стране, они боролись за власть и стремились добиться самостоятельности, выступая против «узурпатора» Надира.

В эти годы происходили мятежи феодальной верхушки афганцев племени абдали в Герате под руководством

[15] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1736, д. 10, л. 176.— Известно также, что бахтиары поддерживали и самозванца Сефи-мирзу, выступавшего в 1725—1727 гг. в районе Шуштера и в Кухкилуйе (см. об этом: Н. Д. Миклухо-Маклай, *Из истории афганского владычества в Иране*).

Зульфикар-хана (1730—1731), туркменских племен текке, сарык, эрсари и др. в Хорасане, бахтиар (1732—1734, 1735—1736), луров (1733), курдов (1735) и др.[16].

Феодалы располагали значительными силами. Например, у бахтиарских ханов было более 40 тыс. хорошо вооруженных воинов. Часто феодальные мятежи (подобно мятежу курдов) поддерживала Турция, с которой в те годы шла война.

Народные массы, видевшие в Надире уже не «героя» и «освободителя», а своего притеснителя, в ряде случаев примыкали к этим мятежам, что делало их наиболее опасными для центральной власти.

Серьезную угрозу для Надира в 30-х годах представляли многочисленные народные волнения и восстания, которые в результате усиления налогового гнета постоянно возникали в разных областях страны. Так, Семен Аврамов уже в 1731 г. сообщал, что лишь «мешедцы довольны Тамас Кули-ханом (Надиром. — *М. А.* и *К. А.*), а протчие провинции и уезды все недовольны...», так как с населения по его приказу взыскиваются большие суммы денег — с одного Мазандерана только «деньгами было взято семь вьюков»[17].

В результате усиления налогового гнета в 1733 г. волнения в Кермане переросли в восстания. В этом же году поднялось население Лара и его окрестностей, правитель которого Мухаммед-хан был убит. Сильные волнения происходили в Казвине и Гиляне, где «народ между собой имеет великое смятение и один одного разоряет и командиров своих не слушает»[18].

Как справедливо отмечал шейх Хазин, в стране «было всеобщее смятение и волнение»[19].

Кроме перечисленных мелких разрозненных народных выступлений, которые часто охватывали лишь отдельные селения и города, в 30-е годы произошло крупное восстание в Фарсе и на побережье Персидского залива. Начиналось оно в 1733 г. с выступления арабов-суннитов в районе Бендер-Аббаса.

Восстание арабов-суннитов Бендер-Аббаса и населения Фарса (1733—1734)[20]. В начале 1733 г. восстали арабы-сунниты[21], во главе которых стоял шейх Ахмед. Восставшие укрепились на островах Персидского залива близ Бендер-Аббаса; шейх Ахмед послал в Бендер-Аббас письмо, в котором призывал население перейти к нему в подданство. Известие о восстании арабов против Надира настолько быстро распространилось по всей стране, что вскоре к повстанцам присоединились их единоверцы-афганцы и часть суннитского населения Дерегеза. В результате у шейха Ахмеда оказалось в распоряжении более 20 тыс. вооруженных людей; повстанцы установили связь также с населением Кермана, где в то время происходили волнения[22]. В чем эти связи выражались, за неимением данных сказать трудно. Однако сам по себе этот факт весьма важен, — установление связи между арабами-суннитами и шиитским населением Кермана свидетельствует о том, что восстание арабов, выступавших вначале под религиозной оболочкой суннизма, в действительности было направлено против Надира.

Район Бендер-Аббаса являлся местом кочевья племен арабов-суннитов, и поэтому движение первоначально приняло религиозную окраску и привлекло суннитов из других областей страны.

На подавление восстания Надир отправил свои войска под командованием Мухаммед-хана белуджа. По словам Мухаммеда Казима, в подчинении Мухаммед-хана было 80 тыс. белуджей, обитавших на обширной территории от портов Персидского залива до границ Индии. Мухаммед-хан белудж был крупным феодалом, близким к Тахмаспу II, и принадлежал к числу недовольных приходом к власти Надира и усилением роли кочевых хорасанских племен. Учитывая возмущение народных масс и их сильное сопротивление росту феодальной эксплуа-

[16] Мухаммед Казим, *Тарих-и аламара-йи Надири*, т. 1, стр. 124, 125, 146, 147, 183—189, 192, 193; «*The life of Sheikh Mohammed Ali Hasin*...», p. 168, 204; АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1736, д. 8, л. 473 и др.

[17] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1731, д. 15, л. 46.

[18] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1733, д. 6, л. 53.

[19] «*The life of Sheikh Mohammed Ali Hasin*...», p. 206.

[20] Это восстание почти не отражено в литературе. О нем кратко сообщают в своих работах Локкарт и Минорский, которые, однако, не используют полностью даже данных Мехди-хана, не говоря уже о других источниках.

[21] Мехди-хан, *Тарих-и Надири*, стр. 202.

[22] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1733, д. 6, л. 353.

тации, Мухаммед-хан белудж рассчитывал, что с их помощью он сможет свергнуть Надира и вернуть к власти шаха Тахмаспа.

Поэтому, вместо того чтобы начать борьбу с повстанцами, Мухаммед-хан белудж примкнул к восстанию, заявив о своем намерении восстановить на престоле «законную» сефевидскую династию и очистить Фарс и побережье от «грязи племени афшар» [23]. Как Мухаммед-хан и рассчитывал, население горячо откликнулось на эти лозунги.

В связи с дальнейшим распространением восстания и присоединением к нему Мухаммед-хана белуджа Надир отправил в Шираз Ахмед-хана Мерви с войском. Знатные горожане Шираза, с которыми повстанцы предварительно установили связь, обещали схватить Ахмед-хана, как только он появится в городе. Однако они своих обещаний не выполнили. Ахмед-хан беспрепятственно вошел в Шираз. Вскоре после его прибытия к Ширазу «подошли отряды под командованием Мухаммед-хана белуджа, состоявшие из населения этой области» [24].

Как сообщал один из воинов Ахмед-хана, участвовавших в сражении против повстанцев, значительная часть шахского войска перешла на их сторону. После первого сражения в войске Ахмед-хана Мерви из 6 тыс. осталось лишь 1,5 тыс. человек.

Потерпев поражение, шахское войско вместе с командирами скрылось в цитадели, а восставшие вошли в город. Через несколько дней из оставшихся воинов перешло на сторону повстанцев еще 700 человек [25]. На предложение восставших сдаться Ахмед-хан сначала ответил отказом [26]. Когда же после 13-дневной осады у него не оказалось достаточного количества провианта и воды, часть войска решила открыть ворота цитадели; Ахмед-хан Мерви вынужден был капитулировать. При условии сохранения ему жизни он согласился выйти из крепости и впредь не выступать против восставших. Это условие было принято. Ахмед-хан Мерви, Касим Али-бек джелаир и другие военачальники, присланные Надиром, были взя-

[23] Мухаммед Казим, *Тарих-и аламара-йи Надири*, т. 1, л. 256.
[24] Там же.
[25] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1734, д. 7, л. 11.
[26] Мухаммед Казим, *Тарих-и аламара-йи Надири*, т. 1, л. 256.

ты в плен. Ахмед-хан Мерви был заточен в крепость, находящуюся в двух фарсахах от Шираза, а его воины — разоружены [27]. После этого Мухаммед-хан белудж, по свидетельству Мухаммеда Казима, «несколько дней занимался приведением в порядок дел той области» [28]. К сожалению, в источниках нет сведений об этой стороне деятельности Мухаммед-хана белуджа.

Восстание приобретало все более широкий размах. Его поддерживали не только арабские, но и бахтиарские и другие кочевые племена, а также оседлое население побережья Персидского залива и Фарса. В январе 1734 г. Семен Аврамов писал, что «многие близь Исфагани живущие, оставя жен и детей, к оному белуч-хану убежали» [29].

Основной силой восстания были наиболее угнетаемые слои населения — ра'ийяты и иляты. Тот же Аврамов в одном из своих донесений в Петербург писал: «Подлой народ по дороге в Шираз весь перешел на сторону белуча», а крестьяне Исфаханской провинции, ожидая прихода повстанческих отрядов, «сами собой по крепким местам караулы поставили и запасли для них провиант» [30].

Особенно серьезным было положение в Хувейзе, где, по словам Мухаммеда Казима, «население действовало вопреки подданству» [31]. Не ограничиваясь сбором провианта и фуража для восставших, жители этих городов арестовали сторонников Надира, а некоторых из них, в том числе и правителя Шуштера, убили [32].

Восстание было настолько мощным, что для его подавления Надир был вынужден заключить перемирие с Турцией. Семен Аврамов по этому поводу писал, что поспешное заключение перемирия вызвано «великими внутренними замешаниями, особливо белуча» [33].

Против повстанцев были вновь посланы крупные военные силы. Только в Хувейзе и Шуштер было отправлено

[27] Там же; АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1734, д. 7, л. 11.
[28] Мухаммед Казим, *Тарих-и аламара-йи Надири*, т. 1, л. 255, 256.
[29] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1734, д. 7, л. 6.
[30] Там же, л. 11.
[31] Мухаммед Казим, *Тарих-и аламара-йи Надири*, т. 1, л. 269.
[32] *«The life of Sheikh Mohammed Ali Hasin...»*, p. 230.
[33] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1734, д. 7, л. 9, 10.

около 12 тыс. войска во главе с Касим-ханом кырклу. В результате сражения в районе Хувейзе часть шахских войск перешла на сторону восставших, а их командир Касим-хан был взят в плен и отослан в ту же крепость, где был заточен Ахмед-хан Мерви [34].

После многих поражений, которые понесли войска, Надир приказал нескольким, наиболее способным военачальникам — Тахмасп-хану джелаиру, Джафар Султану зафаранлу, Шах-Кули-Султану каджару и другим отправиться на подавление восстания [35]. Новое сражение между шахскими отрядами и восставшими произошло у Бехбехана. Обе стороны понесли большие потери. После этого Надир сам отправился из Багдада на подавление восстания. Вскоре войска Надира заняли Хувейзе, где кровавая расправа над восставшими продолжалась трое суток, а затем двинулись в Шуштер. В Шуштере Надир также зверски расправился с местным населением.

Городская знать, участвовавшая в восстании, с приближением шахских войск поспешила сдаться. В Шуштере по приказу Надира были вновь назначены правитель Джафар Султан зафаранлу, сборщики налогов и другие должностные лица [36].

Тем временем главные силы восставших под командованием Мухаммед-хана белуджа двигались из Шираза в Исфахан, и Надир с войском выступил им навстречу. В происшедшем сражении повстанцы понесли большие потери и были разбиты, а Мухаммед-хан белудж с 2,5 тыс. сторонников бежал в Лар [37].

26 ша'бана 1146 г. х. (11 февраля 1734 г.) войска Надира вошли в Шираз. Ахмед-хан Мерви и Касим Алибек, взятые повстанцами в плен, были освобождены и назначены правителями Фарса и Кухкилуйэ. Несмотря на поражение, Мухаммед-хан белудж вместе с шейхом Ахмедом стали готовиться к новому восстанию.

---

[34] Мухаммед Казим, *Тарих-и аламара-йи Надири*, т. I, л. 257, 258.

[35] Там же, л. 258.

[36] Там же, л. 260.

[37] لارودی نورالله، زندگانی نادر شاه پسر شمشیر تهران، ۱۳۱۹، ص. ۲۷۸ (далее — Ларуддн Нуролла, *Зендегани-йи Надир шах-песар-и шамшер*, стр. 287).

Ввиду того что восставшие пользовались большой поддержкой всего населения Фарса, побережья Персидского залива и Хузистана, Надир отправил против повстанцев 12-тысячный отряд воинов во главе с Тахмасп-ханом джелаиром, приказав ему захватить в плен Мухаммед-хана белуджа [38]. Вскоре Мухаммед-хан белудж и шейх Ахмед были взяты в плен. На майдане Некш-и Джехан в Исфахане после пыток («с них, как с баранов, содрали кожу») они были умерщвлены [39].

Затем шах послал отряды во все районы, и к концу 1734 г. главные очаги движения были разгромлены.

Основной причиной восстания несомненно являлось значительное ухудшение положения народных масс, которые на своих плечах вынесли все тяготы афганского завоевания. Однако изгнание афганцев не принесло облегчения народу. С приходом Надира к власти и без того разоренное население Ирана вновь должно было платить чрезмерные подати, которые взыскивались путем насилий и притеснений.

Жители Фарса, территория которого в 20-е годы была занята афганцами, пострадали от их нашествия больше, чем население других областей, поэтому уплата налогов была для них особенно обременительной.

Как справедливо отмечал очевидец всех этих событий шейх Хазин, «у народа, который перенес различного рода гнет и несчастье, [народа], попранного в течение нескольких лет врагами, беспутными притеснителями, подобно афганцам, совсем не было силы и возможности переносить гнет и притеснения» [40]. Насилия военно-феодальной знати хорасанских племен также вызывали недовольство народных масс. Все эти причины обусловили тот широкий размах, который приняло это движение, начавшееся с выступления арабов Бендер-Аббаса. Восстание охватило территории Фарса, Хузистана и побережья Персидского залива. Основные участники восстания, рядовые иляты и ра'ийяты, несмотря на их активность и поддержку всего местного населения (которое расставляло свои караулы, арестовывало и убивало ставленни-

---

[38] Мухаммед Казим, *Тарих-и аламара-йи Надири*, т. I, л. 269.

[39] Там же, л. 276.

[40] *«The life of Sheikh Mohammed Ali Hasin...»*, p. 206, 207.

ков Надира, собирало продовольствие и фураж для повстанческих отрядов), все же не смогли выдвинуть из своей среды руководителей. Это свидетельствует о слабости и неорганизованности народных масс. Во главе восстания находились феодалы. Воспользовавшись недовольством масс, многочисленными и повсеместными волнениями населения, Мухаммед-хан белудж и шейх Ахмед возглавили восстание, рассчитывая придать ему выгодное для себя направление, что, естественно, наложило отпечаток на самое восстание. Знать в ряде случаев, как, например, в Ширазе и Хувейзе, выдавала повстанцев и шла на сговор с усмирителями восстаний.

К сожалению, в источниках нет сведений о том, какие мероприятия проводились восставшими, кроме изгнания и убийства финансовых чиновников и властей, назначенных Надиром. Однако и эти данные, а также установление связи между восставшими арабами-суннитами и шиитским населением Кермана, а затем и присоединение к повстанцам податного населения Фарса свидетельствуют о том, что основной причиной восстания являлось усиление налогового гнета.

Так как налоги собирались по приказу Надира, то лозунг о восстановлении «законной» сефевидской династии и освобождении страны от «грязи племени афшар», из которого происходил Надир, нашел в массах горячий отклик.

Таким образом, совершенно ясно, что в начале 30-х годов позиции Надира в центральных и южных областях Ирана были очень слабы.

Подавление мятежей и восстаний представляло значительные трудности для Надира и требовало большого напряжения, тем более, что в это же время велась война с Турцией. Надир был настолько встревожен восстаниями и выступлениями отдельных феодалов, что перед походом в Кандагар приказал своему сыну Риза Кули-мирзе, которого он оставил наместником в Иране, «дабы он, набрав довольное число войска, при себе содержал и бытность свою в каждом городе по одному месяцу имел» [41].

Восстановление прежних границ Ирана в результате

[41] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1739, д. 5, л. 89.

изгнания афганцев и войны с Турцией и широковещательные обещания Надира перед походом в Индию вселили некоторые надежды не только представителям господствующего класса, но и народным массам. Однако колоссальные богатства, захваченные в Индии, почти целиком были отвезены в сокровищницы Келата, где находились до самой смерти Надира. Походы же в Среднюю Азию (1740) и особенно в Дагестан (1741—1743) явились подлинным бедствием для народа.

В дагестанском походе Надир терпел одно поражение за другим. Не добившись успеха, потеряв значительную часть войска и затратив колоссальные денежные средства (со всех областей страны в Дагестан посылалось много провианта, фуража, денег), Надир вынужден был в феврале 1743 г. вернуться в Иран.

Надеясь восстановить подорванный после дагестанского похода авторитет и захватить военную добычу, Надир начал войну с Турцией. Для этого потребовались большие средства. Надир рассчитывал получить их путем введения в 1743 г. нового налогового обложения и приказал собирать с населения недоимки по налогам за прошедшие три года. Кроме того, со многих областей, где налоговые ставки были увеличены в несколько раз, дополнительно взимались и колоссальные денежные штрафы.

Начиная с 1743 г., когда в условиях резкого экономического упадка и острого политического кризиса было введено новое налоговое обложение, снова мощная волна всеобщего недовольства прокатилась по всей стране.

В 40-х годах недовольство народных масс хотя и проявлялось в тех же формах, что и в 30-х годах, но стало выражаться гораздо активнее. В персидских, русских и европейских источниках имеется много сведений о том, что все больше населения покидало свои места жительства. Опустели целые города и области. Например, рассказывая о восстании в Систане (1746—1747), Мухаммед Казим писал, что присланный на подавление восстания Али Кули-хан, направлявшийся в Систан через Хорасан, увидел, что «в той области не было людей» [42].

[42] Мухаммед Казим, *Тарих-и аламара-йи Надири*, т. III, л. 243.

Русский резидент Братищев также отмечал, что «от самого Тавриза даже до Гемедана почти ни единой жилой волости и деревни» [43]. В конце того же года Братищев писал, что от Дербента и до Муганской степи везде «едва ни до подошвы разорено и многие места пустые находятся» [44].

В последующие годы очевидцы сообщали, что и «от Миянэ до Мазандерана жителей весьма мало» [45].

Европейцы, посетившие в это время различные города и области, также отмечали факты массового ухода населения. Английский купец Ханвей писал, что многие жители Исфаханской провинции бежали, значительная часть их ушла в горы Луристана, земли остались необработанными, а дома превратились в развалины. Далее Ханвей отмечает, что «все ужасы неудачной войны или нашествия варваров не могли бы повергнуть народ в большие бедствия, чем победы их деспотичного властелина, который, казалось, старался больше унизить своих собственных подданных, чем врагов» [46]. Монах-капуцин Дамиан, в начале 1747 г. рассказывал, что на пути из Мешхеда до Решта он «везде пустоту видел» [47].

В 20-е годы в Иране, как отмечал Крусинский, в некоторых городах скопилось очень много разоренного крестьянского населения [48]. В 30-х годах такие случаи встречались реже, а в 40-х, напротив, многие города Ирана, как и сельские местности, также опустели вследствие усиления налогового гнета, пагубно повлиявшего на состояние ремесла и торговли. Как свидетельствовал один из русских дипломатов, в 1747 г. «провинции едва не все и сама столица Исфаган в разорение пришла, да и взять от российских границ города и деревни, кои мне самому в проезде видеть случилось, все в разоренном состоянии находятся» [49].

---

[43] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1743, д. 4, л. 20

[44] Там же, л. 666.

[45] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1745, д. 6, л. 145.

[46] J. Hanway, *An historical account*..., vol. II, p. 413.

[47] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1747, д. 5, л. 193.

[48] J. B. Krusinsky, *Histoire des revolutions de Perse*, vol. I, Paris, 1729—1742, p. 81; Н. Д. Миклухо-Маклай, *Афганское нашествие в Иране*.

[49] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1747, д. 3, л. 204.

В горы ушло население Шемахи и Дербента, Новую Джульфу покинули почти все ее жители, многие города у турецкой границы также опустели [50]. Из своих домов уходили не только ремесленники и торговцы, но и представители господствующего класса. Известно, например, что несколько грузинских князей, не имея возможности уплатить налоги, бежали в горы [51]. Как сообщал очевидец, в 1747 г. в Нахичевани, Гандже, Ереване, Тифлисе «почти генерально все жители от мала до велика и сами управители тех городов взбунтовали и ушли в горы» [52].

Кочевники также покидали свои кочевья и уходили за границу. Так, некоторые туркменские племена, ранее кочевавшие между Астерабадом и Мазандераном, «убоясь дальнего истязания, ушли в Хивинскую сторону» [53].

Иляты, покидая места своих кочевий, присоединялись к восставшим других районов страны: в восстании населения Астерабада и Мазандерана (1743—1744) принимали участие йомуды; выступление оседлого населения Фарса (1744) поддержали племена бахтиар, фейли и др.

Бегство населения стало принимать настолько угрожающие размеры, что Надир приказал смотрителям проезжих дорог установить наблюдение за дорогами и не допускать ухода населения за границу. Пойманных беглых крестьян часто приводили на расправу в шахский лагерь. Однако, даже несмотря на такие строгие меры, бегство населения продолжалось под предлогом паломничества или деловых поездок.

В журнале посольства С. Д. Голицына в Иране мы находим сведения о том, что из Керманшаха и Хамадана «множество жителей оных в Багдат под предтекстом на поклонение персидским законникам, кои неподалеку от того Багдата лежат, перешло и тамо жительством укрепилось, от каковых переселений Керманшах и Гемедан с своими уездами почти пустыми остались; в городе Мараге, лежащем от Тавриза в четырех днях ни ж одной

---

[50] Там же, д. 5, л. 199.

[51] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1742, д. 5, ч. I, л. 44.

[52] Там же.

[53] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1747, д. 3, л. 78.

души не осталось, иные разбежались, а протчие от голода погибли»[54].

В источниках уход жителей обычно объясняется, как реакция на усиление налогового гнета. Например, Братищев писал в Петербург, что в 1742 г. с населения Дербента требовали столько провианта, сколько поля «в пять лет не приносили, отчего здешние жители многие разбежались»[55]. В 1745 г. русский консул в Реште Бакунин доносил: «...от неслыханных во всей Персии нынешнего года тиранских денежных правежей и штрафов ни одна провинция, кроме города Дербента, не обойдена, повсюду не токмо жен и детей бедные крестьяне продают, но и разбежались по горам и лесам»[56]. Приезжавший в Иран в 1733—1735 гг. и 1745—1747 гг. Иоганн Лерх также отмечал, что в 40-х годах «от наложения чрезвычайных податей... крестьяне убегали в леса и горы»[57]. Естественно, что шахские чиновники не могли обеспечить сбор налогов и все чаще стали взимать их с помощью войска.

Применение подобных мер, однако, мало изменяло положение, тем более потому, что в 40-х годах сильные волнения происходили и в самом войске. Несвоевременная и неполная уплата жалованья, отстранение воинов от дележа добычи, неудовлетворительное снабжение войска, голод, трудности далеких изнурительных походов, наложение крупных денежных штрафов на илятов и произвол явились причиной острого недовольства и волнений в войске. Масса воинов дезертировала. Случаи дезертирства особенно участились в 40-х годах, когда после индийского похода богатая военная добыча не была разделена среди войска. К весне 1740 г. из набранного в Кандагаре и Синде 63-тысячного войска осталось лишь 18 тыс.[58]. Во время ирано-турецкой войны в 1743 г. из военного лагеря в Хамадане, по свидетельству Братищева, «персы и из других народов служивые афганцы и

[54] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1747, д. 5, л. 199. По сообщению Лерха в 1733—1734 гг., г. Марага был густо заселен («Новые ежемесячные сочинения», 1790, VII, стр. 73).

[55] Там же, д. 5, л. 779.

[56] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1745, д. 18, л. 771.

[57] [И. Лерх] *«Второе путешествие Лерха в Персию»* («Новые ежемесячные сочинения», СПб., 1790, ч. 43, стр. 83).

[58] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1740, д. 6, л. 225.

подобные им немалым числом, даже по сту человек и более, бегать начали»[59].

Встревоженный массовым дезертирством, Надир-шах в 1743 г. издал указ, по которому дома и имущество дезертиров стали описывать на его (Надир-шаха) имя, а семьи должны были уплатить штраф. В случае же неплатежеспособности семьи жен и детей дезертира продавали, а деньги забирались в казну[60]. Однако даже такими жестокими мерами не удалось привести воинов к повиновению. Случаи дезертирства участились, недовольство в войске росло. В числе недовольных стали выступать и крупные военачальники, положение которых также сильно ухудшилось. В источниках сообщается о многочисленных случаях дезертирства военачальников вместе с их отрядами. Только в начале 1747 г. из войск, находившихся в Армении и Азербайджане, дезертировало более 20 тыс. человек вместе с военачальниками[61]. Недовольство воинов стало проявляться уже не только в дезертирстве, но и в бунтах, вооруженных выступлениях, присоединении к восставшему населению.

Происходивший в стране рост эксплуатации податного населения, из которого комплектовался рядовой состав войска, приводил к обострению классовых противоречий между рядовыми воинами и военачальниками. В отряде под командованием Хайдар-хана, отправленном на усмирение ширванского восстания, рядовые воины убили командира, разграбили его имущество и присоединились к восставшим[62]. Известны случаи, когда целые отряды шахского войска вместо подавления восстаний примыкали к повстанцам (например, в Фарсе и Систане) или, объединившись с крестьянами и горожанами, сами поднимали восстание. В журнале посольства князя М. М. Голицына имеются сведения о том, что «12 тыс. воинов, которые при городе Иране (вероятно, здесь переписчик допустил ошибку. — *М. А.* и *К. А.*) находились и з городскими жителями от него (шаха. — *М. А.* и *К. А.*) отложились»[63]. Войска, которые были в Гандже, также объ-

[59] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1743, д. 4, л. 248.

[60] Там же, л. 249.

[61] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1747, д. 5, л. 211.

[62] Мухаммед Казим, *Тарих-и аламара-йи Надири*, т. III, л. 130.

[63] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1747, д. 5, л. 145.

единились с населением и, покинув город, перешли на сторону восставших шекинцев. В Шемахе войска вместе с населением восстали и ушли из города [64].

Среди воинов нашло отражение также и общее недовольство засилием знати хорасанских племен и их привилегированным положением в стране. Так, в крепости Кыз под Дербентом восстали рядовые воины и, убив группу афшар, которые были их начальниками, присоединились к Сам-мирзе и Мухаммеду, возглавлявшим восстание в Ширване (1743).

К 1747 г. волнения в войске настолько усилились, что русские дипломатические представители в Иране открыто говорили о вероятности возникновения «генерального по всей Персии мятежа», «ибо и военные персияне, кои при его величестве и в других местах обретаются... более терпеть не захотят» [65].

Русский посол в Иране князь М. М. Голицын в 1747 г. писал, что шахское войско находится в таком состоянии, что Надир «со своими внутренними неприятелями управиться не может и малейшей ему надежды на армию нет» [66].

Наиболее характерной и широко распространенной формой борьбы против усиления феодальной эксплуатации в 40-х годах являлись *народные восстания*. Самые крупные из них происходили в Фарсе, Хузистане, на побережье Персидского залива, на территории северного и южного Азербайджана, в Астерабаде, Мазандеране, Хорасане, Систане.

Эти восстания были различны по числу и социальному составу участников, размерам территории, которую они охватывали, по своим требованиям и размаху. Но все они были направлены против усиления налогового гнета, проводившегося Надир-шахом.

Восстания в Астерабаде и Мазандеране (1743—1744). Вскоре после введения (1743) нового налогового обложения началось восстание астерабадских каджаров. Как сообщал в январе 1744 г. Братищев, «кочующие у Астерабада каджары во многих аулах взбунтовали» [67].

[64] Там же, л. 211; д. 3, л. 237.
[65] Там же, д. 3, л. 239.
[66] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1747, д. 5, л. 185.
[67] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1744, д. 3, л. 115.

Волнениями среди населения воспользовалась группа каджарских феодалов, которые, объединившись вокруг Мухаммед Али-бека изздинлу, подняли мятеж против шахской власти.

Выступление каджарской племенной верхушки против Надира было вызвано двумя основными причинами: во-первых, усилением налогового гнета, проводимого шахской властью, которое отражалось не только на положении ра'ийятов и илятов и, таким образом, сокращало доходы феодалов; во-вторых, каджарская знать, пользовавшаяся большим влиянием при Сефевидах, в 30—40-х годах была оттеснена близкой к Надиру знатью хорасанских племен. Каджарские феодалы рассчитывали, что, используя выступление народных масс, они смогут избавиться от шахской власти.

К восставшим каджарам вскоре присоединились йомуды. Попытки сына астерабадского беглербега Мухаммед Заман-бека подавить восстание ни к чему не привели. Мухаммед Али-бек установил связь с Мухаммед Хасан-ханом каджаром (сыном Фатх Али-хана каджара, убитого по приказу Надира еще при Тахмаспе II). Мухаммед Хасан-хан с 4—6 тыс. своих воинов йомудов подошел к Астерабаду. Мухаммед Али-бек открыл ему ворота крепости, после этого Мухаммед Заман-бек был вынужден укрыться в цитадели, часть же шахских чиновников перешла на сторону восставших. Через несколько дней цитадель была взята, а Мухаммед Заман-бек арестован [68]. Восставшие захватили казну и разграбили караван англо-русского торгового общества.

Волнения к этому времени уже распространились на Мазандеран. Народные массы выступали против шахских властей, арестовывали и убивали правителей и чиновников, в том числе был убит мазандеранский беглербег. Повстанцы, совершая нападения на отряды шахских воинов, едва не взяли в плен Али Кули-хана, посланного сепахсаларом в Хорасан [69].

Особенно сильным было восстание в местности Хезард-

[68] Мухаммед Казим, *Тарих-и аламара-йи Надири*, т. III, л. 67, 68.
[69] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1744, д. 3, л. 145, 146.

жериб, где его возглавили купцы хаджи Сафар Кули и хаджи Каусар, вокруг которых объединилось население Хезарджериба и других районов Мазандерана. Из восставшего населения было организовано многочисленное войско (пешее и конное, вооруженное ружьями).

По приказу Надира против восставших из Нишапура было послано несколько военачальников (Мирза Таги Пир-заде, Хасан-бек, хаджи Мухаммед-бек) с 5-тысячным отрядом, состоявшим из курдов, байятов и кераили [70].

Узнав о том, что шахские отряды находятся уже у Дамгана, хаджи Сафар Кули и хаджи Каусар с 6-тысячным отрядом повстанцев ночью подошли к лагерю шахских войск, но караулы и охрана отбили их нападение. Утром началось сражение, в результате которого большая часть повстанцев погибла, оба руководителя были взяты в плен, а все имущество восставших разграблено шахскими воинами. Из отрубленных голов были сооружены башни.

В это время к Хезарджерибу подошел с войском Сару-хан (один из крупных военачальников Надира). После сражения с повстанцами у Дамгана шахские войска объединились с Сару-ханом и отправились к Астерабаду. К Сару-хану согласно приказу Надира должен был также присоединиться и другой военачальник — Бехбуд-хан с 10-тысячным отрядом хорасанцев, выступивший в Астерабад [71].

Пользуясь большой активностью народных масс и их недовольством, Мухаммед Хасан-хан каджар организовал из них 20-тысячное войско [72]. Узнав о приближении Бехбуд-хана, Мухаммед Хасан-хан каджар решил с ним сразиться до его объединения с отрядом Сару-хана. В первом сражении победу одержали восставшие [73], во втором — Бехбуд-хан разбил их войска. Мухаммед Алибек и множество его сторонников из йомудов и каджар

[70] Мухаммед Казим, *Тарих-и аламара-йи Надири*, т. III, л. 68.
[71] Там же, л. 68, 69.
[72] Там же.
[73] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1744, д. 3, л. 153.— В персидских источниках, в частности в трудах Мехди-хана в Мухаммед Казима, поражение Бехбуд-хана замалчивается.

были убиты. Мухаммед Хасан-хан каджар бежал в Мангышлак [74].

Тем временем среди восставших произошли серьезные столкновения между каджарскими и йомудскими феодалами, захватившими руководство восстанием, с одной стороны, и основными участниками восстания — ра'ийятами, илятами и трудящимися массами городов — с другой. Каджарская и йомудская племенная верхушка назначила из своей среды новых правителей, которые грабили и обирали крестьян не менее жестоко, чем шахские сборщики налогов. Подобные действия несомненно вызывали острое недовольство. Особенно озлоблено было население Сари и Барфоруша. Узнав о поражении Мухаммед Хасан-хана каджара, жители Барфоруша убили йомудского правителя Исмаил-бека. В Мазандеране крестьяне схватили и расправились с Садык-ага, одним из представителей феодальной верхушки, участвовавшей в восстании [75].

Эти факты свидетельствуют о непримиримых классовых противоречиях, существовавших между восставшими.

Противоречия среди участников восстания облегчили шахским войскам его подавление. После поражения отрядов повстанцев под командованием Мухаммед Хасан-хана каджара Бехбуд-хан двинулся в Астерабад, взял его и освободил из-под ареста Мухаммед Заман-бека, который вскоре был назначен Надиром правителем Астерабада. Сару-хан тем временем также прибыл в Астерабад и вместе с Бехбуд-ханом отправился ликвидировать другие очаги восстания. Движение подавлялось с большой жестокостью. Сотни и тысячи крестьян подвергались пыткам, многие были обезглавлены, а некоторые переселены в Нишапур. По приказу Надир-шаха каджарские аулы было «повелено поголовно вырубить не обходя и других околичных жителей, ежели кто с ними в заговоре и сообщничестве будет» [76].

Выступления крестьян Астерабада и Мазандерана продолжались и летом 1744 г.

[74] Мухаммед Казим, *Тарих-и аламара-йи Надири*, т. III, л. 73
[75] J. Hanway, *An historical account...*, vol. I, p. 203, 204.
[76] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1744, д. 3, л. 153, 154.

Когда весной 1744 г. Ханвей, получивший на руки приказ шаха о возмещении ему убытков, понесенных во время мятежа в Астерабаде, направился из шахского лагеря в эту область, войско Мухаммед Хасан-хана было уже разгромлено и мятеж подавлен. Однако Астерабад и Мазандеран все еще были охвачены крестьянскими волнениями. «Чем больше мы углублялись в эту провинцию, тем упрямее делались крестьяне» [77], — отмечает Ханвей. Повсюду, куда приходил Ханвей и сопровождавший его отряд воинов, крестьяне встречали его враждебно. Они не давали провиант, фураж и квартиры воинам, а часто даже угрожали оружием. Вступать с крестьянами в спор было опасно, замечает автор, «так как они были очень многочисленны и очень отважны» [78]. В одной из деревень пожилой крестьянин схватил за горло начальника отряда, который по приказу шаха сопровождал Ханвея в Астерабад.

Стихийные крестьянские восстания в Астерабаде и Мазандеране внушали местным властям бóльшие опасения, чем мятеж каджаров. Так, один из иранских служащих в г. Амоле (Мазандеран) говорил Ханвею уже после подавления здесь восстаний: «Мы боялись не столько татар (речь идет о Мухаммед Хасан-хане и его союзниках — йомудах. — *М. А.* и *К. А.*), сколько населения области» [79].

В то время, когда Ханвей прибыл в Лангеруд, местный правитель получил приказ отправиться вместе с войсками, находившимися под его командой, в Астерабад. Лангерудский правитель был крайне озадачен этим приказом. Его беспокоили трудности предстоящего похода, так как, хотя восстание каджаров и было уже подавлено, в этой области «царил еще большой беспорядок» [80].

Около Астерабада Ханвей встретил вооруженных всадников. Они вели большую толпу крестьян, ослепленных за участие в восстаниях; по лицам крестьян стекала кровь [81].

Продолжение восстания вынудило Надир-шаха декла-

[77] J. Hanway, *An historical account*..., vol. I, p. 194.
[78] Ibid.
[79] Ibid., p. 195
[80] Ibid.
[81] Ibid., p. 201.

рировать освобождение мазандеранских крестьян от тех налогов, которые они не могли уплатить [82]. Восстание было подавлено лишь к концу 1744 г.

Восстания в Астерабаде и Мазандеране были, как и все восстания 40-х годов, реакцией народных масс на усиление налогового гнета. Недовольство шахом и его политикой на некоторое время объединило в этих восстаниях две, вначале самостоятельно действующие силы — феодальную верхушку племени каджар, поднявшую мятеж, и народные массы, выступившие против усиления налогового гнета. Но в ходе восстания выявились непримиримые классовые противоречия между этими двумя группами. Участники восстания имели разные цели, и поэтому их объединение не могло быть прочным и длительным. Феодалы стремились стать независимыми от Надира, чтобы не делиться своими доходами от эксплуатации трудящихся с шахской властью; а ра'ийяты и иляты боролись против усиления налогового гнета.

Несмотря на то что восстанием руководили крупные феодалы, народные массы, являвшиеся главными участниками, не были слепым орудием в их руках. В ряде случаев они выступали против своих же руководителей, а после того как сопротивление феодалов было сломлено, продолжали борьбу самостоятельно.

Все это позволяет характеризовать события 1743—1744 гг. в Астерабаде и Мазандеране как народное движение, которому в то же время были присущи все слабости, характерные для подобных движений эпохи феодализма — стихийность, разобщенность, локальность.

Особенностью данного восстания является активное участие в нем представителей купечества, положение которого в 40-х годах сильно ухудшилось.

Восстание в Фарсе (1744) [83]. В начале 1744 г. вспыхнуло восстание в Фарсе, которое охватило всю область, главным образом города Шираз, Хувейзе, Шуштер, а также Лар и побережье Персидского залива. Оно было также вызвано введением в 1743 г. нового тяжелого для

[82] Ibid., p. 195.
[83] О восстании в Фарсе писали Локкарт, Минорский и Ларуди Нуролла, но их сведения весьма неполны. Кроме того, некоторые оценки и характеристики зарубежных авторов спорны.

масс налогового обложения. Непосредственной причиной восстания послужили пытки и избиения населения, к которым прибегали шахские сборщики при взыскании налогов. Мухаммед Казим отмечал, что «поскольку налоги с подданных Фарса были назначены выше меры, то опять случались притеснения и угнетения жителей тех областей; ... население той области было не в состоянии снести этот удар» [84].

Кочевники племени фейли объединились и убили около 20 сборщиков налогов. Это послужило поводом для движения других племен Фарса. Восстания начинались везде с убийства шахских сборщиков. Мухаммед Казим сообщает далее, что «везде, где бы они ни были, всех сборщиков убили» [85].

Число восставших быстро возросло. Около 10 тыс. повстанцев окружили дом беглербега Фарса Таги-хана, требуя, чтобы он возглавил восстание.

Таги-хан как беглербег области был ответствен за сбор налогов в Фарсе. Сумма налогов, которую Надир требовал с этой области, составляла больше половины, получаемой в обычное время от 3—4 больших областей, включая Фарс. Приказ шаха обрушился тяжелым бедствием на истощенную страну. Люди были не в состоянии расплатиться с шахскими сборщиками и продавали своих детей европейцам и индийским торговцам. Каждому, кто не платил установленной суммы, выкалывали глаза. Вымогательства, издевательства и репрессии чиновников фиска вызвали в народе волну возмущения. Судя по тому, что застрельщиками восстания были представители племенного населения области, ясно, что налоговое обложение 1743 г. для кочевников было так же обременительно, как и для оседлого населения. Учитывая, что при создавшемся положении не было возможности полностью собрать налоговые суммы, Таги-хан, зная, что разницу взыщут с него, вместе с сердаром Фарса «все меры к своевольному пребыванию принял» [86]. Он согласился принять руководство восстанием, решив использо-

[84] Мухаммед Казим, *Тарих-и аламара-йи Надири*, т. III, л. 46, 50.

[85] Там же, л. 50.

[86] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1744, д. 3, л. 89.

вать недовольство народных масс для создания независимого от Надира феодального владения.

Чтобы успокоить население, Таги-хан приказал убить еще несколько сборщиков налогов, затем с войском и повстанцами направился к Ширазу, где на некоторое время «в тех округах положил начало своей власти и господству» [87].

Когда весть о восстании дошла до Надира, он послал одного из своих приближенных (Фархад-бека) в Шираз для переговоров с Таги-ханом [88] с тем, «чтобы всякими наисильнейшими обнадеживаниями его (Таги-хана.— *М. А.* и *К. А.*) уговаривать и привлекать на приезд в лагерь, обещая именем его величества, что ни малейшего истязания ему не покажется и по-прежнему с милостью принят будет» [89]. В то же время Надир приказал «обретающимся в том крае (в Фарсе) военным командирам отовсюду дорогу командами занять и пресечь, чтобы Таги-хан никуда уйти способа не нашел» [90]. Так как все эти меры не дали желаемых результатов и число восставших непрерывно росло, Надир отправил против них сердара Ирака Мухаммед Хусейн-хана афшара с двумя тысячами хорасанского войска и приказал сердару по дороге набирать воинов в отряд. Мухаммед Хусейн-хан, прибыв к Ширазу, остановился в Рокнабаде. Таги-хан послал к нему своих представителей, которые склонили Мухаммед Хусейн-хана на сторону восставших. Вскоре после этого Надир вынужден был отправить против повстанцев свои лучшие военные силы — отряд гвардии, состоявшей из афганцев и узбеков, и отряд керманшахских воинов. Однако и это не привело к успеху. Более того, часть воинов перешла на сторону восставших. Один из шахских военачальников (Мухаммед Али-бек) после перехода 500 воинов из его отряда к повстанцам, боясь гнева Надира, бежал в Багдад.

Восстание охватывало все большую территорию, повстанцев стало уже более 20 тыс. [91].

[87] Мухаммед Казим, *Тарих-и аламара-йи Надири*, т. III, л. 51.

[88] Персидские источники не упоминают об этом факте.

[89] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1744, д. 3, л. 172, 173.

[90] Там же.

[91] Мухаммед Казим, *Тарих-и аламара-йи Надири*, т. III, л. 47.

Большую угрозу для восставших представляло войско Рустам-хана, назначенного еще до начала восстания Таги-хана сердаром портов. Желая предупредить нападение Рустам-хана, Таги-хан, посоветовавшись с восставшими военачальниками племен Фарса, с 2—3 тыс. конного и пешего войска двинулся к портам. В Ширазе Таги-хан оставил сына Мухаммед Риза-хана и в качестве сердара Мухаммед Хусейн-хана афшара. Таги-хан разослал письма населению портов и военачальникам Рустам-хана, в которых писал, что по возвращении из Дагестана Надир, заболевший меланхолией, потребовал со всех провинций недостаток по налогам, убил многих правителей и чиновников, а Мухаммед Хусейн-хан, принадлежащий к племени Надира, также присоединился к восставшим и находится в Ширазе. Таги-хан предлагал военачальникам и населению склонить Рустам-хана выйти из повиновения Надиру, а в случае, если он откажется, то убить его. Рустам-хан отнесся резко враждебно к предложению своих военачальников и угрожал наказать зачинщиков [92].

По сообщению одного из русских дипломатов, в 1744 г., после появления Таги-хана в портах, жители Бендер-Аббаса, Шуштера, Хувейзе и Луристана вместе с их правителями «от шаха отложились» [93]. В руки Таги-хана попала шахская казна, которая находилась у откупщиков. Начались волнения на всем побережье Персидского залива. Надир отправил в Фарс 20 тыс. воинов под командованием Аллаверди-хана, которому было приказано огнем и мечом усмирить население. Аллаверди-хан подошел с войском к Ширазу и осадил его. Восставшие стойко и упорно сопротивлялись. Однако после четырехмесячной осады в крепости начался голод, и 20 джумади I 1157 г. х. (21 июня 1744 г.) после сильной атаки осажденные были вынуждены сдаться.

Вступив в город, шахские войска грабили имущество, разрушали дома и сады, убивали местных жителей; Таги-хан при неудачной попытке к бегству был пойман и вместе с 40 приближенными и родственниками отвезен в Исфахан. Всех его родственников и приближенных убили;

[92] Там же, л. 51, 52.
[93] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1744, д. 14, л. 298

сам Таги-хан был ослеплен на один глаз, а имущество у него конфисковано. Однако Надир-шах «помиловал» его и назначил правителем Қабула. К концу лета 1744 г. восстание в Фарсе было подавлено.

«Помиловав» Таги-хана, Надир, вероятно, рассчитывал заручиться его верностью. Но этого не случилось. Недовольство среди феодалов росло, их выступления против шахской власти участились, а Таги-хан вскоре снова встал во главе восстания в Қабуле.

Усиление налогового гнета, явившееся главной причиной выступления народных масс, обусловило широкий размах этого восстания. Основную силу восстания составляли иляты и ра'ийяты Фарса и побережья Персидского залива. Несмотря на то что массы не могли выдвинуть из своей среды вождей и во главе восстания находились представители господствующего класса (в частности, Таги-хан), направленность движения была ярко выражена — народ требовал снижения чрезмерных налогов. Участие же в восстании таких представителей господствующего класса, как Таги-хан, свидетельствовало об углублении политического кризиса державы Надира.

Восстание в Маскате и Бахрейне. Восстание арабских племен Маската и Бахрейна так же, как и другие восстания 1743—1744 гг., вспыхнуло из-за усиления налоговой эксплуатации. Население этих областей, по словам хрониста, отказалось от уплаты поземельного налога и государственных поборов.

В восстании принимали участие как трудящееся население, так и знать [94]. На подавление этого восстания было послано войско под командованием Музаффар Али-хана. Во время событий в Маскате и Бахрейне наглядно проявились противоречия между различными социальными группами участников восстания, обнаружились непоследовательность и предательство феодальной верхушки. Так, когда до восставших дошли слухи об отправке из шахского лагеря карательного отряда, представители местной знати прекратили сопротивление и убили группу активных участников восстания из трудящихся слоев [95]. Шахские каратели учинили страшную расправу

[94] Мухаммед Қазим, *Тарих-и аламара-йи Надири,* т. III, л. 48.
[95] Там же.

с населением, которое было разделено на три категории: «зачинщики и подстрекатели мятежа» были убиты; виновные лишь в том, что отказались от уплаты налогов, ослеплены и лишены языка; сочувствовавшим отрезали носы. В то же время некоторые представители знати, перешедшие на сторону шаха, были награждены халатами и другими подарками [96].

После расправы шах назначил сборщиков для взимания с населения Маската и Бахрейна повышенных налогов [97]. Кроме того, они должны были собрать огромное количество жемчуга. В результате вспыхнуло новое восстание племен Маската и Бахрейна, на подавление которого были отправлены новые отряды карателей.

Восстание в Хое и Салмасе (1744). Усиление налогового гнета явилось также основной и непосредственной причиной восстания курдского племени думбули в Хое и Салмасе.

Как сообщает Мухаммед Казим, с Хоя и Салмаса в 1744 г. по приказу шаха потребовали подати в размере 100 тыс. туманов [98] вместо 3 тыс., взимавшихся при сефевидских шахах (следует, однако, иметь в виду падение курса тумана). Население, отказавшись платить подати, убило шахских сборщиков [99].

Муртаза Кули-хан, Наджаф Кули-хан и другие вожди племени, которые должны были обеспечить сбор налогов, вскоре присоединились к восставшим. Надир-шах в марте 1744 г. послал на подавление восстания несколько отрядов своих войск под командованием Мухаммед Риза-хана кырклу, Хайдар-хана афшара, Ашур-хана афшара, Керим-хана афшара, Хаджи-хана беглербега Ганджи [100].

Думбулийские ханы, вступившие в переговоры с представителями шаха, заявили, что население не в состоянии платить требуемые налоги. Вскоре после этого некоторые ханы были арестованы. Верхушка племени, учитывая, что обеспечить сбор взыскиваемых с Хоя и Салмаса сумм невозможно, обратилась к Турции.

[96] Там же, л. 48, 49.
[97] Там же, л. 49.
[98] Там же, л. 100; И. П. Петрушевский, *Очерки...*, стр. 335.
[99] Мухаммед Казим, *Тарих-и аламара-йи Надири*, т. III, л. 100.
[100] Там же, л. 100, 101.

Турция в это время уже готовила свои войска для вступления в Иран и возведения на престол самозванца Сефи-мирзы. Вскоре 20-тысячное турецкое войско под командованием Юсуф-паши, объединившись с восставшими, подошло к Хою [101]. В сражении с шахскими войсками они были разбиты. Сопротивление повстанцев после поражения их главных сил и турецких войск было сломлено. Мухаммед Риза-хан кырклу был оставлен с 6 тыс. воинов для поддержания спокойствия в Хое, а другие военачальники возвратились в свои области.

Участие в этом восстании (как и в большинстве других восстаний 40-х годов) представителей господствующего класса, которым принадлежала и инициатива обращения к Турции, еще раз свидетельствует об усилении их недовольства своим положением и стремлении освободиться от опеки Надир-шаха. Турция была весьма заинтересована в подобного рода вмешательстве во внутренние дела государства Надира [102] и, конечно, меньше всего заботилась о судьбе восстания.

Движение Сефи-мирзы (1744). Как уже отмечалось выше, самозванец Сефи-мирза после неудачной попытки поднять восстание бежал в 30-х годах в Турцию, где пользовался покровительством султана.

В 1743 г. Турция, учитывая тяжелое внутреннее положение в Иране и недовольство населения политикой Надир-шаха, перешла к реальным действиям и вновь стала готовить армию к войне. К концу 1743 г. Сефи-мирза с 20-тысячным турецким войском уже находился у границы Турции и государства Надира. Вскоре к нему присоединился турецкий военачальник Ахмед-паша с 70 тыс. турецкого войска [103].

В конце 1743 — начале 1744 г., находясь под Карсом, Сефи-мирза из своего лагеря рассылал указы в разные города страны, в которых объявлял себя представителем дома Сефевидов, бежавшим вместе с сестрой во время

[101] Там же, л. 101, 102.
[102] Более подробно о политике Турции и ирано-турецких отношениях в данный период см.: Mahammed Ali Hekmat, *Essai sur l'histoire des relations politiques irano-ottomannes de 1722 à 1747*, Paris, 1937, p. 215—234.
[103] Мухаммед Казим, *Тарих-и аламара-йи Надири*, т. III, л. 127, 128.

осады Исфахана афганцами, и призывал население оказать ему поддержку. Хорошо зная о всеобщем недовольстве в стране засилием военно-феодальной знати хорасанских племен, Сефи-мирза в этих указах обещал «всякого чинам персиянам», что они будут пользоваться «всякой выгодностью и покоем при его правлении»[104]. В результате на сторону Сефи-мирзы вскоре перешло около тысячи персов, а также часть населения Азербайджана, Грузии и воины из отрядов ширванского войска[105].

Сефи-мирза пытался также установить связь с повстанцами Фарса и посылал туда гонцов.

Для предотвращения дальнейшего перехода населения на сторону Сефи-мирзы Надир приказал расставить посты от Еревана до Карса. Чтобы привлечь на свою сторону кочевавшие в районе Урмии афшарские племена, Надир подкупил племенную верхушку; «именуя их (вождей племени) своими одноаульцами», наградил халатами и освободил их от уплаты половины годовых податей[106]. Но несмотря на это, население продолжало переходить на сторону Сефи-мирзы. К самозванцу примкнули отряды лезгинских племен во главе с кайтагским усмием Ахмед-ханом и табасаранскими старшинами[107], которые были готовы участвовать в любом движении, направленном против Надира.

В августе 1744 г. Надир с большим войском подошел к Карсу. Вскоре движение Сефи-мирзы было подавлено. Ахмед-хан усмий и табасаранские старшины бежали в Дагестан. Сам Сефи-мирза был схвачен и отправлен в Турцию. Однако Турция не оставила мысли о выдвижении Сефи-мирзы в качестве претендента на шахский престол. Во время ирано-турецкой войны, летом 1745 г., в Турции был издан указ о возведении Сефи-мирзы на персидский престол[108]. Дальнейших сведений о судьбе Сефи-мирзы в источниках нет.

[104] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1744, д. 14, л. 255; д. 3, л. 256.

[105] Там же, д. 3, л. 256, 314; Мухаммед Казим, *Тарих-и аламара-йи Надири*, т. II, л. 127.

[106] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1744, д. 3, л. 256.

[107] Мухаммед Казим, *Тарих-и аламара-йи Надири*, т. III, л. 134.

[108] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1745, д. 18, л. 265.

Движение Сефи-мирзы по-разному воспринималось его участниками. Сам Сефи-мирза, происходивший из крестьян, в 30-х годах выступал во главе народных масс в защиту их интересов. Бежав в Турцию, где он пользовался поддержкой султана, Сефи-мирза в 40-х годах уже являлся ставленником Турции и, опираясь главным образом на ее военные силы, претендовал на шахский престол. Народные же массы, поддерживая Сефи-мирзу, выступали прежде всего против грабительской налоговой политики Надир-шаха. Движение Сефи-мирзы потому и нашло такой живой отклик среди населения, что в этот период во многих областях страны (например, в Тавризском вилайете, на севере Азербайджана, в Центральном Иране и т. д.) происходили волнения и восстания, вызванные резким усилением налогового гнета. Дагестанские же племена участвовали в движении потому, что стремились «с помощью турок отомстить кызылбашам»[109]. Для нас это движение интересно лишь с точки зрения участия в нем народных масс, которые, будучи недовольны грабительской налоговой политикой Надир-шаха, готовы были поддержать любое движение, направленное против его власти.

Восстания в Гиляне и других областях Ирана (1744—1747)[110]. В 1744—1747 гг. происходили многочисленные восстания в Гиляне. Летом 1744 г. начались волнения среди талышей. Как сообщает очевидец, «талышский народ паки замешание учинил»[111]. Движение, возникшее под лозунгом свержения Надира и первоначально охватившее лишь район Астары, имело большое влияние на весь Гилян. По свидетельству современников, «во всей Гиляне страх и великая опасность»[112]. Войска, посланные на усмирение талышей, разорили селения, охваченные восстанием, и, взяв в плен 25 зачинщиков, отправили их ко двору шаха. Однако волнения вспыхнули с новой силой и продолжались до февраля 1746 г. Движение

[109] Мухаммед Казим, *Тарих-и аламара-йи Надири*, т. III, л. 134.

[110] Восстания, происходившие в Гиляне в 1744—1747 гг., совершенно не отражены в литературе. В источниках о них содержатся весьма отрывочные и неполные сведения.

[111] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1744, д. 7, л. 404.

[112] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1745, д. 18, л. 817.

в Гиляне, как и в других местах, было связано с усилением налогового нажима на население. Во главе повстанцев встал Кальб Хусейн-бек, который объявил о своем неподчинении шаху, «в чем его сие наипаче подкрепляет, что талышские жители с возможным рачением к нему поспешествуют и за одно себя берегут и охраняют»[113]. Для подавления восстания Надир послал отряд, насчитывавший 1,5 тыс. воинов, который, однако, не смог добиться успеха. Тогда против восставших был направлен отряд, состоявший из 3 тыс. афганцев. Но и они не могли усмирить повстанцев. Шахские военачальники вынуждены были обещать талышам простить их, если они добровольно прекратят борьбу.

Племенная верхушка, принимавшая участие в восстании талышей, изменила им и явилась с повинной в лагерь шахских войск. После этого с ее помощью часть астаринских и талышских деревенских старост была поймана и взята в плен. Многие из них «для взыскания с них доимок и положенных штрафных денег» содержались под арестом, а некоторые «были закованы в колодки»[114].

Движение потерпело поражение. Основную силу восстания составляли крестьяне и кочевники. Переход на сторону шаха племенной верхушки ускорил подавление восстания.

Английский посол в России Гиндфорд, получив в начале 1747 г. донесение из Ирана, сообщал статс-секретарю короля лорду Честерфилду: «Английские купцы, заинтересованные в персидской торговле, получили известие о возмущении в этой стране некоторых провинций против шаха Надира и что мятежники грабят и жгут все везде, где появляются, так что есть основание бояться, что провинция Гилян, где находится английская фактория, скоро последует примеру других»[115]. В начале 1747 г. действительно вспыхнуло новое восстание в Гиляне.

Причиной его послужило наложение на население сверх обычных сборов еще новых денежных податей. Не-

[113] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1746, д. 7, л. 30.
[114] Там же, д. 11, л. 15, 16.
[115] *«Донесение Гиндфорда Честерфилду из Петербурга 25 июля 1747 г.»* («Сборник Императорского российского исторического общества», т. 103, стр. 352, 353).

смотря на то что налоги были уже отправлены Надиру, он приказал послать в Гилян войска и собрать с населения крупный денежный штраф и «под другим званием разные поборы»[116]. Основным очагом восстания на этот раз был район Кескера. Купцы и комиссионеры английской фактории обратились с петицией к английскому послу в России Гиндфорду с просьбой защитить их и предоставить им два корабля для переезда и перевоза их имущества из Ирана[117].

Восстало прежде всего податное население. Один из русских дипломатов писал: «подлый народ в Гиляне взбунтовался и их немалое число»[118].

Недовольство и брожение охватили и представителей гражданской бюрократии. Один из них, Ага-Хасан (бывший «начальник казенных денежных сборов» в Гиляне), в беседе с членами русского посольства говорил, что к нему приходят многие гилянские старшины, жалуясь на свою бедность и жестокость Надира, и просят «его в свое согласие, чтобы купно со всей провинциею от шахова послушания в рассуждении здешних крепких мест отложиться». Старшины предлагали Ага-Хасану возглавить их движение, а у присланных в Гилян шахских сборщиков отобрать собранные с населения деньги, прочих же «служилых шаховых людей, обратившихся в Гилян, убить»[119].

Такие действия старшин можно объяснить тем, что они, будучи ответственными за сбор налогов, знали, что при голоде и волнениях, царивших в Гиляне, они не обеспечат сбор тех сумм, которые было приказано послать в казну. Поэтому старшины, уверенные в поддержке населения, намеревались выступить против шахской власти.

Наряду с волнениями в Гиляне в 1746—1747 гг. во многих областях страны население, доведенное до крайности многочисленными поборами и притеснениями, также выступало против шахской власти.

В 1746 г. начались волнения среди гильзаев, кочевавших между Кандагаром и Кабулом. Вскоре правитель

[116] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1747, д. 5, л. 173.
[117] «Сборник Императорского российского исторического общества», т. 103, стр. 371.
[118] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1747, д. 5, л. 150.
[119] Там же, д. 3, л. 267.

Кабула Таги-хан (возглавлявший в 1744 г. восстание в Фарсе) присоединился к ним и снова объявил о своем неподчинении шаху [120]. Примеру гильзаев последовало племя хезаре, местом кочевья которого являлся район Герата. Хезарейцы объединились с жителями Герата и выступили против шахских властей. Али Кули-хан отправил против них отряд, состоящий из 4 тыс. человек. Часть повстанцев была взята в плен, многие из них казнены. Среди восставших находилась и знать города [121].

Волнения населения охватывали все новые и новые области страны. Племя бахтиар, на которое было начислено 500 тыс. туманов налога, в 1746 г. подняло восстание. Вскоре отряды повстанцев, презрительно называемые Мухаммедом Казимом «войском черни и воров», были разгромлены шахскими войсками [122].

В 1747 г. вновь восстало население Мазандерана, правитель области был убит. Восстания начались и у турецких границ в районе Урмии и Мараги [123]. Гиндфорд доносил Честерфилду в начале 1747 г., что «во всем персидском королевстве страшные беспорядки» [124].

Восстание в Систане (1746—1747)[125]. Одним из наиболее крупных движений 1746—1747 гг. было восстание в Систане, начавшееся летом 1746 г. И здесь причиной явились непосильные подати.

Шахские сборщики любыми способами выжимали с населения налоги, причем, значительная часть казенных денег была ими присвоена. Узнав об этом, Надир-шах приказал казнить сборщиков и отправил в Систан новых чиновников, которые должны были вновь собрать около 1 млн. туманов [126]. Население Систана восстало. Первоначально в восстании участвовало около 20 тыс. человек «всякого звания» [127]. Руководил восстанием Фатх Али-хан, который разослал своих гонцов в Фирузкух, Феррах и другие местности с призывом не подчиняться требованиям сборщиков [128].

Отправленный Надир-шахом 30-тысячный отряд был разбит повстанцами. Усиление восстания вынудило Надир-шаха посылать в Систан все новые и новые войска. Мухаммед Риза-хан с большим отрядом хорасанских воинов осенью 1746 г. нанес сильное поражение восставшим и захватил в плен Фатх Али-хана, который в октябре 1746 г. был привезен к шаху и ослеплен. Однако восстание не прекратилось. Повстанцам удалось наладить связь с восставшим населением других областей. Вскоре к ним присоединились афганцы, кочевавшие у Кандагара, ургенчские йомуды, население Кабула во главе с правителем Таги-ханом и отряды, прибывшие из Кермана; на сторону восставших переходили и шахские войска [129].

На подавление восстания Надир-шах отправил отряды под командованием своего племянника Али Кули-хана и Тахмасп-хана джелаира. Часть систанской знати, предав восставших, помогла Али Кули-хану добиться успеха и захватить в плен около 1 тыс. повстанцев. Во всех же последующих сражениях шахские войска терпели поражения. В это же время стало известно, что Надир-шах конфисковал все имущество своего племянника Ибрагим-хана и приказал Али Кули-хану, очевидно в наказание за поражение, заплатить в казну 100 тыс. туманов, а Тахмасп-хану джелаиру — 50 тыс. Получив такой приказ и убедившись в невозможности подавить восстание, Али Кули-хан присоединился к повстанцам. Вскоре к Али Кули-хану с изъявлением покорности стали прибывать отдельные феодалы и население области [130]. Надир-шах, рассчитывая договориться с Али Кули-ханом мирным путем, отправил ему письмо, в котором обещал высокие должности в случае прекращения восстания, а Тах-

[120] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1746, д. 16, л. 387, 429; 1747, д. 1, л. 171—179.

[121] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1747, д. 5, л. 155, 156.

[122] Мухаммед Казим, *Тарих-и аламара-йи Надири*, т. III, л. 171.

[123] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1747, д. 5, л. 212.

[124] «Сборник Императорского российского исторического общества», т. 103, стр. 371.

[125] Восстание в Систане не отражено в советской исторической литературе. Зарубежные авторы кратко сообщают об этом восстании.

[126] Мухаммед Казим, *Тарих-и аламара-йи Надири*, т. III, л. 239

[127] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1746, д. 16, л. 356.

[128] Мухаммед Казим, *Тарих-и аламара-йи Надири*, т. III, л. 239, 240.

[129] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1746, д. 6, л. 371; 1747, д. 1, л. 179; д. 3, л. 79.

[130] Мухаммед Казим, *Тарих-и аламара-йи Надири*, т. III, л. 243, 244.

масп-хану джелаиру приказал убить Али Кули-хана[131]. Тахмасп-хан должен был оставаться в Систане, пока все «систанские жители от чинимых возмущений укрощены и в достаточное послушание приведены не будут»[132]. Однако привести в повиновение жителей оказалось невозможным. Население, измученное и разоренное непосильными поборами, оказывало упорное сопротивление шахским войскам. Восставшие заявили, что они согласны лучше погибнуть, чем попасть в руки шаха. С приближением шахских войск население закапывало фураж и продукты. Восстание принимало все больший размах.

Мухаммед Казим писал, что в Систане Али Кули-хан застал картину ужасающего разорения и опустошения. В то же время сюда каждый день поступали слухи о новых жестокостях Надира; пришло известие об ослеплении и убийстве нескольких афшарских ханов, близких родственников шаха (Имам Кули-хана, Мухаммед Али-хана, Касим-хана афшара и др.). Али Кули-хан восстал. По его приказу многие жители области, которые разбежались в окрестные горы от преследований шахских сборщиков, вернулись и поселились на прежних местах[133]. Когда весть о восстании Али Кули-хана распространилась в Хорасане, к нему отовсюду стали прибывать правители областей, гонцы от различных феодальных владетелей, которые изъявляли свою готовность примкнуть к восстанию Али Кули-хана. В апреле 1747 г. Али Кули-хан вошел в Герат, куда прибыли многие вожди племен и обещали ему помощь и поддержку.

Русский посол князь М. М. Голицын доносил 13 апреля 1747 г. из Решта: «По всем предъявленным персидским мятежам, кои везде распространяются и по крайней всего здешнего народа от неумеренного шахова грабительства и тиранства бедности, вся Персия к конечному падению наклоняется, как все сами персияне единогласно и заподлинно уверяют, что в Персии одна только хуросанская провинция немного произобильнее других, но и там до того придет, что шаху при систанском буите армию свою прокормить будет нечем. Прочие же провинции едва не все и самая столица Исфаган в разорение пришла, да и взять от российских границ города и деревни, кои мне самому в проезде видеть случилось все в разоренном состоянии находятся и ни одной деревни жилой нет, и все обыватели оных разбежались... А о систанцах от всех слышно, что оные усиливаются, чему верить можно, ибо шах в тех краях долго бы мешкатца не стал, ежели бы от тамошних народов опасности ему не было. Нескрытно говорят и о войске шаховом, что из оного многие по причине, что жалованием пред прежним обижены и другими разными страхами отягчены и изнурены, беспрестанно бегают»[134].

Восстание в Кермане произошло летом в 1746 г.

В донесении от 30 сентября 1746 г. консул Бакунин писал: «Город Кирман с своим уездом, купно с систанцами от послушания шахова отложился и тамошние командиры и старшины к шаху не явились, объявя точно, что служить ему они рады, но к отчету к нему не едут, понеже, кто ни ездит, каждому глаза выкалывает и ослепляет... лучше они помрут с глазами в Кирмане, нежели ...при дворе его быть под палками слепые или удавлены»[135].

Прибыв в Керман, Надир-шах начал расправу с местными жителями[136]. «Марта 14 дня задавлено тритцать человек, в том числе четыре хана, трое султанов, один чауш баша, выколото глаз дватцати человекам, и тако ежедневно чинит без разбору, и кто бы и какова чину ни был, к тому ж и своих военных людей не щадит, но равномерно и с ними то же чинит: глаза колет, и давит, башня из голов под Кирманом зделана, между четырех кирпичей по голове, видно, что все те головы были людей старых, ибо все седые..., глаза колотье, битие чинят ежедневно, от чего такое вытие и воздыхание с криком от женщин, мущин... что весьма жалостно слышать»[137],— читаем мы в дневнике члена русского посольства.

[131] Там же, л. 245, 246.
[132] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1746, д. 16, л. 450.
[133] Мухаммед Казим, *Тарих-и аламара-йи Надири*, т. III, л. 243.

[134] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1747, д. 3, л. 198.
[135] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1746, д. 11, л. 303, 304.
[136] Мухаммед Казим, *Тарих-и аламара-йи Надири*, т. III, л. 238, 239.
[137] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1747, д. 3, л. 242

Базен своими глазами видел в Кермане огромную пирамиду, сложенную из отрубленных голов[138].

Тяжелое положение государства еще более усугубилось *возмущением курдов Хабушана.* Курдские ханы всегда преданно служили Надир-шаху и, будучи наиболее влиятельными среди знати многих других кочевых племен, занимали ответственные должности в государственном управлении и в войске. После окончания войны с Турцией Надир-шах обложил кочевое население Хабушана огромным налогом в размере 400 альфов. Курдские ханы Мухаммед Джафар-хан зафаранлу, Ибрагим-хан кейванлу и другие, которые находились на службе в войске Надир-шаха, сговорившись, тайно бежали в Хабушан вместе со своими войсками. Восстание приняло широкие размеры. Попытки подавить его не имели успеха. Восставшие курды не ограничивались обороной; они нередко совершали нападения на шахские войска, угоняли табуны лошадей и вновь укрывались в горах.

Восстание в Исфахане, так же как и в других местах, было вызвано безудержным грабежом населения под предлогом сбора налогов. Еще в феврале 1746 г. В. Братищев писал: «Испаганские жители не рады, с глубокой прискорбностью и сокрушением приезд своего государя чувствуют, и видят понеже с шаховой стороны не милость и снисхождение, но гнев и свирепство к ним показывается; нет того дня, в которой бы за налагаемый на каждые чины несносной штраф, тиранского грабежа, бесчеловечного мучения не происходило. Его величество начисто старинную столицу очищает и обывателей до последней нити обдирает; да и во всей Персии не иное кроме тяжкого стенания, не утомнаго вопля, кровослезнаго плача, печального воздыхания, нищеты и всяких бедственных приключений не слышится»[139]. О волнении среди исфаханцев мы читаем в «Журнале» дворянина С., бывшего в Исфахане в конце марта 1747 г. За два дня до его приезда в город здесь были шахские сборщики, потребовавшие с жителей Исфахана и армянской купеческой колонии Новой Джульфы уплаты огромной суммы денег.

[138] «*Lettres édifiantes...*», p. 305.
[139] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1746, д. 7, л. 31

Городские старшины, в частности правитель Исфахана, и джульфинские купцы возмутились. «Хан с протчими своими старшинами учинили зборище и положили то, что нетокомо вновь сбирать с народу денег, но и старым доимкам отказать, и махасилам запретить более людей не мучить, и о том к шаху писать, что не токмо нынешное вновь требуемое 6 элфов, но и старые деньги не собраны, хотя обыватели не токмо иждивение свое распродали для уплаты, но уже жен и детей продают и то купить некому». Исфаханцы стали деятельно готовиться к обороне города, предполагая, что его придется защищать от шахских карателей[140]. Посланное Надиром значительное войско устроило в Исфахане страшное избиение.

Восстание в Фарсе произошло после прибытия шахских сборщиков налогов. Карательные отряды жестоко расправились с местным населением, а Клыч-хан кенджлу, правитель Фарса, который принимал участие в восстании, по приказу шаха был убит карателями. После этого в области воцарилась полная анархия. Воины Клыч-хана разграбили имущество и деньги, хранившиеся в его казне, и каждый из них направился на родину; по словам Мухаммеда Казима, «войско Фарса рассеялось». Когда об этом узнал Надир, правителем Фарса он назначил Мухаммед-хана караджурлу. Однако вскоре его сменил один из приближенных шаха — Мухаммед Шатир-баши, который во главе значительного войска направился в Шираз. Но по прибытии его в Фарс в области начались новые восстания; беглербег был убит. Область Фарс вместе с Ширазом фактически отпала от государства Надир-шаха[141].

Серьезные волнения происходили среди населения Ирака (персидского), Хузистана, Келемрау. Надир во главе войска отправился усмирять повстанцев. Во всех деревнях и городах, куда он прибывал, воздвигались пирамиды из человеческих голов. Базен, сопровождавший Надир-шаха в этой карательной экспедиции, пишет, что «чрезмерные налоги и варварская жестокость, с которой они взимались, довели народ до крайней нищеты ...все, что можно представить себе несправедливого и жестоко-

[140] АВПР, «Сношения России с Персией», 1747, д. 3, л. 250.
[141] Там же, л. 238

го, совершалось по приказу шаха»[142]. «Его жестокость не сдерживалась ни справедливостью, ни слезами нищеты,— пишет Ханвей.— Он пренебрегал даже правами иностранцев и защитой, которой они пользовались». Так, по приказу шаха до смерти был избит переводчик-голландец. Среди многих казненных в Исфахане были армянские и индийские купцы, сожженные живыми на городской площади[143]. После ухода шахского войска из названных областей там вновь начались волнения, так как сборщики получили приказ вымогать средства у населения, применяя при этом пытки и кровавую расправу.

НАРОДНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ НАРОДОВ КАВКАЗА И СРЕДНЕЙ АЗИИ

Вследствие завоевательных войн, которые вел Надир-шах в течение 30—40-х годов, ему удалось образовать огромную державу. В ее состав насильственно были включены Армения, Грузия, Азербайджан, Дагестан, Хивинское, Бухарское и другие среднеазиатские ханства, Афганистан, Белуджистан и северо-западные области могольской Индии. Часть этих земель была превращена в провинции государства Надир-шаха, остальные существовали на правах вассальных территорий.

Государство Надир-шаха представляло неустойчивое военно-феодальное объединение, в которое страны и народы, не связанные общностью экономической жизни, различные по культуре и историческому прошлому, были включены насильственно.

Искусственное объединение различных стран в рамках одного феодального государства, связанное с суровым чужеземным гнетом, жестокой феодальной эксплуатацией, религиозными преследованиями и кровавым подавлением освободительной и классовой борьбы народов, сказывалось крайне отрицательно на состоянии производительных сил покоренных стран, тормозило их экономический и культурный прогресс.

Народные массы были непримиримы к чужеземному игу. В 40-х годах XVIII в. все страны, насильственно

[142] *«Lettres édifiantes...»*, p. 300.
[143] J. Hanway. *An historical account...*, vol. II, p. 431, 432.

включенные в состав государства Надира, были охвачены глубоким брожением: в Грузии в течение 10 лет (1735—1744) происходили серьезные восстания, в результате которых Надир вынужден был отказаться от превращения Грузии в свою провинцию; в Афганистане вспыхивали непрерывные восстания афганских племен, жестоко подавляемые шахскими правителями.

Дагестан в первой трети XVIII в. представлял ряд мелких, обособленных феодальных владений. Крупными из них были: шамхальство Тарковское, княжество Тюменское, усмийство Кайтагское, майсульство Табасаранское, ханства Аварское и Казикумухское, владение Цахурское и др.

В годы правления Надир-шаха одним из значительных владетелей в Дагестане, который объединил под своей властью Ширванское и Казикумухское ханства, был Сурхай-хан. По его приказу гонцы Надира, прибывшие в 1734 г. в Шемаху к Сурхай-хану с требованием покорности, были схвачены и убиты. В ноябре 1734 г. близ Шемахи произошла встреча войск шемахинского и казикумухского правителя с силами Надира. Сурхай-хан был разбит. Вскоре после ряда побед над турками, поддерживавшими Сурхай-хана, войска Надира заняли весь Ширван; Шемаха была опустошена и разрушена. В шести милях от ее развалин была основана новая Шемаха, куда были переселены все жители старого города. На горожан была наложена большая контрибуция. Жестокая расправа с жителями Шемахи и разрушение города были наказанием за упорное сопротивление войску Надира[144].

Сурхай-хан бежал в дагестанские горы. Преследуя его, Надир двинулся в Дагестан, разрушая встречавшиеся на пути аулы и беспощадно расправляясь с мирным населением. Племена Аварии, Ахты и многих селений Дагестана поднялись на борьбу с завоевателями. К ним присоединились табасаранцы и кайтагцы. После ряда безуспешных попыток проникнуть в глубь территории, населенной свободолюбивыми горцами, и подчинить их Надир вынужден был отступить в Ширван.

[144] [С. Решетов] *«История о персидском шахе...»*, стр. 285; Акоп Шемахеци, *Походы Тахмасп Кули-хана*, стр. 43.

Беглербегом Ширвана шах назначил Мехди Кули-хана. Ему были подчинены Дербентское ханство и Бакинское наибство. В 1736—1737 гг. происходили волнения, охватившие Ширван и Дагестан. Бывший ширванский владетель Султан-Мурад заключил союз с Сурхай-ханом для совместной борьбы против Надир-шаха. Сурхай-хан и Султан-Мурад во главе большого войска подошли к стенам Дербента, где была резиденция Мехди Кули-хана. Дербентская крепость пала, Мехди Кули-хан был убит, а гарнизон города уничтожен. Султан-Мурад стал правителем Ширвана.

Весной 1736 г. И. Калушкин сообщал, что Сурхай-хан напал на старую Шемаху, опустошил окрестности Дербента, местные власти опасались нападения на Ардебиль. «И такие великие волнения шаху успокоить трудно, что повсюду надобно войско, которого за всеконечным оскудением людей набрать негде, разве всех торговых людей и персьян поголовно побрать, да и за крайним разорением и содержать будет нечем»[145]. В октябре 1736 г. И. Калушкин писал о «беспокойстве в стране и разорении от военных людей, которые грабят всех без остатку... непрестанные замешания, старые утихают, а новые настают, как и в Дербенте учинилось, что обыватели, не вытерпя нападки присланного туда шамахинского беглербега, не токмо ему учинились непослушны, но єво самого с великим безчестием таскали по улицам и били смертным боем. И дербенскому командиру от правления отказали»[146].

В восстании против завоевателей принимали участие феодально зависимые крестьяне и вольные общины джарцев, аварцев, ширванцев и др. Некоторые представители феодальной знати пытались ограничить восстание рамками религиозной борьбы.

После подавления восстания в Дербенте 100 дворов были переселены в Хамадан[147]. Владения дагестанских феодалов, которые признали себя шахскими подданными, были обложены тяжелой данью. Одновременно Надир

[145] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1736, д. 8, л. 410, 411.

[146] Там же, д. 10, л. 74.

[147] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1737, д. 7, л. 209.

отправил войска во владения—усмия, Сурхай-хана, шамхала «для расположения оброку на оных». Однако, как отмечал русский дипломат, «от того никакого доброго следствия ожидать неможно. Ибо неуповательно есть, что оные горские владельцы допустили на себя поборы расположить, понеже с них никаких податей никогда не бирано, но еще они сами от шахов получали награждение»[148].

Летом 1737 г. Ибрагим-хан, брат Надир-шаха, нанес дагестанцам, занявшим Кахетию, несколько поражений, после чего его войско направилось в Дагестан. Некоторые феодалы прекратили сопротивление. Только усмий и сын Сурхай-хана Муртаза Али отказались признать власть Надира и призывали народ к борьбе[149].

В 1738 г. во главе 32-тысячного войска Ибрагим-хан направился во владения усмия, где было задумано соорудить военное укрепление. В местности Ак-Бурдж Ибрагим-хан хотел построить другую крепость, которая должна была стать базой для военных операций против племен Джара и Тала. Горцы близлежащих к Ак-Бурджу аулов стали деятельно готовиться к отпору. Им на помощь пришли 20 тыс. каракайтагцев. Ибрагим-Дивана и Халил (главы джарских племен), командовавшие объединенными силами дагестанских горцев, построили свои отряды в дефиле, через которые должны были пройти войска Ибрагим-хана. В сражении, происшедшем недалеко от г. Джаника, Ибрагим-хан и Угурлу-хан ганджинский были убиты. Их войско потерпело поражение. Мухамед-хан афшар с трудом собрал и привел к берегам Аракса остатки войска. Это произошло в середине ноября 1738 г.[150].

Многотысячное карательное войско во главе с Гани-ханом абдали, командующим афганскими наемниками, Фатх Али-ханом и другими военачальниками по приказу

[148] Там же.

[149] Мухаммед Казим, *Тарих-и аламара-йи Надири*, т. II, л. 169, 170.

[150] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1738, д. 7, л. 729, 755. — Об этом поражении шахского войска, едва ли не поголовном его истреблении, паническом отступлении из Дагестана, больших потерях людьми и снаряжением сообщал И. Калушкин в реляциях от 20 и 30 ноября 1738 г.

шаха было направлено на подавление освободительного движения. В течение нескольких месяцев отряды разрушали селения джаров и талийцев. Однако путь их лежал через местности, лишенные фуража и продовольствия; животные гибли от голода и во время трудных горных переходов. Дагестанцы утомляли противника частыми и неожиданными нападениями. Шахское войско было сильно истощено и обессилено [151].

Даже те дагестанские феодалы, которые прежде признали себя подданными шаха, вновь отказались ему повиноваться, другие же обратились за поддержкой к турецкому султану и объявили себя его приверженцами. В реляции от 16 июля 1741 г. И. Калушкин писал: «Горские люди будучи от турок поощрены и видя на себя шахово наступление не так перед его величеством себя раболепно оказывали, как об них сам шах и все при дворе его пред сим рассуждали» [152]. Дагестан фактически отпал от империи.

Весной 1741 г. по окончании похода в Среднюю Азию Надир-шах снова предпринял поход в Дагестан. Одновременно он приказал соорудить три крепости поблизости от владений Сурхай-хана, казикумухского усмия и шамхала, на что были выделены значительные средства [153].

Лакский эпос передает: «Закованные в железо, жаждущие наживы многочисленные полчища шаха Надира направились потоком в страну гор, как из муравейника» [154]. Направляясь в дагестанские горы, Надир распорядился, чтобы Фатх Али-хан с двадцатитысячным войском выступил против Сурхая и усмия, «жилища и всех бы горских людей рубил наповал». Сам Надир «всегда ал-кораном кленетца горских людей в достаток искоренить» [155].

---

[151] П. Г. Бутков, *Материалы для новой истории Кавказа*, т. I, стр. 210, 211.

[152] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1741, д. 7, л. 259.

[153] Там же, л. 113, 116.

[154] А. Тамай, *Борьба народов Дагестана за свою независимость (30—40-е гг. XVIII в.)* (канд. диссертация, 1953, Институт истории Академии наук СССР), стр. 177.

[155] АВПР, ф. «Сношения России с Персией, 1741, д. 7, л. 223, 224. — По данным, приведенным в источниках, Надир через Барду, Кабалу и Шах-Дега направился к Лакии. Другое соединение шахского войска двинулось через Дербентские ворота в равнинные

И. Калушкин сопровождал Надир-шаха в дагестанском походе, поэтому его сообщения о борьбе народов Дагестана особенно интересны.

Шахское войско разрушало все попадавшиеся ему селения. К июлю 1741 г. все деревни на подступах к Казикумуху оказались разоренными. Тем не менее население не сдавалось. «Кровью потекли реки, алой кровью окрасились горы, черные ущелья стелились трупами. Славные города и аулы превратились в развалины, в которых вили себе гнезда вороны. Цветущий край опустошен»,— передает лакский эпос [156].

Народную борьбу против завоевателей подрывала непоследовательность местных дагестанских феодальных владетелей, грызня и усобицы между ними.

12 августа 1741 г. И. Калушкин сообщал из Казикумуха: «Сурхай видя горских людей в крайнем несогласии и себя самого от сыновей своих оставлена, через Гани-хана изъявил покорность». Надир встретил его в своем лагере очень холодно, но на другой же день наградил почетным халатом» [157]. Вскоре сдались усмий и вступившие с ним в союз сыновья Сурхай-хана. Надир, «видя Сурхая и усьмея власти своей покорены,— писал резидент,— час от часу в такую заносчивую гордость приходит, которую и описать трудно и — он хочет со всей Дагистани потребовать в службу до двадцати тысяч, а до остальных перевесть на житье в Персию. И для того в окрестные места разослал едва не все свое войско, между которыми и сопротивляющимися лезгинцами, понеже они о переселении слышать не хотят, непрестанные схватки происходят. Однако не могли против персиян стоять наконец принудимы бывают сдаватца, таковые по указу шахова ни единого человека живого не оставляют, но всех рубят напополам, а жен их и детей и по сие время достать не могут» [158].

В реляции от 29 августа 1741 г. из Казикумуха И. Калушкин отмечал, что, хотя «некоторые маломочные де-

---

районы Кайтагии, через шамхальскую территорию — во владения хана Джснгутайского (А. Тамай, *Борьба народов Дагестана...*, стр. 178, 179).

[156] А. Тамай, *Борьба народов Дагестана...*, стр. 178.

[157] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1741, д. 7, л. 282.

[158] Там же, л. 298.

ревни без далного супротивления [Надир] и преодолел, однако потом от других крепкую оборону увидел, из которых одна в пятнадцати верстах от нашего лагеря лежащая в горе, на некоторой способной к обороне высоте, деревня по причине учиненного от нея сильного и к вящему персиянам посмеятельному руганию отпора, заслужила имя, наступателям своим достопамятна быть».

В этой деревне, по сообщению И. Калушкина, только 600 человек владели ружьем. Против них был послан тысячный отряд, а отборное семитысячное войско было отправлено в качестве запасного. Горцы сопротивлялись ожесточенно. В течение десяти дней происходили непрерывные схватки, «и всегда персияня принуждены были с нарочитым уроном отступать». Горцы предприняли вылазку, «в которой между мужским полом к неслыханному удивлению и женщины были и в расплох на персиян так дружно ударили, что из оных с триста человек убили и много на побеге ранили». Это поражение передового отряда шахского войска внесло замешательство в ряды запасного войска, которое так и не вышло из засады. На следующий день жители покинули пустое селение, которое было разрушено воинами Надира, и ушли в горы [159].

Население казикумухских деревень, находившихся поблизости от шахского лагеря, также ушло в горы, откуда каждую ночь одни из них совершали набеги на лагерь и уводили лошадей, другие приходили в свои селения «и стоящий в поле хлеб брать не дают, истребляют из ружей». Даже в Казикумухе, большая часть которого была занята войсками Надира, его власть оставалась призрачной. «И по сие время из покоренных деревень в службу набрано толко двести человек, которые между авганцами раскосованы»,— замечает И. Калушкин. Надир потребовал от Сурхай-хана и усмия снарядить по отряду воинов, состоящему из тысячи человек, а также поставить провиант для шахского войска и назначить по тысяче человек для переселения в глубь Ирана. Русский резидент объяснял умеренность этих требований опасениями Надира еще больше ожесточить горцев [160]. Но даже

[159] Там же.
[160] Там же.

и эти требования оказались невыполненными. В реляции И. Калушкина от 8 ноября 1741 г. говорится, что в шахский лагерь явился Сурхай-хан с отрядом, состоящим из 400 пеших воинов, и доложил Надиру, «что он более того числа дать власти не имеет, понеже все его деревни, имея с аварским усмеем сообщение, учинились ослушны, а о сыновьях своих, где они скрылись и знать не может» [161].

Осенью 1741 г. Надир выступил в поход в Аварию. Дагестанская кампания вообще и поход в Аварию, в частности, были страшно непопулярны среди воинов шаха. По свидетельству И. Калушкина, находившегося в это время в шахском лагере, войско в этот поход шло «с вящим нехотением»; воины, слышавшие о неприступных аварских горах, осенних стужах, «о шахе всякие поносительные слова с крайним руганием явно произносили» [162].

Курьеры, прибывавшие в Дербент в течение сентября 1741 г., рассказывали, что аварский усмий хорошо укрепился и оказывает Надиру упорное противодействие «и от такого сопротивления его величество впервые податся [вперед] никак не может». Шахское войско несло значительные потери. По приказу Надира в Аварию стягивались войска из других местностей Дагестана, в частности двенадцатитысячный отряд, стоявший в Табасаране, под командованием Хайдар-хана [163].

В реляции И. Калушкина от 21 сентября 1741 г. из Дербента рассказывается о безуспешности военных действий против аварцев. Во время боя в горных теснинах у Хайдар-хана из 4 тыс. человек осталось всего 500. Другой отряд также был почти полностью истреблен в местности Джалал-бек: из 6 тыс. воинов уцелело лишь 600 [164]. На помощь аварцам стекались лакцы, даргинцы, акушинцы, кубачинцы, джар-талийцы, кюринцы, кумыки, кайтагцы и др.

Упорные военные действия происходили и в селениях Сограгал, Могеб, Уллучара, Обох и др. Решающее значение имело сражение при селении Чох, которое длилось несколько суток; в нем принимали участие старики, жен-

[161] Там же.
[162] Там же, л. 330.
[163] Там же, л. 355, 356.
[164] Там же, л. 375, 376.

щины и дети. Войско Надира потерпело страшное поражение и обратилось в беспорядочное бегство [165].

Стойкое сопротивление аварцев заставляло шаха все чаще прибегать к подкупам и всевозможным обещаниям, но аварцы «ни малые склонности не оказывали, но паче все ево ласкательные увещевании в обман вменяли и ко учинению крепкой обороны не ослабляли» [166],— доносил И. Калушкин. В горах выпал снег. Шахское войско с большими потерями начало отступление из суровой Аварии. Жители деревень, встречавшихся на его пути, покидали жилища и уходили в горы, «оставя наступателям своим только одни стены, над которыми персияне мужественную храбрость свою показали» [167].

Отступавшее войско подвергалось непрерывным атакам аварцев. Причем «иногда на шаха так жестоко били, что его самого принуждали троекратно к обороне назад оборачиватца» [168]. Аварцы сбрасывали с гор камни на проходившие внизу отряды. Из-за дождей персидские фитильные ружья не действовали; воины были фактически безоружны и служили мишенью для горцев, пользовавшихся кремневыми ружьями [169].

В письме к Надиру усмий писал о своем непреклонном намерении сражаться с ним и требовал, чтобы шах покинул пределы Дагестана: «Правда, что мы слыша о тебе издалека опасение имели, а ныне тебя самого видели, то не такой ты страшный человек, чтоб с тобою и управиться было невозможно» [170].

В реляции от 28 сентября 1741 г. из Дербента И. Калушкин сообщал: «и таким ускорительным маршем, который по справедливости за побег причесть можна, наигоршей вред себе нанес, ибо великое число в войске ево хворые и пешие, имелись тако же и те, у которых лошади были худы и за ним поспешить не могли, оставляя позади, все в руки неприятельские достались» [171].

[165] А. Тамай, *Борьба народов Дагестана...*, стр. 180, 182, 184.
[166] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1741, д. 7, л. 375, 376.
[167] Там же, л. 377.
[168] Там же, л. 411, 412.
[169] Там же.
[170] Там же, л. 416.
[171] Там же, л. 390.

По следам отступающего войска шли небольшие отряды горцев, которые отбивали своих пленных земляков, подбирали бросаемое оружие и поклажу: «Его величество, видя, с злости плакал» [172].

Упорная борьба аварцев надломила силы шахского войска. В Дагестане Надир имел 52 тыс. воинов, а после окончания похода в Аварию — не более 27 тыс., «между которых весьма много хворых и раненых и все в гнусном состоянии содержатся» [173].

В реляции от 28 сентября 1741 г. И. Калушкин писал: «Его величество в такое беспокойство пришел, что сон от него отступил и без временно ночью иногда дважды и трижды из женских шатров выходит в переднюю свою палатку и сидит часа по два; тогда кто бы ему в мысль ни подвернулся, велит к себе звать и за ни что казнить. Причем неумолкая кричит, каким образом он предвидит, что счастье от него начинает отступать» [174].

Набеги аварцев на Дербент, на шахские отряды и лагерь не прекращались и «стали быть неистерпимы». 14 октября 1741 г. Надир-шах лично возглавил второй поход в Аварию, «куда войско, будучи от лезгинцев так настращено, что с великою боязнию в путь отправилось» [175]. В стычках с аварцами шахское войско почти неизменно терпело неудачу [176]. Надир говорил своим военачальникам, что «он видит, что нынешнее ево войско ни к чему годное, которое против лезгинцев ни мало стоить не могут» [177].

Жители дагестанских селений укрылись в горах, «и ныне шаховы храбрые действа состоят в разорении пустых деревень, над которыми победоносная ево сабля не имея ни малого сопротивления распространяется» [178]. В этих деревнях скрывались 12 глубоких старцев, «шах в злости приказал оных бедных уже без всего летами отягощенных людей в части изрубить» [179]. Однако

[172] Там же, л. 391.
[173] Там же, л. 394, 395.
[174] Там же, л. 409.
[175] Там же, л. 441.
[176] Там же, л. 452—454.
[177] Там же, л. 467.
[178] Там же, л. 468.
[179] Там же.

в реляции И. Калушкина от 7 ноября 1741 г. сообщается, что «шах и в тех двух пустых деревнях устоять не мог, как по причине несносного голода, от которого в войске ево множество людей помирает, так и от продолжаемых дождей, паче, что горские люди его всегда обеспокоивать не перестают». По ночам они совершали набеги на лагерь, людей уводили в плен, отбивали лошадей [180]. В лагере, расположенном в 15 км от Дербента, царили болезни и голод. Здесь находилось не более 12 тыс. человек, так как многие были отпущены на Муган и в Шемаху для поправки, на отдых [181]. «В лагере шахове во всем такой недостаток имеется, что все генеральной голод претерпевают, не меньше того и здесь в Дербенте в пищи крайнее оскудение продолжается, ибо много людей от голода померло, и везде по улицам и паче в нижнем городе и за городом мертвые тела валяются, такоже и дорога от сюда до Шемахи оными услана, между которыми большая часть раненых, может быть те, которых шах от слабости за увечием ран отставил и отпустил к дому» [182].

Таким образом, уже в первый год дагестанской кампании Надира его войско потерпело значительный урон.

В донесении от 30 ноября 1741 г. резидент И. Калушкин высказал свое мнение о силе шахского войска, основанное на наблюдениях за его операциями в дагестанских горах: «Итак хотя б он от дагестанских ударов поправитца и такое многочисленное войско, какое в Дагестане потерял, вновь набрать мог, к чему всеконечную невозможность усматриваю, то однакоже о нем не так уважать подлежит, как прежде невидя войско его в деле чинить причина была» [183].

В то же время сила сопротивления и решительность дагестанцев не ослабевала, а, напротив, крепла. Каракайтагцы сделали попытку объединиться с аварским усмием, к которому они обратились за помощью. Но этому помешали выпавшие глубокие снега [184]. Сурхай-хан, который сдался шаху, вызвал ненависть горцев, стойко от-

[180] Там же.
[181] Там же, л. 508.
[182] Там же, л. 470, 471.
[183] Там же, л. 499, 500.
[184] Там же, л. 469, 470.

стаивавших свою свободу. Еще в сентябре 1741 г. И. Калушкин сообщал, что Сурхай-хан прибыл в шахский лагерь под Дербентом. Он не решался оставаться в городе, так как горцы «весьма на него злобны» [185].

Попытки Надира задобрить дагестанских феодальных владетелей свидетельствовали о том, что шах не надеялся сломить сопротивление горцев лишь при помощи оружия.

И. Калушкин в реляции от 7 ноября 1741 г. сообщает, что Надир все еще надеялся склонить усмия к сдаче, обещая проявить к нему «отменную милость», как это было с Великим Моголом и бухарским эмиром. Однако гонцы шаха даже не сумели передать этого письма усмию, так как было неизвестно, где он скрывался [186]. «Сколь его величество непрестанно ищет сильною рукою дагистанцов обеспокоить и в покорение себе привести, столь и другие по уласканию оных средств употреблять не оставляет»,— пишет В. Братищев, состоявший при И. Калушкине переводчиком (впоследствии резидент). Так было послано поверенное лицо с 40 тыс. рублей для раздачи их «горским старшинам» Сурхай-хана с тем, чтобы «пристойною дачею тех денег к стороне его величества привлекал и равномерно еще и в военную персицкую службу постоянных людей набрал ...и для того все производимые расходы упомянутых денег на ево сурхайское разсмотрение отдал, обещая со всякою милостию оных удобрить» [187].

Однако Сурхай-хан не смог подкупить аварских и других старшин при помощи шахских денег. «Не токмо они ни малейшия податности по оному призыванию не оказали, но ниже слышать о том не хотят» [188].

В. Братищев отмечает, что хотя Надир и осыпал некоторых дагестанских владельцев деньгами (Мехди буйнацкого, Крым-шамхала, Элдара и др.), но пользы от этого для него никакой не было, так как даже от тех владельцев, которые признали себя его подданными, шах так и не добился послушания. «Да и никогда таким ра-

[185] Там же, л. 420.
[186] Там же, л. 477, 478.
[187] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1742, д. 5, ч. 1, л. 8.
[188] Там же, л. 44—45.

болепством,— добавляет В. Братищев,— оной своевольной народ обуздать неспособно»[189].

Надир-шах пытался склонить и горцев к покорности, изнуряя их, уводя стада, вырубая леса, уничтожая посевы. «Его величество ныне в отгоне скота у дагистанцев упражнятся начал»,— писал В. Братищев из Дербента 22 апреля 1742 г. Неожиданным набегом он отбил у акушинцев около 300 коров и овец[190]. В то же время «ко изнурении лезгинцев другие меры употреблять занужно рассудил; понеже на прошедших днях в тридцати тысячах военных людей на поля их ходил, где будучи через двой сутки на новой хлеб, пшеницу и ячмень лошадей пустил, так что сколько онаго в тамошних местах ни находилось, весь до конца потравил»[191]. «Потравлением хлебов персияне не малой вред дагестанцам, а особливо усмейским землям причинили». От голода пять домов с женами и детьми перешли в подданство Надира[192]. В Табасаране многие поля были потравлены, шахское войско на одних из них стояло целый день, а на других и по двое суток. Эти крайние меры также вынудили некоторых старшин сложить оружие[193].

Весной 1742 г. войско Надира вновь начало активные военные действия. Шах лично руководил всеми сколько-нибудь значительными операциями. В течение весны 1742 г. было совершено три набега на Табасаран для «потравления хлебов». Во время одного из них Надир едва не погиб[194]. На его глазах было убито 30 человек. Надир был сильно напуган. Мирза-Заки, один из его приближенных, приказал сотне есаулов плотно окружить шаха. В этой схватке погибло 400—600 человек. Оставшиеся в живых спаслись бегством[195].

Неудачными для шаха были и набеги на земли каракайтагцев. «Здесь персияне ни малейшия удачи ни в потравлении хлебов и ниже в сожжении лезгинских домов присовокупить не могли, но с потерянием трех сот

[189] Там же, л. 9.
[190] Там же, л. 46.
[191] Там же, л. 52.
[192] Там же, л. 149.
[193] Там же, л. 78, 97.
[194] Там же, л. 145.
[195] Там же, л. 145, 146.

человек подобное нападение сохранить принуждены»[196]. В письме из Дербента от 7 июля 1742 г. В. Братищев писал о Надире: «Куда бы он с силами своими не обратился, нигде ему нималой удачи непропадается». Буйнакские селения, старшины которых год назад изъявили ему покорность, вышли из повиновения; жители селений бежали в горы, как только узнали, что шах со своим войском направляется к ним[197]. Соседи буйнакцев, акушинцы, «опираясь на многолюдное в их жилищах собрание, более ко обороне готовы, нежели персицкой неволе себя подвергнуть соглашаются, на которое сопротивление дабы до последней капли крови усмей их побуждать не охладевает, твердя единственно, дабы отнюдь шаху не здавались»[198].

Безуспешные операции, проведенные весной и летом 1742 г., по словам В. Братищева, убедили шаха, что кроме разорения они ни к чему не приводят: «И для того идет ласкательными способами тот упорной народ к послушанию уловить». В связи с этим Надир посылал шамхала и Сурхай-хана в Аварию «сурхайского сына и тамошних старшин добровольно к покорению привлекать с повторяемым обнадеживанием, что им никаких налогов учинено не будет»; Сурхай и шамхал должны были заверить аварского усмия и других горских старшин, что Надир не имеет намерения вторгаться в их земли, а, напротив, тотчас же уйдет из Дагестана, если ему будут даны заложники. «А между тем, внимая обстоятельствам, что в действах своих ни единого успеха достигнуть не может, намеряется будущую зиму около Дербента препровождать, говоря что пока совершенно Дагистанью не овладеет, с пустыми руками он в Персию возвратится не имеет, хотя бы еще два года здесь пробыть случилось»[199].

Однако посредничество Сурхай-хана и шамхала ни к чему не привело. Сурхай, будучи в Аварии, беседовал с сыном, который, по словам В. Братищева, выхватив кинжал, сказал отцу, что «единое напоминание крови ста-

[196] Там же, л. 147.
[197] Там же, л. 176, 177.
[198] Там же, л. 195.
[199] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1742, д. 5, ч. II, л. 281, 282.

рости ево вредить препятствует, и тако наотрез ответствовал, что никогда шаху послушание принести в мысли своей не имеет»[200].

Усмий также решительно отказался внять уговорам Сурхай-хана[201]. «Аварские старшины имея довольствие во всяких хлебных припасах, и опираясь на силу множественное собрание и крепкие свои урочища на шаха не уважают, и в случае наступления персиян согласились клятвенно последней камень к обороне подвигнуть»[202],— писал В. Братищев 28 августа 1742 г. из Дербента.

Аварцы отказались выдать шаху заложников. «Стоя непоколебимо в своем намерении, касающемся до защищения обыкновенной их вольности», аварцы заявили, что они никогда Персии «озлобления и неприятельских зацеплений не наносили»; также и теперь имеют желание «постоянно при своих домах находится», но «ежели их аварцев задрать покусятся, то отнюдь уступить им не могут, и до толе полную оборону продолжать готовы, пока персицкой наглости достаточно отмстить постараются»[203].

Благодаря упорной борьбе горцев все усилия чужеземных завоевателей заканчивались провалом. «Шах военные свои действа в Дагистане еще продолжает, но нигде ему удачи нет, понеже дагистанцы сильно везде отпор чинят... Задумывает он шах на Каракайтаки ударить, но и те народы по примеру других в обман ему не отдадутся»[204].

Надир щедро одарял знать племен, сложивших оружие. Так, старшины одной из укрепленных деревень во владениях усмия явились с повинной к Надиру, возложив вину за столь упорное сопротивление на усмия Ахмед-хана. Надир-шах обошелся с ними очень ласково и одарил роскошными халатами. В октябре 1742 г. изъявили свою покорность еще некоторые племена, обитавшие по реке Самуру, за что их главы были награждены, а племена не были подвергнуты никаким репрессиям[205].

[200] Там же, л. 299—300.
[201] Там же, л. 282.
[202] Там же, л. 301.
[203] Там же, л. 329.
[204] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1742, д. 39, л. 2.
[205] П. Г. Бутков, *Материалы для новой истории Кавказа...*, т. 1, стр. 202.

К концу 1742 г. Надир-шах после многих кровопролитных сражений овладел территориями Кумуха, Кайтага, Табасарана. Но народы Дагестана еще продолжали отстаивать свои земли. Кайтагцы, табасаранцы, кумухи, даргинцы шли в Аварию, чтобы объединиться в борьбе против ненавистного ига. Страна аваров, как и земли многих других дагестанских племен, так и не была завоевана Надир-шахом.

В феврале 1743 г. Надир, уходя из Дагестана, взял заложников от каракайтагцев, кумухов, аккушинцев и некоторых других племен, «а потому считал их в своем подданстве... В этом заключались плоды его подвигов почти в течение двух лет»[206].

Войско отступало в условиях жестокой зимы. Так как не было продовольствия и фуража, смертность среди воинов и падеж скота достигли больших размеров; люди питались трупным мясом; многие воины Надир-шаха вынуждены были совершать труднейшие переходы пешком. Войско было деморализовано, значительные размеры приняло дезертирство[207]. При помощи обещаний и угроз Надир добился возвращения дезертиров в лагерь. Однако вместо сохранения жизни часть воинов была обезглавлена, а часть ослеплена. 192 отрубленные головы в 12 рядов были замурованы в стенах воздвигнутой каменной башни, которая имела 18 аршин в окружности и 25—30 аршин высоты[208].

Только в конце марта 1743 г. утомленное и обессиленное «мирпокоряющее» войско прибыло в Муган, где начались военные приготовления к предстоящей турецкой кампании.

* * *

Дагестанские походы тяжело отразились на состоянии иранского войска. Упорная борьба горцев деморализовала воинов Надира, привыкших к легким победам.

Еще в январе 1736 г. в разговоре с Мирза Мехди-ханом И. Калушкин указывал на нецелесообразность приглашения в шахский лагерь турецкого посла Гандж

[206] Там же, стр. 226.
[207] Там же, стр. 214—227.
[208] Büschings «Magazin», Bd. X., S. 421.

Али-паши, так как это означало «дать ему способ, чтоб он не токмо разорение здешней земли видеть, но и обо всем здесь проведывать мог, что бы ему и видеть не надлежало, ибо будучи в лагере легко присмотреть, в каком состоянии войско иранское находится, о чем между нами можно откровенно говорить, что оное весьма не то, которое из-под Кар-су пошло, а от последнего дагестанского похода сильно изнурено, так что без сожаления на них и смотреть нельзя»[209]. Неудачные военные действия 1741 г. и последующих лет, огромные потери и материальные затраты способствовали разложению войска Надира.

Зимой 1741/42 г. шахский военный лагерь находился в урочище Кафери на равнине реки Дарвах. Но даже и в лагере войско не было ограждено от частых набегов горцев. Жестокая зима усугубляла бедственное положение воинов Надира. Русское правительство запретило вывоз продовольствия и лошадей к персидским портам Каспийского моря; скупщики Надир-шаха пытались производить закупки у калмыков, но последние из сочувствия дагестанским племенам отказывались продавать свои товары агентам Надира или продавали по слишком дорогой цене[210]. Братищев в письмах из Дербента писал: «Множество персидского войска поумирало от стужи и голода, не говоря уже об истребительных битвах [с дагестанцами]»[211].

Лагерь войска Надир-шаха получил в народе название «Иран-хараб» (т. е. «гибель Ирана»). Лерх, сопровождавший посольство М. М. Голицына и посетивший лагерь шахского войска под Дербентом, в своем сочинении замечает: «Я должен сказать несколько слов о жалком состоянии персидской армии». В лагере, по его словам, не было и намека на какой-либо боевой порядок: каждый воин стоял там, где ему хотелось. Солдаты были очень легко одеты, не имели ни теплых шуб, ни обуви; их одежда была до крайности изношена, многие даже

[209] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1736, д. 8, л. 74.

[210] П. Г. Бутков, *Материалы для новой истории Кавказа...*, т. I, стр. 209—210.

[211] В. Братищев сообщал, что все воины Надира страдали от холода: «Полотняные кафтаны согреть не могут, ибо редкие шубами или суконным платьем снабжены» (АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1742, д. 5, ч. III, л. 779).

ходили босиком по снегу. Те, которые имели какие-то средства, покупали у казаков, сопровождавших посольство, бурки. Для того чтобы обогреться, воины разводили в лагере костры, садились вокруг огня и курили. Палатки, в которых тоже разводился огонь, были рваные и черные от грязи и копоти. В течение девяти месяцев воины не получали жалованья. Они совершенно изголодались и многие просили у русских хлеба[212]. «Персияне от голода повседневно помирают, от чего околичность лагеря человеческими трупами, падалищем скота, всякого звания услана, — писал В. Братищев из Дербента 4 августа 1742 г. — Одним словом, все шахово войско, которое ныне при нем налицо, за всеми уронами до 30 тыс. набраться может, в крайнем истощении и хилости находится, не имея к поправлению своему ни малые надежды». Подводы, посланные в сопровождении воинов в дагестанские деревни за провиантом, вместе с животными были захвачены местными жителями. Войско голодало: «метаемые лошадиные кости ибо иного мяса достать негде, с великой завистью... подбирают и один по одному гложа оными голод переводят. При сих окрестностях и шах в меланхолию впадать начал»[213]. Множество верблюдов и мулов ежедневно погибало от крайней бескормицы.

Воины, которых Надир приказал направить на отдых в Муганскую степь, «через Дербент пеши в отрепьях проходили; все без изъятия в конец расслаблены, признаваясь сами, что десять человек против одного лезгинца стоять неспособны, и так настращены, что в присутствии шаховом при схватках с неприятелем робеть не удерживались». Они вздыхали и стонали и были повержены в такую бедность, что «имеющийся у них порох здесь на хлеб менять и последнюю одежду за то отдавать принуждены; не в выгодном состоянии и товарищи их в лагере при шахе остались, ибо и они изнурением обременены»[214].

В своем донесении от 5 мая 1743 г. из Тавриза Бра-

[212] Büschings «Magazin», Bd. X, S. 392, 393.

[213] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1742, д. 5, ч. I, л. 263.

[214] Там же, л. 383.

тищев писал о состоянии шахского войска, ушедшего из Дагестана и готовившегося к новой войне с Турцией: «Неиное состояние в шаховом войске усматриваю, как всякою худостию и изнурением оное отягощено. К тому же от наибольшей части в пехоте находится, да и в ружьях и саблях доброй исправности нет, многие с простыми дротиками и обломанными ружьями, босы и едва не нагие следуют; одним словом в слабом и хилом поведении персиян вижу, между которыми более по-сохй нежели старых служивых обретается» [215].

В реляции В. Братищева из Мараги от 5 июня 1743 г. мы читаем, что в тридцатипяти-сорокатысячном войске Надира, приближавшемся уже к турецкой границе, «множество пеших, босых, безодежных и весьма с худою аммуницею находится, которых ево величество в турецкой земле на кони посадить и в надлежащее поправление тамо привести мыслит» [216].

Таким образом, освободительная борьба народов Дагестана за свою независимость имела огромное значение: поражения, понесенные шахскими войсками в дагестанских горах, сломили военную силу государства Надир-шаха. Многолетние безуспешные попытки покорить Дагестан привели к разложению войска, падению его боеспособности, положили конец легендам о непобедимости Надира, способствовали дальнейшему обострению внутренних противоречий в государстве, создавали условия для более успешного развития народных движений и сыграли, таким образом, огромную роль в ослаблении и распаде империи Надира.

* * *

В 1743—1744 гг. широким народным волнением был охвачен Азербайджан и главным образом Ширван [217].

Это движение было связано с самозванцем, который именовал себя сефевидским принцем Сам-мирзой. По свидетельству Мухаммеда Казима, в Азербайджане в конце 30-х годов и в 1743—1744 гг. действовали два самозванца, каждый из них выдавал себя за сына шаха Султан Хусейна. Первый самозванец появился в Дагестане, по всей вероятности, в конце 30-х годов XVIII в. Здесь к нему присоединились 2—3 тыс. человек из племен Дагестана. Однако это волнение было довольно быстро ликвидировано Насрулла-мирзой, сыном Надир-шаха. Самозванец был убит [218]. В 1743 г. под тем же именем появился второй самозванец в Азербайджане в Ардебиле. По данным Мухаммеда Казима, он был человеком незнатного происхождения. Сам-мирза распространял слух о том, что первый самозванец, пойманный и убитый Насрулла-мирзой, был его сбежавшим рабом. Но агитация Сам-мирзы не нашла отклика и поддержки среди населения Азербайджана и Дагестана.

Сам-мирза был схвачен и доставлен к правителю Азербайджана Ибрагим-хану, племяннику Надира, сыну убитого в Дагестане Ибрагим-хана Захир ад-доуле. На допросе «мирза» был разоблачен, ему отрезали нос и отпустили [219].

Но спустя некоторое время Сам-мирза вновь появился, но уже в Дагестане.

Народное движение, возникшее в конце 1743 — начале 1744 г. в Азербайджане, и участие в нем дагестанских племен связано именно с этим появлением самозванца, получившего прозвище «Бенибуриде» («Отрезанный нос»). Направившись из Тебриза в Дагестан, Сам-мирза всюду утверждал, что он и есть подлинный наследник сефевидского шаха Султан-Хусейна.

В донесениях русских дипломатических представителей первое упоминание об этом восстании относится ко второй половине сентября 1743 г. В. Братищев в реляции от 20 сентября сообщал, что «в Дагестане и особливо от Сурхаева сына Мугамеда сильные разглашении происходят, якобы тамо прежней шахской фамилии некто явился с обрезанным носом, которые ведомости горских людей к большим неспокойствам возбуждают, от чего в

[215] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1743, д. 3, л. 519.
[216] Там же, л. 630.
[217] Впервые на народный характер движения Сам-мирзы обратил внимание И. П. Петрушевский (И. П. Петрушевский, *Очерки...*, стр. 234). — Л. Локкарт, В. Ф. Минорский и Ларуди Нуролла в работах о Надир-шахе использовали в основном труд Мехди-хана, сведения которого по данному вопросу являются весьма неполными.

[218] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1743, д. 4, л. 572.
[219] Мухаммед Казим, *Тарих-и аламара-йи Надири*, т. III л. 128—130.

Дербентской стороне дальная опасность приключиться может»[220].

В середине октября Братищев снова сообщал, что «дагестанское замешание день ото дня упоминается и тем великое неспокойство и дальной вред Персии причиняет»[221].

Вокруг самозванца объединились дагестанские племена, в частности племена Табасарана, Казикумуха. Мухаммед, сын Сурхай-хана казикумухского, стал одним из руководителей восстания. Он призывал к борьбе с Надиром не только дагестанцев, но и ширванских крестьян и знать. На этот раз агитация Сам-мирзы среди охваченных брожением крестьян Ширвана имела большой успех. Восстание постепенно стало приобретать все более широкие размеры. Число участников достигло 20 тыс. человек. Центром стала крепость Ак-су, где укрепились восставшие. Каждый день в эту крепость приходили жители окрестных местностей — крестьяне[222] и присоединялись к восстанию; число их постоянно увеличивалось[223].

В то время, когда восстание охватывало новые округа и деревни Ширвана и Дагестана, вспыхнуло восстание горожан Дербента и части гарнизона, находившейся в крепости Кыз под Дербентом[224] и состоявшей из ополчений муганских племен. Оно возникло под влиянием движения, возглавленного Сам-мирзой и Мухаммед-Сурхаем. «Возбужденное смелостью своих соседей-ширванцев, — отмечает Мухаммед Казим, — население города, которое носило в своих сердцах застарелую ненависть к иранским шахам»[225], вместе с восставшими муганскими воинами грозило сдать крепость «лезгинам» и хотело присоединиться к Сам-мирзе. Афшарский гарнизон был перебит восставшими.

---

[220] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1743, д. 4, л. 479.

[221] Там же, л. 534.

[222] «Простонародье и чернь», как презрительно именует их Мухаммед Казим (см.: Мухаммед Казим, *Тарих-и аламара-йи Надири*, т. III, л. 130).

[223] Мухаммед Казим, *Тарих-и аламара-йи Надири*, т. III, л. 129, 130.

[224] А. К. Бакиханов эту крепость называет «Кабир» (А. К. Бакиханов, *Гюлистан-Ирам*, стр. 123).

[225] Мухаммед Казим, *Тарих-и аламара-йи Надири*, т. III, л. 128.

В реляции от 15 октября 1743 г. Братищев сообщал, что «дербентские первые старшины Хуршид-бек и Сефибек с товарищами» были намерены правителя Дербента Мухаммед Али-хана «за грубианские ево поступки и нестерпимые налоги погубить». Они написали письма в Дагестан, в которых говорили о необходимости наладить связь с ширванцами и призывали дагестанцев в Дербент. Одно из писем попало к Мухаммед Али-хану, который заключил старшин под стражу. Однако это не предотвратило волнения.

«Переведенные из Персии к Дербенту несколькие аулы едва не все к дагестанцам от жестокости и необыкновенной тамошнияго губернатора строгости разбежались, якоже и сами дербентские жители и военные персияня, кто способ найдет, в горы уходят»[226].

Правителю Дербента, однако, удалось подавить совместное выступление муганцев и горожан. Часть муганцев была убита по приказу хана; многие были ослеплены; 14 манов глаз (около 32 кг) было отправлено в Муганскую степь, чтобы эта расправа послужила уроком для других муганских племен. После подавления восстания Мухаммед Али-хан стал укреплять городские башни, так как опасался нападения восставших ширванских крестьян и дагестанцев. По приказу Надир-шаха, Хайдар-хан, беглербег Ширвана, во главе значительного войска отправился на подавление этого восстания.

Однако рядовые воины в войске Хайдар-хана также восстали. Хан был убит, голова его отправлена к шаху, а имущество разграблено и разделено между воинами. Восставшие примкнули к Сам-мирзе. На сторону последнего перешло также несколько военачальников[227].

«Ширванский мятеж столько распространяется, — писал Братищев из Хамадана 31 октября 1743 г., — что тамошние возмутители губернатора своего Гейдер-хана убили и для вящего своевольству их подкрепления призывали в Ширвань меншего Сурхайского сына Мугамеда, обещая в ево власть город Аксу отдать, который яко-

---

[226] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1743, д. 4, л. 538, 539.

[227] Там же, л. 536, 537; Мухаммед Казим, *Тарих-и аламара-йи Надири*, т. III, л. 130.

бы уже действительно с военными лезгинцами туда прибыл и городом править начал, имеет при себе ложного прежней шахской фамилии... («принца». — *М. А.* и *К. А.*) с обрезанным носом, и в ширванской стороне сильные о нем внушении производит» [228].

21 ноября 1743 г. В. Братищев писал из Хамадана: «Самозванец с потерянным носом и ушами Сам-мирза, именуя себя сыном бывшаго шаха Салтана-Хусейна, при вспоможении лезгинцев и наипаче под опорою горского владельца шамхала и сурхайского сына Мугамеда столько усиливаться начал, что все ево подвиги и обороты к достижению персицкой короны распростираются» [229].

В сопровождении десятитысячного войска дагестанцев Сам-мирза вступил в Ширван. Здесь он объявил, что намерен отобрать престол у узурпатора Надира, и «своих законных подданных от претерпеваемого чрез múножайшее время тягчайшаго ига и мучительского порабощения избавить и доставить то им благоденствие, каковым они при хваленых предках его неоскудно пользовались. Ширванцы при возбужденном своем мятеже будучи привлечены, со всякою покорностью дали ему удобнейший вход в город Аксу и все тамошние обыватели с доброю охотою подданство принесли» [230].

В Ширване Сам-мирза «довольно о насильственном правлении шаха распространялся, напоминая при том, коль от него грабительным непрестанным побором генерально все персицкое государство истощено, и жалостному опустошению подвержено, и что к крайнему нищенству и искоренению приходит... сколько в денежных зборах пред прежними годами от его величества податей на Ширванскую губернию прибавлено, почему сверх древних оброков и расположений с 400 000 рублев нашлось, еже тот час ко облехчению ширванских обывателей отрешил, определил, чтоб токмо по древнему обыкновению подати... а налог ему платили, а канцелярские книги, учрежденные от ныняшнего шаха, все сжечь приказал. Притом ширванских управителей и канцелярских служителей крепко поносил и укорял» [231].

[228] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1743, д. 4, л. 572.
[229] Там же, л. 634.
[230] Там же, л. 635.
[231] Там же, л. 635, 636.

Провозглашенная Сам-мирзой отмена разорительных налогов, введенных Надиром, привлекла к нему симпатии широких слоев населения. По свидетельству В. Братищева, люди, узнав о действиях самозванца, отнюдь не ради поддержки «сефевидского принца», сколько от «несносного гонения владеющего шаха, многие из разных мест, а именно из Ардебиля, Тавриза и других азырбайджанских городов и деревень, оставляя свои жилища, спешно и все охотно, исправляясь по возможности к содержанию своему лошадьми, ружьями, саблями и иными военными действиями... прибегают к нему, Сам-мирзе, изъявляя свое усердие и за него живот положить не отрекаются, желая его на персидском престоле видеть» [232].

«Азырбайджанские жители по городам и деревням будучи от тиранских поступков Надыр-шаха несносно изнурены, усердно желают его, Сам-мирзу, на иранском престоле видеть ...при котором случае без всякого прекословия к нему пристать хотят, признавая его за неложного потомка прежних шахов» [233].

В реляциях от 21 ноября 1743 г. из Хамадана Братищев сообщал, что Сам-мирза, «будучи подкрепляем, на свою голову вместо короны по обычаю персицких шахов надел перо и уже всю Ширвань и Карабарскую (т. е. Карабахскую. — *М. А.* и *К. А.*) обширную провинцию, где от большей части армяне обретаются, даже до Генджи отхватил и к рукам присвоил. Повсюду от себя отправил правителей и командиров, одним словом, владычествовать в тех краях стал, рассылая всюду указы» [234].

«Сам-мирза, приходя в большую мочь, и не токмо в Ширване военных людей к себе умножает, но и до Муганских провинций и уездов добирается, в намерении, чтоб знатные силы к надежной подпоре своей присовокупить мог» [235].

Влияние восстания распространялось за пределы Азербайджана и Дагестана. 300 домов «обывателей хамаданских» бежали в Ширван к Сам-мирзе, но их поймали и возвратили в Хамадан [236].

[232] Там же, л. 636, 637.
[233] Там же, л. 661.
[234] Там же, л. 637.
[235] Там же, л. 660.
[236] Там же, л. 663.

Благодаря успеху восстания Сам-мирзы была низложена власть Надира в ряде азербайджанских и дагестанских владений; население получило возможность выйти из убежищ в горах и вновь заняться полевыми работами.

«Кайтагский усмей прилежно старается оторванные персиянами ево деревни и владения паки к себе возвратить, — писал В. Братищев в реляции от 15 октября 1743 г. — Усмейского владения люди, зовомые теракеме, явно в немалом собрании на башлинскую степь около реки Бугама выходят, где прежде пашенныя и угодия имелись, которые хотят возобновить и в свой порядок привести»[237].

В Шекинском ханстве пришла к власти династия местных потомственных владетелей.

Восстание Сам-мирзы происходило в период ирано-турецкой войны. В отличие от некоторых народных выступлений, когда руководители движений пытались сыграть на ирано-турецких противоречиях и искали поддержки султанской Турции, Сам-мирза не только отвергал союз с Турцией, но и предпринимал попытки организовать оборону против нее. Так, он обратился к шахскому правителю в Тавризе Ашур-хану по поводу организации неотложной защиты азербайджанской границы от турок[238].

Первая встреча шахского войска с восставшими произошла на р. Куре, когда отряд под командованием Ашур-хана был разбит и потерял 300—400 человек[239].

Шахские отряды были расставлены во всех проходах из Азербайджана в соседние страны. Из войска, посланного в Тавриз под командованием Насрулла-мирзы, воины разбегались и переходили на сторону восставших. В реляции от 31 декабря 1743 г. из Хамадана В. Братищев писал: «Сам-мирза в ширванском городе Аксу с полною властию пребывает, именуясь шахом, и как ширванские обыватели и прибегающие из других мест персияня, так от наибольшей части лезгинцы и Сурхаева сына Мугамеда со всяким послушанием ему служат и

[237] Там же, л. 538, 539.
[238] Там же, л. 638.
[239] Там же, л. 661.

ревностно за него подвиги продолжать не ослабевают, понеже известного Ашур-хана вторично при входе ево в Ширвань в имевшейся схватке разбили»[240].

Это было второе поражение шахского войска, понесенное в борьбе против народного движения.

Ходили слухи, что Сам-мирза начал чеканить деньги со своим именем[241]. В Ереване было сосредоточено огромное войско для подавления восстания Сам-мирзы. Сердаром Азербайджана был назначен Ашур-хан папалу афшар, к которому присоединились с войсками Фатх Али-хан, Хаджи-хан курд — беглербег Ганджи, Керим-хан афшар — правитель Урмии и др. У подножья горы Баги-шах произошло сражение карательного войска с отрядами Мухаммеда, сына Сурхая, и Сам-мирзы, продолжавшееся целый день. Оно окончилось разгромом восставших. После этого началась расправа с населением Ширвана. Каждый, участвовавший в восстании или помогавший ему, жестоко наказывался. Ширванских крестьян убивали, ослепляли, их имущество и жилища подвергались разрушению и разграблению, жен и детей продавали в рабство[242].

В. Братищев говорит о зверствах воинов Надира: «жителей ширванцев, кто мятежу и в заговоре к стороне самозванца сопричастен был, беспощадно вырубили»[243].

«Во всей Ширване народа всякого звания, правых и виноватых, за показанное их волею и неволею Сам-мирзе послушание и покорность до осьми тысяч душ персицкими командирами с шахова повеления вырублено, а малолетние обоего пола служивыми людьми в плен заключены»[244].

Повсюду были назначены новые правители. После разгрома при Баги-шах войска восставших, Мухаммед бежал в горы Дагестана, а Сам-мирза — в Грузию. Здесь он был схвачен Теймураз-ханом, по приказу Надира лишен одного глаза и отправлен вместе с несколькими турецкими пленными к Ахмед-паше в Карс, где в это время находился Сефи-мирза для того, «чтобы

[240] Там же, л. 662, 663.
[241] Там же, л. 706.
[242] Мухаммед Казим, *Тарих-и аламара-йи Надири*, т. III, л. 133.
[243] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1744, д. 3, л. 9.
[244] Там же, л. 112.

Сефи-мирза и Сам-мирза увиделись, «так как они были братья», — ядовито замечает Мехди-хан [245].

Восстание Сам-мирзы было широким народным движением, развернувшимся вследствие глубокого недовольства трудящихся масс системой экономического и национального гнета, осуществлявшегося в Азербайджане шахом и его ставленниками. Борьба народа против тяжелой феодальной эксплуатации сочеталась с освободительным движением.

Основной движущей силой восстания были народные массы Ширвана и некоторых дагестанских племен. Кроме того, в нем принимали участие и местные феодалы [246] — потомственная ширванская знать, которая стремилась к восстановлению утраченной государственности. Однако большой роли ширванская знать не играла. Восстанием были охвачены и шахские войска, стоявшие в Ширване и Дагестане. Волнение, происшедшее в ширванском войске, находившемся под командованием беглербега Хайдар-хана, было не просто мятежом, проявлением недисциплинированности, а классовым выступлением. Современник свидетельствует о том, что ширванские воины не были едины в своих действиях. Большинство военачальников выступали против убийства Хайдар-хана. Эти военачальники не только не принимали участия в убийстве беглербега или в разграблении его имущества, но написали письмо Надир-шаху, в котором сообщали о том, что ширванское войско восстало, воины рассеялись и присоединились к войску «мятежников» [247].

Таким образом, именно рядовой состав войска Хайдар-хана, набиравшийся из илятов, присоединился к восставшим, в то время как военачальники, феодальная племенная знать заняли противоположную позицию. Причина восстания ширванского войска, состоявшего из ополчений различных племен Ирана, заключалась в недовольстве рядовой массы этих племен невиданным усилением налогового гнета и феодальной эксплуатации кочевников. Это же вызывало и другие многочисленные выступления кочевых и полукочевых племен в период правления Надира.

Восстание Сам-мирзы было стихийным: восставшие не имели политической программы, ясного представления о целях и перспективах своей борьбы. Их лозунгом было лишь провозглашение справедливого и законного шаха.

* * *

Успешно развертывалось освободительное движение в Шекинском ханстве. Признанным руководителем движения, заслужившим славу смелого и неподкупного врага захватчиков, был Хаджи Челеби, потомок старинных феодальных владетелей Шеки.

Движение возникло здесь еще в период восстания Сам-мирзы. Неоднократные попытки Надира вновь утвердить в Шеки свое владычество не увенчались успехом.

В. Братищев в реляции от 13 декабря 1744 г. из Алфавута пишет, что Надир с войском направился в Шеки «для приведения в послушание бунтовщиков своих подданных, которые со времени произшедшего в Ширване замешания даже до ныне противность и неспокойство к Персии показывают» [248].

Напуганные приближением шахского войска, несколько шекинских старшин явились в шахский лагерь с повинной, обязуясь впредь быть верными подданными Надира. За предательство старшины получили почетные халаты, 6 тыс. рублей (в переводе на русские деньги) и были отпущены в свои владения. «Вслед за ними послана знатная партия ради отнятия у шекинских жителей хлебных запасов, токмо шекинцы вместо жита, крепкую опору сложили и, недопуская персиян до разорения своих домов, принудили назад ни с чем отойти». Видя это, Надир решил «сильною рукою и оружием преступников наказать». С пятнадцатитысячным вой-

[245] Мехди-хан, *Тарих-и Надири*, стр. 251.

[246] В русских архивных материалах имеются очень важные сведения о социальном составе участников восстания: «Из знатных персиян инаго во услужении при Сам-мирзе не обреталось, кроме Ахмед-хана шахсевенца, бывшего прежде при дворе шахове генерал-адъютантом» (АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1744, д. 3, л. 10). — Известно также, что к восставшим присоединились некоторые из вождей племен Шаберана и Табасарана (Мухаммед Казим, *Тарих-и аламара-йи Надири*, т. III, л. 130).

[247] Мухаммед Казим, *Тарих-и аламара-йи Надири*, т. III, л. 130—139.

[248] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1744, д. 4, л. 395.

ском он пробирался через леса и горы в село, пишет Братищев, где жили не более 200 шекинцев, «и всеми мерами старался противников покорить. Токмо через три дни ни малейшего вреда нанести им не мог, кроме что непрестанное ругание с бесчестными речами... в необыкновенном крике слышал»[249].

К шекинцам на помощь подходил отряд дагестанцев («лезгинцев»), и Надир счел более благоразумным начать отступление. Шекинцы атаковали отходившее шахское войско. Отряд афганцев, который находился позади и служил заслоном, подвергся стремительной атаке; воины Надира, как замечает В. Братищев, не могли думать о сопротивлении и должны были спасать только свою жизнь. Пули пролетали возле самого Надира; из шахской свиты несколько человек были убиты, «от чего его величество в вящем страхе находился». Несмотря на строгий запрет, войско разбегалось, «кто куда дорогу сыскал». Во время этого происшествия шах потерял 500 человек, не считая раненых. Причем, «служилые в побеге сами вьюки для ускорения по дороге бросали, храня токмо свою жизнь; тако его величество с горшим посрамлением от подданных своих шекинцев возвратился» и 1 декабря 1744 г. прибыл в Алфавут[250]. 19 февраля 1745 г. Надир выступил в новый поход против шекинцев[251].

В тот же день В. Братищев сообщал из шахского лагеря в Шеки, что Надир-шах, несмотря на жестокое ненастье, глубокие снега, метели и бескормицу, «идет к сигнахам, или крепким местам на горах, где бунтующие шекинцы обретаются»[252]. Впереди войска шли отряды с топорами для очистки леса. «В такой бедности и изнурении персицкий лагерь обретается, что того и описать нельзя», продовольствие вздорожало, «да еще почитай и сыскать негде»[253].

Из лагеря, находившегося на расстоянии полумили от гор, в которых укрепились шекинцы, шах систематически

[249] Там же, л. 397.
[250] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1744, д. 4, л. 398, 399.
[251] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1745, д. 8, л. 142.
[252] Там же, л. 240, 241.
[253] Там же.

отправлял отряды для нападения на них, «но до ныне ничего знатного получить не мог»[254].

Главная крепость шекинцев получила название «Гелесен ва гересен» (т. е. «придешь и увидишь!»). Еще несколько старшин из Малой Шеки явились в шахский лагерь с изъявлением покорности. Надир наградил их халатами и поручил им склонить «главнейшего шекинского старшину Хаджи Челебея на приезд к персидскому двору». Однако Хаджи Челеби прочно укрепился, имея достаточно провианта и других припасов «и на добровольное шаху покорение не склоняется»[255].

13 апреля 1745 г. В. Братищев сообщал, что несколько дней назад Надир-шах вновь атаковал крепость, однако безуспешно: «кроме что 40 чел. побито и в плен взято, напротив того персидской урон сугубо превышает, ибо при оном случае более ста человек погибло и еще несколько ранено.

По такой причине его величество другие способы к приведению их, шекинцев, в послушание избрал, повелел лежащие около их жилищ сады и хлебные поля в достаток опустошить и деревья вырубить, еже действительно и исполняется. Токмо шекинцы при своем начальнике Хадже Челебее, не взирая на опустошение своих садов и хлебных полей, твердо себя при упорности содержат и весьма не хотят шаху покорится»[256]. Сам Хаджи Челеби получал от шаха «ласкательные письма», которые его «на приклонность уговаривают, с многими обнадеживаниями». Однако ни посулы, ни угрозы не помогли: «оба сии способы недействительны остаются»[257], — писал В. Братищев.

Шекинское ханство отпало от империи Надира и в течение всей второй половины XVIII в. оставалось независимым феодальным владением.

Несмотря на тяжелые уроки дагестанского похода, иранские феодалы не оставляли захватнических планов в отношении Дагестана. По сообщению В. Братищева от 10 сентября 1744 г. из Тавриза, среди приближенных

[254] Там же, л. 249.
[255] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1745, д. 8, л. 249, 250.
[256] Там же, л. 296.
[257] Там же, л. 297.

Надира обсуждались планы покорения дагестанцев. Общее мнение было таково, что отправлять все войско в эту страну будет нецелесообразно, так как это приведет лишь к его изнурению и истощению. Предполагалось, спустя несколько лет, разбив лагерь в Мугане, рассылать «знатные партии в Дагистанские околичности и нутренности, ради травления и искоренения хлебных полей, так чтоб наконец со временем лезгинцы, лишась последняго пропитания и претерпевая крайней голод, сами добровольно его величеству покорились» [258]. Эти агрессивные планы свидетельствовали об откровенном признании феодальной верхушкой государства Надира собственного бессилия перед героической борьбой народов за независимость.

В 1745 г. в Дербенте начались серьезные волнения. Войско Ахмед-хана усмия подступило к стенам Дербента для оказания помощи дербентцам. Гани-хан, правитель Дербента, чувствуя всю непрочность своего положения, вместе с войском вышел за городскую стену и расположился в окрестностях Шаберана. Ахмед-хан усмий разбил силы шахского ставленника; войско Гани-хана рассеялось. Для подавления этого восстания Надир вновь направился в Дагестан. На своем пути он безжалостно расправлялся с мирным населением. Однако горцы и на этот раз оказывали упорное сопротивление и не раз наносили шахскому войску жестокие поражения. Во время этой последней карательной экспедиции в Дагестан Надир потерял около половины своего войска [259].

Однако кровавая расправа с горцами не означала покорения Дагестана; шахская власть была бессильна подчинить свободолюбивый народ, зависимость которого от Ирана, вплоть до конца правления Надира, оставалась чисто формальной.

В трудные дни борьбы за свободу, против жестокого врага азербайджанский народ и горцы Дагестана видели свое спасение в союзе и поддержке России. В донесении из Дербента от 24 марта 1743 г. В. Братищев сообщал, что кайтагский усмий и многие другие дагестанцы обратились к России с просьбой принять их в русское подданство [260]. О желании упорных противников Надира — кайтагского усмия и его зятя Ахмеда — перейти в русское подданство говорится также в реляции В. Братищева от 30 августа 1743 г. («желают и просят российской протекции») [261]. «Здешний народ всякого звания, — писал Братищев 3 июня 1746 г. из Ганджи, — с вожделенною радостию пришествие российских сил ожидает, в уповании, якоб тем способом от тиранских надыровых рук единожды избавится мог» [262].

[258] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1744, д. 4, л. 226.

[259] П. Г. Бутков, *Материалы для новой истории Кавказа...*, т. II, стр. 230.

* * *

Бухарское и Хивинское ханства к началу 40-х годов XVIII в. переживали период глубокого экономического упадка и феодальной раздробленности. В 20-х годах на Мавераннахр обрушились казахи. По свидетельству современника, после их нашествия «прекрасная Бухарская область стала такой нищей, что и потом, когда кончилось это бедствие и много лет прошло в покое, она никогда не стала такой цветущей как прежде» [263]. Близкое соседство кочевников, совершавших частые разорительные набеги, отрицательно сказывалось на состоянии производительных сил. Флорио Беневени, посол Петра I, сообщал в 1723 г., что за весь предшествующий 1722 г. все караваны, которые вышли из Мешхеды на Бухару, были разграблены и уже четыре года, как не идут караваны на Кабул, Лахор и обратно, «так как озбеки в горах сильны стали и непрестанно промеж собою драки имеют» [264].

В этот период усиливается влияние знати узбекских и туркменских племен и ослабляется ханская власть. Гладышев и Муравин, посетившие Хиву в 1740 г., перечисляют 11 городов, «подсудных» Хиве; но отмечают при этом, что во всех них правителями были «главные тутошние князьки, а не хивинские, токмо во владении хивинском считаются» [265].

[260] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1743, д. 3, л. 472.

[261] Там же, д. 4, л. 348.

[262] Там же, д. 7, л. 143.

[263] «История народов Узбекистана», Ташкент, 1940, стр. 114.

[264] Там же.

[265] Там же, стр. 115.

В начале XVIII в. происходил политический распад государства Аштарханидов. Еще в конце XVII в. в Фергане образовалось обособленное феодальное владение, во главе которого были представители дервишских братств; но их власть вскоре была уничтожена Шахрух-бием, основавшим здесь свое ханство со столицей в Коканде. В то же время от Бухары отпали Балх и Бадахшан. В 1723 г. вспыхнуло восстание Раджаб-хана, к которому присоединились многие представители бухарской феодальной знати. Раджаб-хан обратился за содействием к казахам, так как с их помощью рассчитывал утвердиться в Бухаре. Казахи в течение семи лет опустошали зеравшанскую долину; они грабили оседлое население городов и деревень, в стране царил голод. Бухарское ханство было сильно разорено и политически обессилено.

Завоеванию Надир-шахом Хивинского и Бухарского ханств предшествовал поход Риза Кули-хана на Мавераннахр. Риза Кули-хан и Тахмасп Кули-хан джелаир овладели большинством мелких и разрозненных узбекских феодальных владений по левому берегу Аму-Дарьи, после чего во главе двенадцатитысячного отряда переправились через эту реку и осадили Карши. По приказу Риза Кули-хана воины производили реквизицию запасов хлеба у местного населения и опустошали окрестности города. Население Карши и соседних селений организовало оборону города; ему на помощь пришли отряды мангытов и других племен. Эмир Бухары Абульфайз-хан со значительным войском подошел к стенам Карши, но был разбит Риза Кули-ханом. Однако, когда стало известно о появлении в Бухаре войска Ильбарс-хана хивинского, шедшего на помощь осажденному городу, Риза Кули поспешно заключил мир с эмиром Бухары и отступил в Хорасан [266].

После завершения индийского похода Надир-шах направил войска на завоевание Средней Азии. Выйдя из Герата, он в сопровождении Риза Кули-хана двинулся на Балх. У Чехар-Джуя была организована переправа через Аму-Дарью. В решающем сражении между вой-

[266] Иранские историографы отмечают, что Риза Кули-хан отступил по приказу Надир-шаха.

сками шаха и бухарского эмира Абульфайз-хан потерпел поражение, бежал в свою столицу, откуда послал к Надиру гонцов с изъявлением покорности [267]. Встреча шаха с эмиром произошла при урочище Чар-Бакр на берегу Зеравшана в октябре 1740 г., где Надир возложил корону на голову Абульфайз-хана, но реальной властью эмир не был наделен. Фактическим правителем бухарского ханства являлся ставленник Надир-шаха, опальный прежде бухарский аталык Мухаммед Хаким-бий, который стал титуловаться по-ирански: эмир-и кабир. Несколько тысяч всадников из эмирского войска были включены в состав войска Надира; командование ими было поручено сыну аталыка Мухаммед Рахиму. Брат аталыка Мухаммед Даниал-бий мангыт, который еще в конце 30-х годов перешел на службу к шаху, был назначен правителем Кермана. Многие другие родственники аталыка стали занимать ответственные должности. Завоевание Бухарского ханства Надир-шахом положило конец самостоятельному правлению династии аштарханидских ханов.

Более упорное сопротивление Надиру оказал хивинский хан Ильбарс.

У крепости Ханках (между Хезараспом и Хивой), где Ильбарс разбил лагерь, произошло решительное сражение, навязанное хивинцам Надиром. Войско Ильбарса потерпело поражение. Сам Ильбарс вместе с небольшим отрядом узбеков заперся в крепости. Воины Надира овладели всеми палатками, артиллерией узбеков и других войск, а также имуществом населения, проживающего в палатках за стенами крепости [268]. Крепость подверглась обстрелу, под ее башни был сделан подкоп. Вскоре она пала. Ильбарс с оставшимся здесь узбекским отрядом жестоко сопротивлялся, а после поражения вместе с 20 другими военачальниками был казнен [269]. Хивинским ханом был назначен родственник бухарского эмира Абульфайз-хана, Тахир-бек, «который был предан иранскому государству» [270]. Несмотря на одержанные победы

[267] Мухаммед Казим, *Тарих-и аламара-йи Надири*, т. II, л. 258, 261.

[268] Мехди-хан, *Тарих-и Надири*, стр. 140—141.

[269] «Материалы по истории туркмен...», т. II, стр. 144, 145.

[270] Там же, стр. 145.

в Бухарском и Хивинском ханствах, завоеватели встретили упорное сопротивление народных масс.

Население городов героически оборонялось. Так, жители Хивы затопили всю местность вокруг городской стены. Но по приказу Надира вода была отведена по каналам в степь, после чего началась осада города [271]. Об упорном сопротивлении жителей Ургенча «врагам государства и народа» рассказывает автор «Тарих-и Рахим-хан» [272].

При явном превосходстве сил противника свободолюбивые племена, не желая мириться с игом завоевателей, снимались со своих стоянок и скрывались в пустыни и горы. Надир через гонцов делал им различные льготные предложения, призывая вернуться на прежние места; но свободолюбивые кочевники отказались повиноваться и послали в ответ шаху стих: «Лучше избавиться на одно мгновение от злонамеренного, чем прожить 70—80 лет» [273].

Многие узбекские племена не признали ставленника Надир-шаха в Хиве Тахир-бека и оказали ему вооруженное сопротивление. Но их восстание было подавлено воинами шаха.

После взятия Хивы Надиром сюда пришли аралы и казахи, помощи которых просил в свое время Ильбарс. Попытка шаха подчинить их своему влиянию не имела никакого успеха. Как замечает Мехди-хан, эти племена всегда были готовы на своеволие, ибо «повиновение и покорность были для них свыше сил» [274].

Местные феодалы в основном думали о выгодных условиях заключения компромисса с завоевателями, так как боялись потерять права и привилегии. Они принимали участие в освободительном движении (как правило, в качестве руководителей) часто под непосредственным давлением масс. Так, когда Абульфайз-хан узнал о наступлении войска Надира и послал своего поверенного

[271] Там же, стр. 146.

[272] Мухаммед Вефа-и Керминеги, *Тарих-и Рахим-хан*, рук. Института востоковедения Академии наук, стр. 527; см. «Материалы по истории туркмен...», т. II, стр. 145, примеч.; Мухаммед Казим, *Тарих-и аламара-йи Надири*, т. II, л. 269, 273, 277, 288.

[273] Мухаммед Казим, *Тарих-и аламара-йи Надири*, т. II, л. 275, 276.

[274] «Материалы по истории туркмен...», т. II, стр. 146.

с извещением о желании заключить мир с шахом, Надир согласился на переговоры только при условии капитуляции Абульфайза и явки его в шахский лагерь. Но когда эмир выехал из своей столицы и направился в шахский лагерь, жители округов Мианкаль, Ак-ялу, Ходжент, Хунгар заставили его вернуться в Бухару и выступить против Надира [275].

Некоторые представители местной феодальной знати (бывший бухарский аталык и его родственники, хивинский инак и др.) сразу перешли на сторону завоевателей. Непоследовательность и предательство местной феодальной знати облегчили шаху завоевание среднеазиатских ханств. Надир-шах играл на противоречиях между феодалами и народными массами, а также между различными феодальными группировками. Кроме того, подкупами и различными мелочными подачками он стремился удержать в повиновении население завоеванных им земель. Например, он запретил воинам заниматься мародерством и предал смерти нескольких военачальников, повинных в грабеже местных жителей.

«Надир шах проявлял царскую заботу по отношению к пленным, которым он выдал награды, обласкал и облагодетельствовал... и милостиво отпустил с тем, чтобы они отправились в свои кочевья и внесли бы успокоение среди йомудов, указывая им на милость и благосклонность шаха» [276]. Через йомудских вождей Надир обещал кочевникам в случае повиновения предоставить для поселения и кочевья любые земли, которые они пожелают, в Иране или в Средней Азии [277]. Подобные действия Надира можно объяснить его опасением вызвать восстание народа, ненавидевшего чужеземных завоевателей.

Несмотря на эти приемы, шаху не удалось поставить на колени народ завоеванных им среднеазиатских ханств, о чем свидетельствуют частые вспышки освободительной борьбы.

В 1741 г. произошли серьезные волнения в Хивинском ханстве. Восставшие хивинцы вновь призвали на

[275] Мухаммед Казим, *Тарих-и аламара-йи Надири*, т. II, л. 258, 260.

[276] Там же, л. 272, 273.

[277] Там же, л. 275, 276.

помощь казахов. Нур-Али, сын казахского хана Абульхайра, осадил Хиву, обороняемую шахским войском. Тем временем горожане истребили гарнизон, убили ставленника Надира Тахир-бека и овладели городом. Но плодами борьбы народных масс (узбеков и казахов) воспользовалась феодальная группировка казахов для распространения своего влияния на Хорезм. Власть в Хиве перешла к Нур-Али. «Так как проявление подобного поступка со стороны населения Хорезма и Арала, — с возмущением пишет придворный историограф Мехди-хан,— несмотря на великодушие и благоволение, оказанные его величеством взамен их вероломств, которые имели место в прошлом, было черной неблагодарностью», Надир-шах приказал Насрулла-мирзе выступить с многочисленным войском и артиллерией, чтобы наказать «мятежников» [278].

Захват представителем казахской феодальной знати власти в Хиве вызвал большое недовольство узбекских феодалов. Начавшиеся раздоры среди феодальных руководителей освободительного движения ослабили силы восставших. Кроме того, известие о готовящейся карательной экспедиции в Хиву внесло замешательство в ряды феодалов и купцов. В результате инак и некоторые другие представители знати отправились в Мерв, где находилось карательное войско под командованием Насрулла-мирзы. Инак просил у мирзы прощения, клялся служить Надир-шаху впредь верой и правдой, обещал возвратить иранских пленников и выставить значительную конницу для шахского войска. Надир, напуганный многочисленными восстаниями, вынужден был идти на определенные уступки и принял требования восставших: управление Хивинским ханством было поручено сыну Ильбарс-хана.

Но сговор феодальной верхушки с шахом ни в коей мере не отражал интересов и настроения народных масс, о чем свидетельствуют новые народные волнения. В 1746 г. «группа бунтовщиков Хорезма, — по выражению Мехди-хана, — вступила в союз с йомудами и восстала против Надира и его ставленников. Во время этого восстания иртук-инак был убит восставшими. Для подавления нового серьезного антииранского восстания Надир направил

[278] «Материалы по истории туркмен...», т. II, стр. 147.

в хивинское ханство своего племянника Али Кули-хана во главе большого карательного войска. Жестоко расправляясь с населением, Али Кули-хан приближался к Хиве. Сын Ильбарса Абуль Мухаммед и местная знать устроили ему торжественную встречу. Но народные массы совместно с йомудами и некоторыми другими племенами организовали отряды и вступили в борьбу с карателями; однако после упорного сопротивления силы восставших были разгромлены; йомуды и некоторые другие племена покинули Хивинское ханство» [279].

Другим ярким проявлением непримиримости народов Средней Азии к игу завоевателей было широкое движение, развернувшееся в Балхе и Андхое. Осенью 1742 г. в Андхое появился в одежде дервиша человек незнатного происхождения. Этот «святой», как его именует хронист, показывал всевозможные чудеса и призывал народ к борьбе с властью шаха. По свидетельству современника, «множество простого народа» непрерывно стекалось под знамена дервиша и присоединялось к восстанию. Вскоре дервиш стоял во главе 10—12 тыс. вооруженных людей. Местный правитель сделал попытку подавить восстание, но его войско было разгромлено. Восстание приняло еще более широкие размеры. Ненависть к завоевателям была так велика, — замёчает Мехди-хан, — что восставшие убивали всех хорасанцев, которые попадались им на глаза, в том числе избивали и шахских чиновников. Правитель Балха заперся в крепости и ожидал помощи от Надир-шаха. Карательное войско в сопровождении значительной артиллерии прибыло в Балх и начало кровавую расправу с восставшими. В одном из сражений погиб Исмет-Алла, один из руководителей восставших узбекских племен; вскоре после этого были схвачены и преданы смерти дервиш и другие руководители восстания. Освободительное движение было потоплено в крови.

В 1745 г. в Балхе вспыхнуло новое восстание, во главе которого стоял правитель Балха Нияз-хан, выступивший в союзе с правителем Бадахшана и ханом Арала [280].

В 40-х годах происходили и другие восстания и освободительные движения среди народов Средней Азии —

[279] Там же, стр. 149.
[280] Мухаммед Казим, *Тарих-и аламара-йи Надири*, т. III, л. 175.

восстание под руководством Рахим-хана, волнения среди племен каракалпаков, казахов, узбеков [281]. В течение 1746 и первой половины 1747 г. среднеазиатские владения Надира были охвачены серьезным брожением.

О волнении в Мерве рассказывает Мухаммед Казим, состоявший в то время местным везиром. По требованию шаха Мухаммед Казим в числе многих других чиновников направился в шахский лагерь со своим отчетом о доходах и расходах [282].

Вскоре после этого стало известно, что население Мерва и его округов обложено новыми колоссальными налогами. Сумма была так велика, что, по словам автора, на ее уплату не хватило бы даже «сокровищ Кияноса и казны Кейкавуса», не то что Мерва, который всего лишь за десять лет до этого был заселен и благоустроен. С населения Мерва, замечает Мухаммед Казим, нельзя было собрать и десятой доли сумм, требуемых шахом. В то же время люди, прибывшие в Мерв из шахского лагеря, рассказывали о массовом терроре, убийствах, наказаниях, сооружении чудовищных пирамид из голов казненных. «Ужас перед этими налогами», по свидетельству автора, являлся причиной вспыхнувшего восстания. Во главе встали Шах Кули-хан мервский в союзе с Рахим-ханом Узбеком [283].

Основной причиной подавления многочисленных восстаний народов Средней Азии являлась их разрозненность, местный характер, отсутствие связи между отдельными народными выступлениями. Наиболее активными участниками освободительной борьбы были крестьяне, демократические слои городского населения, рядовые кочевники. Феодальная знать принимала участие в освободительном движении народа, так как на определенном его этапе их узкоклассовые интересы совпадали со стремлением народных масс сбросить ненавистное чужеземное иго. Но в своей борьбе феодалы были непоследовательны и трусливы. Они боялись размаха народного восстания и, в случае его поражения, потери всех или части своих привилегий. Это мирило знать с шахской властью.

[281] Там же, л. 191—197, 173, 174, 180, 207—218, 229, 230 и др.
[282] Там же, л. 166.
[283] Там же, л. 191.

Народную борьбу подрывали бесконечные усобицы и вражда между узбекскими, туркменскими и другими феодалами, выступавшими часто в роли руководителей освободительного движения. Войны между среднеазиатскими феодалами опустошали страну, разоряли население. В частности, говоря о вражде между феодальной знатью племен йомудов и салыр, Мухаммед Казим писал: «...по этой причине страна (Хивинское ханство. — *М. А.* и *К. А.*) пришла в расстройство, так что жители ее не могли больше заниматься ни своими посевами и садами, ни прочими делами и даже не могли куда-либо выйти. Взаимные войны, убийства и грабежи достигли необычайной степени» [284].

В 1746—1747 гг. происходили новые восстания в различных округах Азербайджана, Грузии и Армении.

В реляции из Мугани от 15 марта 1747 г. М. М. Голицын сообщал: «...ныне во многих персицкой области местах опасные обстоятельства и великия замешательства являтся начинают, как то уже в городах Гендже, Иреване, Нахчеване и Тефлисе от положенных на оные в неумеренной сумме денежных штрафов, почти генерально все жители от мала и до велика и сами управители тех городов взбунтовали и, собравшись со своими пожитками и скотом, в горы ушли» [285]. Посланное в Грузию карательное войско, при котором находились сборщики налогов, было разбито отрядами восставших. В результате упорной борьбы последних шахские каратели так и не смогли проникнуть в Грузию [286].

В Афганистане также происходили восстания различных племен. Особенно упорную борьбу вели абдали Кабула и юсуфзаи [287].

Держава Надир-шаха фактически распадалась на ряд владений, охваченных народными, народно-освободительными движениями и выступлениями феодалов.

[284] Там же, л. 44.
[285] J. Hanway, *An historical account*..., vol. II, p. 431.
[286] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1747, д. 3, л. 77.
[287] J. Hanway, *An historical account*..., vol. II, p. 431, 432.

ГЛАВА VI

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ РАЗРУХА И РАСПАД ДЕРЖАВЫ НАДИР-ШАХА

Уже отмечалось, что сефевидское государство к концу XVII в. переживало период упадка.

Афганское и турецкое господство, связанное с хищнической налоговой эксплуатацией, грубым произволом, прямым грабежом населения, а также междоусобицы феодалов крайне отрицательно отразились на экономическом состоянии Ирана и способствовали углублению хозяйственного упадка.

В 20-х годах XVIII в. северные провинции распавшегося сефевидского государства — Азербайджан, Армения, Грузия, Луристан, Курдистан — были разорены турками. Центральный и южный Иран испытали все ужасы семилетнего господства афганцев; оседлое население восточных областей Ирана подвергалось опустошительным набегам кочевников Средней Азии. Те же районы, которые не были покорены чужеземцами, превратились в арену не менее разорительных феодальных распрей и усобиц.

Население страны, по словам шейха Хазина, и после изгнания чужеземных завоевателей находилось в крайне бедственном положении [1]. Куда бы он ни прибывал, жители всех деревень и городов, узнав его, собирались вокруг, плакали, причитали и жаловались [2].

О тяжелой жизни населения свидетельствует надпись на персидском языке, высеченная над портиком мечети

[1] *«The life of Sheikh Mohammed Ali Hasin...»*, p. 206.
[2] Ibid., p. 208.

в деревне Вананд в Нахичеванском крае. «Были крайний неурожай и скудость, так что ман пшеницы стоил 400 динаров, ... масло — 2800 динаров, ... был настоящий ад, благодаря голоду и утеснению разными нуждами несчастливого времени, так что на протяжении одного года селение Вананд и ближние соседи его три раза подвергались нападению и ограблению, и многие правоверные — мужчины и женщины были убиты и угнаны в неволю, а прочие рабы божие, рассеявшись и перейдя реку Арас (Аракс), поселились в деревнях того берега. И в те дни господства неблагоприятного сочетания планет торговля также была прекращена» [3]. Надпись относится к 1732—1733 гг.

Торговля замерла; на дорогах грабили караваны, разбои принимали самые широкие размеры [4]. Тяжелая налоговая эксплуатация являлась причиной крестьянских и городских восстаний. По свидетельству шейха Хазина, население различных иранских областей, будучи не в состоянии переносить непосильный гнет, подымало восстания [5]. Хазин был свидетелем восстания в г. Ларе, когда повстанцы — горожане и крестьяне близлежащих деревень — вступили в бой с местными войсками и убили правителя области [6].

Сокращение посевов повсюду приводило к острому недостатку в продуктах земледелия и сельского хозяйства. Так, армянский католикос Абраам Кретаци, возвращаясь в марте 1736 г. с Муганского курултая в Ереван, был вынужден отправить своих людей за продуктами в Нагорный Карабах и в Шемаху, так как ни в Мугани, ни в близлежащих деревнях ничего нельзя было купить. Здесь же автор замечает, что большой недостаток в хлебе ощущался также в окрестностях Тебриза, в Дизаке, Гандже, Лори, Севане, Иберии, Кафане, Нахичеване, Ереване. Пшеница и ячмень резко поднялись в цене — ман (т. е. литр) зерна стоил 900 динаров [7].

В беседе с Надиром Абраам Кретаци в ответ на просьбу шаха рассказать о состоянии «пахоты и сева»

[3] И. П. Петрушевский, *Очерки...*, стр. 301, 302.
[4] *«The life of Sheikh Mohammed Ali Hasin...»*, p. 53—54.
[5] Ibid., p. 206, 207.
[6] Ibid., p. 124.
[7] И. П. Петрушевский, *Очерки...*, стр. 302.

говорил, что с этими сельскохозяйственными работами дело обстоит неудовлетворительно, так как для пахоты нет волов[8].

По данным Мухаммеда Казима, Надир-шах уделял большое внимание упорядочению финансов государства, проявлял заботу о состоянии городов и деревень, издавал приказы о переселениях и благоустройстве запущенных и необрабатываемых земель[9].

Естественно, что в большинстве случаев подобные переселения приводили к опустошению отдельных местностей, обнищанию и гибели десятков тысяч крестьян, горожан и кочевников. Техника ведения сельского хозяйства в XVIII в. была весьма отсталой. Интересные сведения об этом сообщают Шардэн и Рафаэль дю Ман. Хотя их данные относятся к XVII в., однако в 30—40-х годах XVIII в. никаких существенных изменений в этом отношении не произошло. Шардэн, наблюдавший пахоту в Иране, писал, что «плуг очень мал, и его сошник, так сказать, только царапает землю, так что когда борозды выведены, пахари разрыхляют землю деревянными досками и бороной маленькой, с малыми зубьями, а затем лопатой они выравнивают землю и потом разделывают ее на квадратные грядки» и т. д.[10].

Для молотьбы употреблялся деревянный цилиндр, покрытый небольшими острыми камнями, который вращали волы. Иногда же волы просто топтали колосья. «Избитая таким образом солома носит название саман (или сосман) и ею кормят лошадей и скот вообще»[11]. Зерна часто мололи ручными жерновами[12].

Техническая отсталость сельского хозяйства объяснялась отсутствием стимула к усовершенствованию сельскохозяйственных орудий и при общем экономическом упадке, в условиях мелких хозяйств и искусственного ороше-

[8] Абраам Кретаци, *Патмутюн анцицн...*, стр. 73.

[9] Мухаммед Казим, *Тарих-и аламара-йи Надири*, т. I, л. 50; т. III, л. 11 и др.

[10] И. П. Петрушевский, *Из истории орошения и техники сельского хозяйства в Иране в XIII—XIV вв.* (Ученые записки ЛГУ», № 179, 1954 г.), стр. 186.

[11] Центральный государственный военно-исторический архив (далее — ЦГВИА), ф. ВУА, колл. 446, ед. хр. 177, 157.

[12] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1741, д. 4, л. 210.

ния, не давала возможности поднять производительность труда[13]. Осваивать заброшенные или ранее малозаселенные земли путем насильственных переселений на них крестьян было очень трудно и почти бесполезно. И если в ряде случаев отдельные мероприятия шахской власти, направленные на ремонт оросительных сооружений и возделывание заброшенных земель, достигали некоторого успеха, они все же не могли способствовать росту производительных сил страны и укрепить экономическую основу государства — мелкое крестьянское хозяйство, тем более, что большая часть государственных мероприятий в основном преследовала лишь военно-стратегические и политические цели и была связана с непосредственной подготовкой новых завоевательных походов. Например, Мухаммед Казим передает, что незадолго до индийского похода Надир-шах оповестил каджаров-военачальников Мерва о своем намерении возвратить на прежнее место многих переселенных им когда-то в Хорасан мервских каджаров, «с тем, чтобы (они.—*М. А.* и *К. А.*) прежде всего навели бы там должный порядок и проявили бы заботу о благоустройстве этого края, чтобы Мерв имел большое количество амбаров зерна и продуктов земледелия»[14].

Кроме мервских каджаров здесь было намечено поселить 3 тыс. дворов хорасанских крестьян с тем, чтобы тотчас же по прибытии они занялись земледелием, восстановлением садов и населенных пунктов[15]. Оросительная система Мервского округа была заброшена. Плотина Султан-бенд — голова всей оросительной системы Мерва — была разрушена во время одного из восстаний местного населения. Впоследствии Надир давал неоднократные приказы о восстановлении этой плотины. Наконец необходимые работы по ее ремонту были завершены. Назначенные Надиром чиновники, по словам историка, заботились о земледелии, проведении каналов, что не производилось в этой области уже многие годы. В результате этих мероприятий «Мерв украсился подобно раю»,

[13] И. П. Петрушевский, *Из истории орошения и техники...*, стр. 187.

[14] Мухаммед Казим, *Тарих-и аламара-йи Надири*, т. II, л. 125.

[15] Там же.

стоимость одного мана зерна за год упала с 200 динаров до 10 [16].

Мерв превратился в богатый земледельческий округ. Мероприятия по благоустройству и заселению Мервской области Надир-шах открыто мотивировал своим намерением совершить поход в Среднюю Азию [17]. Автор рукописи «Тарих-и аламара-йи Надири» замечает: «Ввиду того, что Мерв занимает пограничное положение в Туркестане, Надир направил внимание своих подданных на благоустройство этого города» [18]. О том, что превращение Мерва в земледельческий округ преследовало лишь военно-стратегические цели, создание военной базы для наступления на Среднюю Азию, свидетельствуют и военные приготовления, производившиеся здесь по приказу шаха. Со всех концов государства доставлялись медь, чугун, порох для изготовления пушек и ядер. И действительно, во время среднеазиатского похода Надира в 1740—1741 гг. Мерв являлся базой наступления шахского войска. Спустя некоторое время, уже в период начавшейся ирано-турецкой войны 1743—1746 гг., когда, по сообщению Мухаммеда Казима, Надир-шаху стало известно, что китайский император якобы намеревается начать войну против Ирана, он развертывает активную подготовку похода в Китай. Базой для наступления был вновь избран Мерв, где начались военные приготовления [19].

Появление в период правления Надир-шаха новых поселений и городов, о которых имеются сведения в письменных источниках, отнюдь не было связано с ростом производительных сил.

Так, Лерх, посетивший Новую Шемаху в 1745 г., нарисовал печальную картину этого города. В Новой Шемахе предместье состояло из бедных лачуг, построенных из тростника и камыша, где ютились обнищавшие люди; дома в самом городе были маленькие, грязные и все крыты соломой. Когда-то оживленная торговля совершенно замерла [20].

---

[16] Там же, л. 128.
[17] Мухаммед Казим, *Тарих-и аламара-йи Надири*, т. I, л. 125.
[18] Там же, т. II, л. 127.
[19] Там же, т. III, л. 25—28.
[20] Büschings «Magazin», Bd. X, S. 403.

В 1737 г. во время семимесячной осады Надиром Кандагара лагерь шахского войска сильно разросся: в нем были устроены крытый базар, мечети, бани, чайханэ, учреждены присутственные места. Постепенно лагерь превратился в небольшой городок — Надирабад. После взятия Кандагара его население, оказывавшее более полгода упорное сопротивление, по приказу шаха было переселено в Надирабад. Кандагар же был разрушен. Вскоре после основания афганского государства (1747) его первый шах Ахмед отстроил Кандагар уже на новом месте, а от Надирабада осталось лишь несколько жалких развалин [21].

Такова же история возникновения многих новых «городов» в период правления Надир-шаха. Разумеется, что основание таких городов, диктовавшееся исключительно политическими мотивами, сопровождалось колоссальным разрушением производительных сил страны и вело к дальнейшему углублению экономического упадка.

Хорасан с главным городом Мешхедом являлся политическим центром государства Надир-шаха. Этим и объясняются заботы шаха о благоустройстве этой области.

Прежде всего, на обширные и пустующие земли Хорасана Надир насильственно переселял различные кочевые племена, крестьян и жителей городов других областей государства.

Так, еще в 1729—1730 гг. Надир переселил в Хорасан 56 тыс. дворов кочевников из Фарса, Ирака (персидского), Азербайджана, в том числе 12 тыс. семейств афшаров, из которых 2 тыс. принадлежали к клану кырклу.

Афшары кырклу были поселены в округах Мияба и Кубегане, которые издавна были местом кочевья этого клана. Остальные афшары были поселены в округе Мешхеда и в Келате. 44 тыс. дворов, переселенных в Хорасан, были бахтиары, курды и др. Им предоставили обширные летние и зимние пастбища. Однако вскоре после гибели Надира эти племена снялись с новых стоянок и ушли обратно [22].

---

[21] Мехди-хан, *Тарих-и Надири*, стр. 188.
[22] Абраам Ереванци, *История войн...*, стр. 71.

Надир-шах переселял афшаров в Хорасан для того, чтобы консолидировать и усилить афшарскую кочевую знать. Переселение многих других племен преследовало прямо противоположные цели. Как мы уже отмечали, дробя крупные и сильные племена, отрывая от племени отдельные кланы и расселяя их в различных местностях Хорасана, часто отдаленных друг от друга, Надир-шах стремился подорвать их военную мощь.

Крепость Келат пользовалась особым вниманием шаха. Еще до завершения индийского похода по приказу Надира в Келат была проведена по большому каналу вода с окрестных гор. Здесь были разбиты сады и пышные парки, построены базары и караван-сараи [23]. Много купцов, торговавших на войсковых базарах в различных областях, были поселены в Келате. Сюда же доставили награбленные в Индии сокровища, для которых соорудили специальные тайные казнохранилища [24].

В 40-х годах государство переживало крайнее истощение и упадок, налоги собирались только с помощью жесточайших репрессий. В то же время по приказу Надир-шаха в Келате, Дербенте и некоторых других городах воздвигались дворцы, усыпальницы, разбивались роскошные парки. В частности, расходы по сооружению келатского дворца и казнохранилища были огромны. Мрамор для строительных работ доставлялся из Тебризской области, главным образом из округа Мараги [25]. Это было крайне обременительно для крестьян, которым нередко приходилось перевозить различные материалы на своих плечах. Среди мраморных глыб, доставленных в Келат азербайджанскими крестьянами, многие весили до 50 харваров. Несколько камней именовались в народе «гибель Ирана» и «расход мира», так как «стоимость их, — по словам Мухаммеда Казима, — выходила за пределы исчислимого» [26].

Строительство, заселение пустующих земель, восстановление городов и деревень, благоустройство отдельных округов проводились в самых ограниченных масштабах и в основном лишь в Хорасане.

[23] Мухаммед Казим, *Тарих-и аламара-йи Надири*, т. II, л. 285.
[24] Там же, л. 170.
[25] Там же, л. 285.
[26] Там же, л. 170.

Большая часть этих мероприятий осуществлялась за счет разрушения производительных сил, опустошения других областей, разорения и гибели многих тысяч крестьян и ремесленников.

Так, резиденту И. Калушкину письмом от 27 июня 1736 г. сообщали из шахского лагеря, что после взятия Кандагара «его величество оной до подошвы разорил, так что камень на камне не оставил» [27].

Печальная судьба постигла также Кабул. Когда шахское войско, прорубив городскую стену, ворвалось в город, то в «белом городе» уже никого не было, так как все жители со своим имуществом укрылись в крепости. «Убогие и подлые люди в нем остались, и тотчас без остатку наповал были от персиян порублены, потом и город весь, в котором домы, лавки и гостиные дворы из мрамору были построены, разорили до основания... потолки, двери и протчее деревянное сооружение все сожгли, оставя токмо башни», на которые были прикреплены пушки для обстрела крепости [28].

Непрерывные завоевательные войны разоряли широкие слои трудящихся и разрушали хозяйство страны. Насильственное подчинение различных народов и господство над ними, непомерное усиление эксплуатации трудящихся, чудовищный террор и жестокое подавление освободительной и классовой борьбы неизбежно привели к катастрофическому упадку производительных сил Ирана и сопредельных с ним стран.

И. Калушкин, выехавший по требованию Надира из Исфахана в Тегеран, писал в реляции от 12 марта 1741 г.: «В нынешнем моем проезде мне самому случилось видеть, какое крайнее оскудение повсюду во всем и между обывателями нищета имеется; все деревни и города в конец пограблены, через которые я проезжал, провиант и фуражи с великим трудом достать мог и покупал неслыханною ценою; а здесь уже не знаю как себя содержать буду, понеже всякие съестные вещи и корм лошадиной от генерального недостатка из цены вышли, ибо высланные из Хивы и Бухары озбеки, будучи в здеш-

[27] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1738, д. 7, л. 363
[28] Там же, л. 596.

нем городе и в околичных от онаго местах раставлены, все без остатка поели и потравили» [29].

Безуспешная война Надира в Дагестане привела к полному разорению близлежащих областей.

«Какой здесь в Дербенте во всем недостаток и голод имеется, — писал 8 ноября 1741 г. из Дербента И. Калушкин, — то кратко доношу, что ничего соискать невозможно и обыватели претерпевают несносное изнурение, к прибытию шахову требуют на два дня провианта и фуража... всех мучат под палками» [30].

В реляции от 30 ноября 1741 г. И. Калушкин писал: «...в Дербенте мы голод претерпеваем... и хотя сюда муки, масло коровье и другова запаса и привозят, но вовсе отнимают на шаха за бесценок, от чего и уповать невозможно, чтобы впред привоз оному продолжатся мог» [31]. Несколько позднее резидент отмечал: «В Индии его величество к смотрению драгоценных каменьев труда прилагать не хотел, а в Дагестане с податностью пшеничные и ячменные зерна подбирать старается, да и того довольно найти не может» [32]. Калушкин сообщал также и о беспредельном разорении населения в связи с непрерывными поборами на содержание войска. «Одним словом, рабски доношу, что от учреждаемого на Дагестан его намерения Персия к дальнейшему своему разорению доходит, ибо одно заготовление провианта, которой сюда изо всех и крайне отдаленных персицких провинций ставить велено, всему государству так не истерпимо есть, что не видится как бы Персия такую непреодолимую тягость снести могла» [33].

В реляции от 23 декабря 1742 г. В. Братищев писал о том, что «везде в Персии конечной недостаток в хлебных запасах обстоит, из которого при зборе на шаха разсыльщики ево немилостиво от обывателей мучат, не приемля никаких сущих и истинных оправданий, твердя токмо, чтоб пшеницу и ячмень, из земли вырывая, на войско давали; дербентцов мужской и женской пол каждой день

[29] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1741, д. 7, л. 54, 55.
[30] Там же, л. 331.
[31] Там же, л. 509.
[32] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1742, д. 5, ч. II, л. 297, 298.
[33] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1742, д. 4, л. 23, 24.

публично ломают, и такое число с них провианта требуют, какового никогда поля и десятины их, ни в пять лет не приносили, от чего здешние жители многие разбежались; о денежном зборе не упоминаю: ибо во всей Персии кроме положенных толь неумеренных податей всегда от шаха варварские и душевредные к народу привяски чинятся, по которым великую сумму с подданных своих грабит... У дербентских обывателей жито всякого звания на шаха отобрано, так что не токмо на прокормление им, но и на семена ничего не оставлено» [34].

Посевы сокращались, поля оставались необработанными.

Летом 1744 г. русский дипломат сообщал, что в текущем году в Дербентской области «пашенной работы не было» [35].

12 сентября 1746 г. В. Братищев писал из шахского лагеря в Соуджбулаке, что страна «за непрестанными неудобопонятными денежными зборами под разными насильственными званиями, с одной стороны — персицкие поданные без пощады истребляются, иной остается, крайнюю нищету на себе несет, и обнажены суть; а с другой — города и деревни в достаток опустошаются и такого города во всей Персии, исключая Мешхед, уже нет, который бы в полу против прежнего при моей памяти жилье представлял, но паче от времяни до времяни здешние обитания до подошвы раззоряются... И до того Персию доведет, что никто в ней избыточной и мочной не останется... Истощая Персию, едино деньгами Келат, а переселением людей Хорасань наполняет, и завсегда собираемую казну великой суммою и целыми миллионами туда в Келат отправляет» [36].

Летом 1742 г. В. Братищев писал из Дербента, что грузинские князья своих детей «в плен продают», а вырученные деньги «в накладываемые от шаха неумеренные подати употреблять принуждены, и до такой крайности дошли, что множайшие от них дневные пищи лишены, пробавляяся в пропитании своем нищетным путем;

[34] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1742, д. 5, ч. II, л. 308.
[35] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1744, д. 4, л. 149.
[36] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1746, д. 7, л. 387, 388.

да и все персицское государство от безпрестанных искоренительных от шаха отягощений, подлежащих до набора вновь множественно числа людей, изготовления хлебного запаса... изнурены... (и) в достаток обобраны» [37].

В реляции от 5 июня 1743 г. В. Братищев, сопровождавший шахское войско из Дербента до Мараги, сообщал:

«Генерально персицкие поданные от непрекращаемых шаховых изнурений несносных правежей и безчеловечных грабительств, касающихся до собирания с них кроме подушных податей денежной казны, под разными прицепами, в натуре всяких подробных надобностей, военных припасов, верхняго и нижняго платья на войско, в заготовлении провианта столько разорены, что свыше сей напасти и бедствия ниже при самом падении своего господства видеть не могут, с жалостию и прискорбным воздыханием вспоминают те времена, в которые они при последнем персицком замешании под разными державами обретались, пользуясь тогда благоденствием, понеже ныне самый подлый крестьянин в год по тридцати рублев подати платит, как имянно едучи за шахом мимо деревень о том выспрашивал, а о заводных людях изяснять нужды нет, по причине, что весь их избыток без остатка Надир-шах пожирает... таща из них до последней нити. По такому суровому ево тиранству во всей Персии съестные вещи в неслыханной дороговизне состоят или паче и голод происходит и от наибольшей части по городам и деревням жители травою питаются, от которой толь предельной скудости и наивяще от неистерпимых налогов множайшие семьи разбежались, уходя в Турецкие краи. Все персицкое изобилие, богатство и сокровище единственно в шахове дворе... а сама Персия с своими поселянами опустошена и куда ни заглянуть, везде бедность, нищенство и истощение, и изнеможение, и что далее шах воюет, то более Персия искореняется» [38].

Находясь в Хамадане, В. Братищев подробно писал об экономическом состоянии ряда областей: «Упадшее и

[37] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1742, д. 5, ч. I, л. 213.

[38] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1743, д. 3, л. 630, 631.

изкореняемое состояние персицкого государства шаха принудить должно, дальные замыслы прекратить, понеже генерально здешние подданые от мала до велика, последнего избытка от неслыханных поборов лишены; торговые промыслы в конец утеснены; жители персицкие ремесленного и крестьянского звания в достаток истощены и изгнаны; и тоже по продолжаемому опустошению в Персии ни казны, и неже хлебных запасов не остается, кроме что везде голод и нищенство обстоит, да и обыватели из множайших городов и уездов по неистерпимым изнурениям разбежались. От самого Тевриза даже до Гемедана почти ни единой жилой волости и деревни в проездемоем не видал; равные ведомости и о прочих персицких сторонах имеются, одним словом Персия крайне подорвана».

Говоря о перспективах войны Ирана с Турцией, Братищев добавляет: «До того пришло, что в знатных городах неумеренная дороговизна в съестных вещах происходит; иных же потребностей и сыскать нельзя, еще на несколько времяни персияне с трудностью пробавляются, платя кровию подати шаху и продавая жен и детей от тиранских мучителей жизнь свою спасают... При таком разорении персицкое государство весьма не в состоянии тягость войны сносить и час от часа к горшему идет, ибо шах под разными претекстами необыкновенными штрафами оное обдирать не щадит» [39].

От непомерных претензий шахских сборщиков из Исфахана «множайшие семьи разбежались, не имея никакого избытка, чем бы от изнурения и мучительства жизнь свою спасти могли, ибо побудильщики шаховы бес пощады их побоями к тому платежу принуждают и по получаемым известиям ныне в Испагане едва не во всех лавках и гостиных дворах пустота находится, и ни торгуют, и ниже ремесленных промыслов почитай не обращается, да его величество к тому ведет, дабы имя Испагани не осталося» [40].

По свидетельству Ханвея, области, в которых были подавлены народные восстания и феодальные мятежи в

[39] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1743, д. 3, л. 19, 20.

[40] Там же, л. 455, 456.

1743—1744 гг.—Ширван, Астерабад, Мазандеран, Фарс и другие,— были страшно разрушены [41].

Как сообщается в источниках, «провинция Ширванская до Дербента вся разорена и опустошена, житья ни в одной деревне нету, в некоторых местах начали сходитца и те безскотные и безхлебные, питаютца травою...» [42].

Города и деревни вдоль всей турецкой границы были разрушены; жители взяты в плен или же разбежались. Население было так озлоблено и напугано вымогательствами и поборами на содержание войска и чиновников, что с приближением Ханвея и его спутников люди бежали в горы, как от воинов или разбойников. Вымогательства, замечает Ханвей, были причиной того, что жители стали совершенно чужды каких бы то ни было законов и правил гостеприимства [43].

Вся Астерабадская область, по словам очевидца, была ужасно опустошена. Развалины многих разоренных деревень и городов стали приютом для разбойничьих шаек. Ханвей и его спутники на расстоянии многих миль вокруг не могли найти фуража для лошадей [44]. В течение трех дней непрерывного пути путешественники не встретили ни одной обитаемой деревни [45].

Еще в лагере шаха под Хамаданом Ханвей высказал одному из приближенных Надира сожаление, что в такой прекрасной стране, как Иран, так мало жителей. Шахский придворный ему ответил, что положение и не могло быть иным, так как войско шаха в течение нескольких лет находится в непрерывных походах и содержится на средства народа [46].

По словам Ханвея, в окрестностях города Казвина он не видел почти ничего, кроме разоренных и пришедших в упадок деревень и городов [47], а плодородная земля и прекрасный климат этой области еще более подчеркивали печальную картину разрушения. Из разговора с местным

[41] J. Hanway, *An historical account...*, vol. I, p. 151; vol. II, p. 421, 426 and oth.
[42] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1747, д. 1, л. 52.
[43] J. Hanway, *An historical account...*, vol. I, p. 160.
[44] Ibid., p. 162.
[45] Ibid., p. 176, 177.
[46] Ibid., p. 164, 165.
[47] Ibid., p. 160.

купцом Абд-аль-Керимом Ханвей узнал, что при Сефевидах в этом городе было 12 тыс. заселенных домов, из которых в 1744 г. осталась только тысяча. В Исфахане в конце XVII в. было около 100 тыс. заселенных домов, среди них многие не уступали шахским по красоте и роскоши. В 1744 г. там оставалось всего около 5 тыс. домов. Свою речь казвинский купец закончил восклицанием: «О мой господин, вы не знаете в какую нищету мы повергнуты» [48].

При последних Сефевидах вдоль берега Аракса было расположено большое число деревень и торгово-ремесленных местечек, а в середине 40-х годов лишь немногие из них остались заселенными [49]. Окрестности Шемахи были совершенно опустошены. Дорога к городу шла через заброшенные поля и разрушенные деревни [50]. В связи с массовым бегством крестьян, гибелью и уводом их в плен, выселениями, на различных сельскохозяйственных и других работах стали использовать воинов. Так было приказано войскам, стоявшим в провинциях, отвести участки на пашнях, которые они должны были обрабатывать [51]. Известно, что в Ширване воины снимали урожай [52]. Благоустройство Мерва было возложено в основном на воинов-каджаров [53].

Отдельные отрасли сельского хозяйства (например, шелководство) были совершенно разорены [54]. В частности, в окрестностях Астары, где ранее было развито шелководство, деревни были слабо заселены и находились в запущенном состоянии. Лерх, посетивший Астару в 1745 г., сообщает, что ее жители были большей частью были бедными людьми; они выглядели совершенно изголодавшимися и выпрашивали у членов и сотрудников русского посольства хлеба. Жители не имели ни риса, ни зерна, ни денег, — все отобрали у них по приказу шаха.

[48] Ibid., p. 155, 156.
[49] Ibid., p. 268.
[50] Büschings «Magazin», Bd. X, S. 428.
[51] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1744, д. 14, л. 444.
[52] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1739, д. 5, л. 80; 1746, д. 7, л. 265.
[53] Мухаммед Казим, *Тарих-и аламара-йи Надири*, т. II, л. 125, 126.
[54] J. Hanway, *An historical account...*, vol. I, p. 269, 270.

Начало развиваться людоедство. За самую ничтожную сумму денег или продукты родители продавали своих детей; люди питались кореньями и травами [55]. «Такую же нищету,— писал Лерх,— я наблюдал повсюду в Гиляне» [56]. По свидетельству же Ханвея, область Гиляна еще находилась в лучшем экономическом состоянии, чем другие области государства [57].

Английские купцы из фактории в Гиляне, прежде занимавшиеся скупкой шелка-сырца, в 1747 г. обратились к английскому послу Гиндфорду с просьбой помочь им выехать на родину, так как торговля прекратилась, а их жизнь и имущество оказались в опасности из-за непрерывных мятежей и восстаний [58]. То же, по словам современников, наблюдалось и в других шелководческих районах [59].

В подобном положении находилось и садоводство. Многие сады были запущены и в них сеяли простую траву для того, чтобы выполнить поставки фуража для войска [60].

Большинство областей государства страдало от голода. Как сообщали русские дипломатические представители: «при настоящих в Персии замешательствах тамо еще и великой голод стоит и обыватели, не имея пропитания, многим числом помирают» [61]. Только в Хамадане от голода ежедневно умирало восемь—десять человек [62].

Население многих городов и деревень питалось травой, вследствие чего начались тяжелые эпидемии. В Кашане к осени 1744 г. умерло 17 тыс. человек [63]. Братищев писал об эпидемии в Кашане: «...болезнь ни от иного чего, как токмо от продолжившегося в прошедшие годы

[55] Ibid.
[56] Büschings «Magazin», Bd. X, S. 426.
[57] J. Hanway, *An historical account...*, vol. I, p. 289.
[58] «Сборник Императорского российского исторического общества», т. 103, д. 8.
[59] «Русский архив», 1899, кн. 12, статья неизвестного автора; см. также АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1747, д. 1, л. 138, 139.
[60] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1738, д. 7, л. 248.
[61] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1747, д. 8, л. 8
[62] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1743, д. 4, л. 385.
[63] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1744, д. 14, л. 519.

здесь голода и, что обыватели, претерпевшие оскудение в хлебных запасах, весною по наибольшей части травою питались, произошла» [64].

Область Керман настолько была разорена поставками для войск, что в течение семи-восьми лет здесь царил жестокий голод.

Общее положение еще более ухудшалось недородами и засухами 1744 и 1746 гг. [65]. Цены на продукты питания неимоверно росли. Если в Нахичеванском крае в 1732/1733 г. ман пшеницы стоил 400 динаров [66], то в 1742 г. тебризский ман муки стоил 2 тыс. динаров. Однако тебризский ман весил около 3 кг, а нахичеванский— почти 13 кг. Следовательно, в 1732/33 г. 1 кг пшеницы стоил, примерно, 30 динаров, а в 1742 г. 1 кг пшеничной муки — 666 динаров.

* * *

Чтобы привлечь средства в государственную казну, Надир-шах пытался оживить торговлю своего государства с другими странами. Для этого он предоставлял торговые монополии различным иностранным купцам и торговым компаниям, особенно английским.

Еще в 1739 г. Джон Эльтон отправил в Мешхед сыну Надира Риза Кули-мирзе, являвшемуся наместником шаха, прошение, в котором предлагал завязать торговлю с английской компанией и заключить с ней договор на следующих условиях: агенты компании будут иметь право свободно входить во все порты на Каспийском море и торговать в областях, подвластных шаху в Иране, Индии, среднеазиатских ханствах; они получат разрешение вывозить шелк-сырец и не будут обременены другими поборами, кроме тех, которыми облагаются подданные шаха; агенты компании смогут строить для себя дома и склады там, где они пожелают; шахская власть обязана обеспечить неприкосновенность их личности, имущества и пр. [67].

На основании указа Риза Кули-мирзы, текст которого в переводе с персидского языка приводится в дневнике

[64] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1744, д. 4, л. 382.
[65] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1746, д. 16, л. 391.
[66] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1741, д. 7, л. 55.
[67] J. Hanway, *An historical account...*, vol. I, p. 17—19.

Эльтона и Гримма (так же как и прошение Эльтона, адресованное иранскому наместнику в Мешхеде), английские купцы, члены учрежденной в Петербурге торговой компании «Россия», получили все требуемые Эльтоном права и привилегии. Более того, в соответствии с этим указом все подданные и в особенности правители областей должны были оказывать всевозможное содействие и помощь английским купцам, взятым под особую защиту и покровительство короны [68].

Большие торговые привилегии имела также Ост-Индская компания, агенты которой развернули значительную торговую деятельность в Южном Иране.

Сам Риза Кули-мирза через своих агентов вел прибыльную торговлю. Ханвей отмечает, что во время своего наместничества Риза Кули-мирза обладал монопольным правом торговли шелком-сырцом. Он закупал его у непосредственных производителей по расценкам, определенным им самим; в то же время он принуждал производителей шелковых тканей покупать шелк-сырец у его торговых агентов по новым, повышенным ценам [69].

Благодаря спекуляции он нажил в течение непродолжительного срока значительные средства. В письме Надир-шаху Риза Кули-мирза хвастал, что у него стало 1,5 млн. туманов. Когда же отец спросил его, каким образом он разбогател, Риза Кули-мирза ответил, что он «сделался купцом и нажил эти средства торговлей». К этому письму он приложил документы, подтверждающие якобы его честность [70].

Агенты Надир-шаха закупали рис и другие продукты сельского хозяйства в районах, где цены на них были сравнительно низки; затем, продавая их на войсковом базаре или вывозя в другие области страны, они получали огромные барыши. Торговые спекуляции, по свидетельству Ханвея, являлись монопольным правом агентов шаха, который жестоко наказывал тех, кто пытался приобщиться к этой торговле [71]. Но к иностранным купцам Надир относился внимательно и нередко защищал их интересы. Так, когда английский купец Ханвей с товарами прибыл в Иран через Каспийское море и остановился в Астерабаде, в городе началось восстание под руководством Мухаммед Хасан-хана каджара. Восставшие отобрали у купца все товары, но разрешили ему покинуть Астерабад. Прибыв в шахский лагерь под Хамаданом, Ханвей узнал, что восстание подавлено и что Надир отдал приказ, согласно которому «купцы не должны страдать из-за восстания». Ханвею было предложено составить список своих потерь. В тот же день он получил приказ, который следовало предъявить командующему шахскими войсками в Астерабаде. В приказе говорилось, что сохранившееся имущество Ханвея должно быть ему возвращено, остальную же часть его убытков ему возместят из конфискованного имущества участников восстания [72].

[68] Ibid., p. 20—22.

[69] J. Hanway, *An historical account...*, vol. II, p. 378.

[70] Ibid.

[71] Ibid., p. 168.

Уже упоминавшийся нами казвинский купец Абд-аль-Керим рассказывал Ханвею в одной из бесед следующее: некий купец должен был получить от багдадского паши 20 тыс. крон. Багдадский паша дал купцу перевод на имя бассорского паши, который должен был выплатить означенную сумму. Но когда город был осажден войсками Надир-шаха, бассорский паша отказался от уплаты денег. Купец обратился с жалобой к Надиру, который дал приказ о том, что деньги должны быть собраны... с населения города Решта (10 тыс. крон), Исфахана (5 тыс. крон) и Кашана (5 тыс. крон) [73].

Для поощрения торговли Надир-шах нередко прибегал к принуждению и террору. Так, Мухаммед Хусейн-хан, правитель Астерабада, приказал всем лицам, содержащим лавки, прилежно заниматься своими делами, в противном случае хан угрожал лишить их жизни, а из голов воздвигнуть пирамиды [74].

В военно-стратегических целях, а также для оживления торговли Надир пытался создать флот на Персидском заливе и в Каспийском море, но это закончилось неудачей [75].

[72] J. Hanway, *An historical account...*, vol. I, p. 168.

[73] Ibid., p. 155, 156.

[74] Ibid., p. 216—217.

[75] П. Г. Бутков, *Материалы для новой истории Кавказа...*, т. I, стр. 221, 222.

В условиях разрушения производительных сил страны, разорения деревень и городов, непрерывных войн, восстаний и мятежей отдельные мероприятия шахской власти, проводившиеся для укрепления торговых связей с различными государствами, конечно, не могли привести к каким-либо положительным результатам.

Как известно, главной статьей иранского экспорта при Сефевидах был шелк-сырец. Его основными поставщиками являлись прикаспийские области—Гилян, Астерабад, Мазандеран, а также Азербайджан и Армения. В исследуемый же период (особенно с 1744 г.) производство шелка в этих областях и торговля им резко сократились. Об этом свидетельствуют и данные о пошлинных сборах в Гиляне [76]. В Армении и особенно в Ширване торговля шелком почти совершенно прекратилась, так как население этих областей было окончательно разорено войнами, карательными экспедициями, огромными налогами.

Лерх, который посетил Гилян в 1745 г., сообщает, что в Реште было 15 караван-сараев, предназначенных для купцов, приезжающих в город для торговли или останавливающихся здесь проездом; но все они были почти пусты. Вследствие опасностей, которым подвергались караваны в пути, купцы из Исфахана и других мест в течение года не прибывали в Решт. Лерх видел лишь один караван, прибывший туда из Тебриза [77].

В свое время в Дербенте по приказу Надира был построен во внутреннем городе (в так называемом греческом городе) большой караван-сарай в виде двух параллельных рядов. Лерх насчитывал там около 150 лавок из камня и глины, сооруженных небрежно и неудобно, многие из них были недостроены или только начаты. Все лавки были пусты, и во всем караван-сарае не было ни одного купца. В нем были расквартированы шахские воины; здесь же валялись трупы людей, которые никто не убирал [78].

Столица Надира — Мешхед, по свидетельству современников, находилась всегда под особым покровительством шаха. Ван-Мироп, который прибыл туда с торговыми поручениями в 1740 г., оставил в своем дневнике описание этого города. По его словам, сюда ежедневно приходили караваны из Бухары, Балха, Бадахшана, Кандагара, Индии и со всех концов Ирана. Базары города были благоустроены, наполнены разнообразными товарами. Их посещало множество людей самых различных народностей. Однако данные Ван-Миропа относятся лишь к 1740 г. Ханвей, приводя в своем сочинении дневник этого купца, замечает, что описание города Мешхеда, приводимое Ван-Миропом, свидетельствует о том, что Надир погубил даже свою любимую столицу за тот незначительный промежуток времени, который прошел между посещением Мешхеда Ван-Миропом и путешествием Ханвея (1744) [79]. Но даже в 1740 г., когда торговля находилась все же в лучшем состоянии, чем в следующие годы, Ван-Миропу пришлось приложить много усилий, чтобы продать товары. Причем за два года и три месяца он продал всего лишь, замечает Ханвей, на 2 тыс. туманов, — в таком бедственном положении находилось население города [80]. Об упадке торговли свидетельствуют и слова казвинского купца Абд-аль-Керима. В разговоре с Ханвеем он заявил, что торговля в Мешхеде совершенно невыгодна для европейца, потому что в стране никто не покупает товары в большом количестве, «так как персидские купцы очень бедны» [81].

Иностранные купцы все меньше и меньше стали посещать Иран и некоторые сопредельные с ним страны, потому что притеснения и насилия властей задевали также и их. По данным Лерха, русские купцы почти всюду подвергались грабежам, насилиям и вымогательствам. Так, с русских купцов в Шемахе, Тебризе, Ардебиле, Исфахане по приказу шаха был взыскан значительный денежный штраф, а товары отобраны и разграблены. Во время посещения Лерхом Решта сюда прибыли шахские сборщики, которые взимали налоги с населения при помощи жестоких побоев. Поэтому люди были вынуждены продавать все, что они имели,— украшения своих

---

[76] J. Hanway, *An historical account...*, vol. I, p. 289.
[77] Büschings «Magazin», Bd. X, S. 431, 432.
[78] Ibid., S. 402.

[79] J. Hanway, *An historical account...*, vol. I, p. 245.
[80] Ibid., p. 295.
[81] Ibid., p. 156.

жен, кольца, шапки, одежду. Штрафам подвергались также русские и армянские купцы, которые часто, не имея с собой больших денег, одалживали необходимые им для уплаты суммы у членов посольства с условием вернуть их по прибытии в Астрахань [82]. По приказу М. М. Голицына русские купцы покинули Иран и отправились в Астрахань. Оставались только те иностранные купцы, которые не завершили еще своих торговых сделок или же находились под особым покровительством короны и пользовались большими привилегиями [83]. Многие армянские и грузинские купцы, проживавшие прежде в различных городах Ирана, Армении и Грузии, покинули родину и переселились в другие места, в частности в Астрахань, население которой в эти годы значительно увеличилось [84]. И со своих купцов, помимо повышения налоговых ставок и пошлин, шахское правительство вымогало большие денежные штрафы. Резидент Калушкин, лично зная многих исфаханских купцов, утверждал, что «не токмо положенные деньги, ниже десятой доли, хотя б все пожитки и дворы продать, заплатить не могут» [85].

Положение купцов ухудшалось тем, что они «всякие товары никому иному, только определенным от шахова сына купчинам продавать и от них шелка и прочее покупать повинны» [86]. Эти купцы были посредниками Риза Кули-мирзы, который наживал колоссальный капитал.

Кроме того, шахские военачальники чинили купцам «непрестанные волокиты», требуя от них сукна, полотна и другие товары. В связи с такими поборами, как отмечал в 1740 г. И. П. Калушкин, «в промыслу их происходит великое помешательство и многие дни случаются, что в рядах едва ли не все лавки заперты бывают» [87].

В последующие годы положение настолько осложнилось, что русские дипломатические представители открыто заявили: «...ныне торг за разорением купцов пресе-

[82] Büschings «Magazin», Bd. X, S. 432.
[83] Ibid., S. 403, 432.
[84] Ibid., S. 378.
[85] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1740, д. 6, л. 93—100.
[86] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1739, д. 5, л. 360, 361.
[87] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1740, д. 6, л. 52.

кается» [88]. Многие из них уезжали из Ирана, другие разорялись. Как сообщали очевидцы, к 1747 г. «лучшие рященские (рештские.— *М. А.* и *К. А.*) купцы разбежались, а остальные все в скудости находятся» [89].

Участившиеся на дорогах разбои нарушали безопасность торговых путей. Все это, естественно, привело к сокращению не только внутренней, но и внешней торговли.

В 1747 г. современники свидетельствовали, что «по нынешним персидским обстоятельствам и опасности видится, что купцы не токмо товаров своих с рук сбыть, но и себя сохранить едва могли бы» [90].

Резкое ослабление торговли было следствием общего экономического упадка в стране, который послужил основой политического кризиса государства Надир-шаха.

В результате разорения и неплатежеспособности крестьян, задавленных тяжелыми налогами, и упадка городской жизни значительно сократились доходы некоторых слоев господствующего класса, в частности военно-феодальной племенной знати.

Но, стремясь улучшить свое положение, эта знать еще более усиливала эксплуатацию податного населения.

Грабительские походы Надир-шаха, направленные на то, чтобы компенсировать феодальной верхушке сокращение ее доходов в результате разрушения крестьянского хозяйства, привели лишь к углублению хозяйственной разрухи в государстве.

Индийским и среднеазиатским походами Надира, собственно говоря, исчерпываются его победы; войны же последующих лет — дагестанская кампания 1741—1743 гг. и война с Турцией 1743—1746 гг. — не дали ни новых территориальных приобретений, ни богатой военной добычи.

Щедрые обещания Надира остались невыполненными. И, если в начале 30-х годов раздел добычи среди воинов после крупных военных операций еще производился, то уже после взятия Кандагара, когда столько «казны и всякого имения нашли, что едва в месяц все вывести мо-

[88] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1747, д. 1, л. 140.
[89] Там же, д. 3, л. 220.
[90] Там же, д. 1, л. 119.

жю», войска из этих богатств ничего не получили. Все захваченное пошло в пользу шаха [91].

Военачальникам и воинам не только не платили полностью и в срок жалованье и отстраняли их от дележа добычи, но и облагали их непомерными штрафами, отнимали драгоценности [92]. Братищев в 1743 г. писал, что Надир, «не упуская командирам и управителям провинций и не обходя военных людей, неслыханными штрафами привязываясь, ни за что грабит» [93].

Из-за растущей дороговизны и голода, распространившихся по всей стране, войско плохо снабжалось. В источниках имеются многократные утверждения о том, что с конца 30-х годов XVIII в. и до падения державы Надир-шаха (1747) его войска испытывали острый недостаток в продовольствии, цены на которое систематически и неуклонно повышались.

Так, в 1742 г. тебризский батман ячменя стоил 1 тыс. динаров, батман муки — 2 тыс., «да и того негде взять» [94], в 1743 г. стоимость батмана муки повысилась до 3—4 тыс. динаров [95]. Воины из-за отсутствия денег «все от мала до велика друг другу должны и все обнищали» [96]. Голодали не только рядовые, но и военачальники. Многие из них продавали за бесценок золотые и серебряные украшения, «да и на то купцов нет... и каждый не о корысти печется, а о соблюдении жизни своей» [97]. Голод в лагере усугублялся спекуляцией шахских купцов, которые отказывались продавать продовольствие по нормальным ценам. Весьма интересен случай, приводимый Мухаммедом Казимом: несколько купцов доставили в шахский военный лагерь товары, но не продавали их, ожидая повышения цен. Когда этого не произошло, они так и уехали со своими товарами обратно. В пути из-за страшной жажды и зноя они вынуждены были поить скот

[91] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1738, д. 7, л. 204.

[92] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1740, д. 6, л. 48, 49; 1745, д. 18, л. 584; 1747, д. 3, 5, л. 273, 145 и др.

[93] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1743, д. 3, л. 930.

[94] Там же, д. 5, ч. II, л. 259; 1742, д. 4, л. 250.

[95] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1743, д. 3, ч. I л. 346.

[96] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1742, д. 5, ч. II, л. 260.

[97] Там же, л. 296, 297.

лимонной водой, которую не хотели продавать на войсковом базаре, а другие товары им пришлось бросить, так как провезти их через пустыню было невозможно [98].

Вследствие частых эпидемий в войске умирали сотни и тысячи людей; моровая язва (чума), лихорадка, «волосатик» (раны на ногах), тяжелые желудочные заболевания — вот неполный перечень болезней, которыми страдали воины. В ноябре 1742 г. Братищев доносил из Дербента, что из двухтысячного отряда он «ни одного бодрого и в здоровых знаках приметить не мог» [99].

В своих военных неудачах и разорении страны Надир обвинял военачальников и чиновников и на основании только подозрения или доноса казнил их. Казни приняли огромные размеры. Так, очевидец писал: «ни единого города, ни волости не проходит, где бы командиров не казнили». Только за 14 марта 1747 г. было казнено тридцать человек, в том числе «четыре хана, трое султанов, выколото глаз двадцати человекам и такое ежедневно чинит без разбору, кто бы какова чину не был... Под Кирманом башня из голов зделана между четырех кирпичей по голове» [100].

Надир открыто заявлял о своем недоверии племенной знати Ирана и Азербайджана. Политическое могущество этой знати, ранее основанное на том, что подчиненные ей кочевые и полукочевые племена составляли подавляющее большинство в войске, было сильно поколеблено. В 40-х годах значительную часть войска стали составлять крестьяне, а также отряды афганских и узбекских наемников во главе с их ханами, которым шах отдавал предпочтение [101]. Положение афганцев и узбеков в войске было значительно лучше, чем представителей племен Ирана и Азербайджана. В то время как всему войску жалованье было уменьшено, афганцы и узбеки получали повышенные оклады, а афганцы — даже земли. Афганские и узбекские ханы не подвергались такому террору, как все остальные [102].

[98] Мухаммед Казим, *Тарих-и аламара-йи Надири*, т. II, л. 268.

[99] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1742, д. 5, ч. II, л. 577.

[100] Там же, д. 3, л. 249; д. 1, л. 119.

[101] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1743, д. 4, л. 642.

[102] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1747, д. 3, л. 249.

Завоевательная политика рассматривалась Надир-шахом и как средство централизации своего государства. Но, разумеется, войны, в которые вовлеклись кочевые племена и их знать, не могли способствовать прочному политическому объединению государства. Они лишь углубляли экономическую разруху и нарушали хозяйственные связи между областями государства. А с прекращением этих войн, приносивших богатую добычу, ханы племен потеряли заинтересованность в сохранении надирова государства и тяготились опекой шахской власти. Непрерывные восстания кочевых ханов, карательные экспедиции против мятежных феодалов — обычная картина политической жизни государства Надир-шаха в 40-х годах XVIII в.

Потеря Надиром поддержки военно-феодальной знати кочевых племен и других групп господствующего класса означала сужение классовой базы его правления и сыграла большую роль в падении его власти.

Острое недовольство военно-феодальной знати результатами внешней и внутренней политики Надир-шаха наглядно проявилось в заговоре военной знати 1747 г., положившем конец его жизни.

Разорение крестьянского хозяйства сказалось весьма отрицательно на благосостоянии другой группы господствующего класса — феодальной гражданской бюрократии. Чиновная знать своими доходами непосредственно или через налоговое ведомство была связана с феодальной эксплуатацией крестьянства. В связи с сокращением доходов от крестьянского хозяйства, уменьшились и доходы чиновников. Многие из них, имевшие ассигновки (хавалэ, берат), не могли получить жалованье, так как население деревень, будучи не в состоянии нести крайне тяжелое бремя высоких государственных налогов, покидало поля и жилища и скрывалось в горах. Таким образом, возможность грабежа чиновниками крестьян была почти пресечена.

Ответственность за сбор налогов и штрафов по приказу Надира возлагалась на финансовых чиновников и правителей областей. В тех случаях, когда они не могли собрать полностью всех налогов, разница взыскивалась с них самих. Так, в 1747 г. в Гиляне при наложении больших податей чиновник, который нес ответственность

за их полный сбор, из опасения, что недостающая часть будет неизбежно взыскана с него (как это обычно практиковалось), решил присоединиться к восставшим шемахинцам [103].

В связи с упадком шелководства и сокращением торговли доходы таможни в Реште резко уменьшились: «...по таможне был великий недобор». Этот недобор должны были уплатить чиновники таможни, которые знали, что «шах-де им не уступит из того положенного окладу ни одной копейки и не примет от них тех резонов, каковых и представить им невозможно, что ныне торг за разорением купцов пресекается» [104].

Чиновников, не собиравших полностью податных сумм или подозреваемых в казнокрадстве, часто казнили без всякого разбирательства. Так был ослеплен заведующий сборами налогов Мервской области [105], казнены финансовые чиновники в Хорасане, Азербайджане и других областях [106].

Представители высшей феодальной бюрократии подвергались крупным денежным штрафам, их часто смещали с занимаемых постов и конфисковали все имущество в пользу шаха. Очевидец сообщал, что чиновников, ведавших финансами областей, «шах непрестанно сменивает и имения описывает на себя» [107].

Характеризуя положение высшей гражданской бюрократии, современник писал: «Обо всех здешних господах сказать можно, что ни одного нет, который бы корыстью одержим не был, понеже при нынешнем правлении они никакого дохода себе не имеют, к тому ж шах их вконец обирает. Одними взятками себя пробавляют» [108].

Обираемые шахом, испытывающие острую нужду в деньгах, некоторые из должностных лиц нередко обращались за помощью к русскому резиденту в Иране: так, из дома хана Хулефы, бывшего послом в России, часто приходили к резиденту Калушкину за деньгами, «ибо же-

[103] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1747, д. 5, л. 172, 173.
[104] Там же, д. 1, л. 140.
[105] Мухаммед Казим, *Тарих-и аламара-йи Надири*, т. II, л. 167.
[106] Там же, л. 239, 240, 268 и др.
[107] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1733, д. 7, л. 11.
[108] Там же, д. 8, л. 470.

ны его с голоду помирают и другие знатные в таком мизерном состоянии быть имеют»[109].

Кроме того, представители феодальной бюрократии были тесно связаны с торговлей и имели доходную недвижимость в различных городах (караван-сараи, лавки, бани). Поэтому упадок городской жизни и резкое сокращение торговли также ударили по доходам чиновной знати.

Попытки шахской власти ограничить влияние отдельных представителей чиновной знати, контроль за их деятельностью, варварские методы борьбы с произволом и казнокрадством не могли привести даже к относительному упорядочению и укреплению государственного аппарата. В конечном счете Надир лишь восстановил против себя феодальную бюрократию.

Оппозиция этой группы господствующего класса также означала сужение социальной базы власти Надир-шаха.

Политика Надира в области религии, его попытки объединить шиитский и суннитский толки ислама, конфискация части вакфного имущества, стремление использовать высшее шиитское духовенство, ограничив его влияние и превратив его в послушное орудие,— все это вызывало острое недовольство духовенства политикой шаха-узурпатора.

Деспотизм Надира не имел пределов.

Мехди-хан в одной из последних глав своего сочинения рисует картины дикого террора, казней, пыток, которым Надир подвергал подданных — феодалов и крестьян[110]. Шейх Мухаммед Али Хазин, будучи уже в Индии, слышал от многих паломников, возвратившихся из Хиджаза, об ужасающем терроре, царившем в Иране, о неизъяснимом страхе, в котором пребывало все население страны[111].

«От шаха не что иное во всем персидском государстве учреждается, как несносные денежные грабежи с подданных всякого звания,— сообщал В. Братищев,— при тиранском мучении продолжаются и военным людям над-

[109] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1736, д. 8, л. 471.
[110] Мехди-хан, *Тарих-и Надири*, стр. 262—264.
[111] *«The life of Sheikh Mohammed Ali Hasin...»*.

лежащие оклады удерживаются; сыменитых же разного чина персон неуравненные штрафы с казнию и наказанием берутся. Одним словом, нет в Персии ни одной души, которая бы от Надира горестно не страдала. И от таких нестерпимых изнурений столько иранский народ несказанно озлоблен, что на каждый час от всевышнего бога избавление себе просит, и ежели бы постороннюю твердую надежду усмотрел, тогда с радостию против шаха возможные подвиги являть готов был»[112].

Дикий террор шахской власти современники сравнивали с ужасами опустошительных завоеваний Чингисхана, Хулагу-хана, Тимура. В. Братищев писал еще в марте 1744 г. из Хамадана: «...(Надир.—*М. А.* и *К. А.*) думает наижесточайшее и многотысячное в разных местах поголовное персицкому народу вырубление учинить, по примеру древних туркестанских властелинов Чингисхана, Гелаку-хана и Теймурленка, которые каждый в свое время при овладению Персиею столько кровопролития причинили, что от того множайшие города и провинции тогда в конец опустели»[113].

Чапары, прибывавшие в Хорасан из лагеря Надир-шаха, рассказывали о том, что население всех областей государства обложено огромными налогами, взимание которых сопровождается всевозможными жестокостями, а большинство хакимов и султанов Азербайджана, Ирака, Кермана и других областей отвернулись от шаха. «Мы заметили, — говорили чапары, — что правление Надира не обладает прочностью и пришло к своему концу»[114].

Ценой кровавых расправ, истребления десятков тысяч людей Надир-шах надеялся сохранить власть в своей лоскутной державе, находившейся в состоянии глубокого экономического упадка. Однако массовый террор и военное подавление свидетельствовали о его бессилии перед широкими освободительными движениями, классовыми выступлениями народа и феодальной анархией.

Двинувшись на подавление восстаний в Систане и Хабушане, Надир отправил свой гарем и сокровища в Ке-

[112] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1746, д. 7, л. 265.
[113] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1744, д. 3, л. 154, 155.
[114] Мухаммед Казим, *Тарих-и аламара-йи Надири*, т. III, л. 247.

лат. Под Кучаном он разбил лагерь. В течение нескольких дней Надир держал при себе оседланную лошадь на случай бегства. Однажды, по данным Базена [115], Надир пытался бежать в Келат, но группа воинов задержала его, заверяя в верности и готовности до конца служить ему. Однако через несколько дней Надир раскрыл заговор, во главе которого стоял Мухаммед Кули-хан, начальник шахской гвардии, Салах-хан и другие афшарские ханы. Чтобы спастись, Надир решил предупредить заговорщиков, устроив поголовное избиение афшарских и других ханов. Это должен был осуществить 4-тысячный конный отряд под командованием Гани-хана и Ахмед-хана абдали. Но о намерении шаха стало известно Мухаммед Кули-хану и другим заговорщикам, которые той же ночью (19 июня 1747 г.) ворвались в шахскую палатку, где разыгрался рукопашный бой между Надиром и несколькими заговорщиками. Во время этой схватки, после долгого сопротивления, Надир был убит. Его голову мятежные ханы отправили в Герат, где в это время находился племянник Надира Али Кули-хан, короновавшийся впоследствии под именем Адил-шаха.

Афганский конный корпус вступил в бой с войсками ханов. Но явный перевес сил был на стороне последних. Ахмед-хан направился в Кандагар, где объявил себя независимым шахом Афганистана.

После убийства Надира его государство распалось на ряд самостоятельных феодальных владений, правители которых вели между собой кровопролитную борьбу, продолжавшуюся (с некоторым перерывом в 60—70-х годах, в период правления Керим-хана зенда) вплоть до конца XVIII в.

[115] «Lettres édifiantes ...», p. 311—316. Ход военного заговора мы излагаем по сочинению Базена, так как он в течение последних лет правления Надира находился постоянно при нем в качестве придворного лекаря, а во время убийства шаха был в лагере под Кучаном.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как уже отмечалось, разорение крестьянского хозяйства в Иране, начавшееся во второй половине XVII в., привело к общему упадку экономики, явившемуся причиной обострения противоречий — как классовых, так и внутри класса феодалов. Восстание 1709 г. афганского племени гильзаев против власти сефевидских правителей окончилось победой повстанцев.

Воспользовавшись упадком сефевидской державы, вожди афганских племен в 1721 г. организовали и предприняли поход в Иран. В 1722 г. Исфахан был взят, а сефевидский шах Хусейн передал свою корону Мир-Махмуду. Одновременно Турция захватила пограничные провинции распавшейся сефевидской державы. В условиях господства афганских и турецких завоевателей происходило дальнейшее разрушение производительных сил страны. Хищническая налоговая эксплуатация, прямой грабеж, грубый произвол и религиозные преследования вызвали подъем широкого освободительного движения народных масс против чужеземного ига.

Правильно оценив создавшуюся обстановку, Надир Кули афшар, предводитель одной из феодальных группировок в Хорасане, явился в лагерь к сыну шаха Хусейна Тахмаспу, бежавшему из Исфахана в Астерабад. Подчинив и сплотив воинственные хорасанские племена, Надир выступил против афганцев и к 1730 г. изгнал их из Ирана. Военные действия его против турок также были весьма успешны: к 1731 г. он уже занял Керманшах, Хамадан и Тавриз. Однако без освободительного движения и поддержки широких народных масс Ирана Надир не смог бы так скоро добиться успеха в борьбе с завоевателями.

Несомненно, что с самого начала своей политической деятельности Надир руководствовался корыстными целями. Но вместе с тем сам факт изгнания чужеземных завоевателей привел к росту престижа и влияния Надира в различных кругах населения, что и помогло ему в 1736 г. инспирировать свое «избрание» шахом Ирана.

Феодалы поддерживали Надира по двум причинам. Во-первых, они были кровно заинтересованы в обузданиk народных масс, активность которых, возросшая во время освободительных войн против афганцев и турок, внушала им серьезные опасения. Для подавления и угнетения крестьян, восстававших против налогового гнета, феодальный класс нуждался в сильном аппарате принуждения. Во-вторых, в условиях экономического упадка, разорения и неплатежеспособности непосредственных производителей война и ограбление других народов и стран выдвигались феодальным классом как важнейший источник доходов. Вдохновителем и организатором этих завоевательных походов выступал Надир.

Придворные историографы скрывали истинные причины военных походов. Так, поход в Индию они объясняли желанием Надира отомстить Великому Моголу, принимавшему беглецов из Ирана. Однако сам Надир весьма откровенно и цинично вскрывал грабительские цели своих походов. В одной из бесед с военачальниками он говорил: «...нужно такого государства искать, где бы нам была прибыль» [1].

Некоторые завоевательные походы Надира закончились успешно. Его войска одержали победы в Индии и Средней Азии.

Успехи Надира объяснялись не столько его военными способностями, сколько слабостью противников. Индия в эти годы переживала экономический и политический упадок, а Бухара и Хорезм, представлявшие собой отдельные феодальные ханства, были истощены постоянными междоусобицами. В войнах же с более сильными противниками Надир потерпел поражение (например, походы в Дагестан и война с Турцией 1743—1746 гг.).

В результате своих завоеваний (главным образом по-

[1] С. Соловьев, *История России с древнейших времен*, т. 21, Изд-во «Общественная польза», стр. 86.

хода в Индию) Надир захватил огромные богатства, которые он сосредоточил в сокровищницах крепости Келат и не расходовал. Огромные же средства, необходимые на ведение войн, содержание войска и чиновничьего аппарата, он стремился получить за счет усиления эксплуатации податного населения страны.

Народные массы в изучаемый период по-прежнему были бесправны. Прикрепленные к месту уплаты налогов и выполнения повинностей, они не могли самовольно покидать места жительства или кочевья и в то же время по приказу шаха часто насильственно переселялись в различные области страны.

Шахская власть не проявляла заботы об укреплении крестьянского хозяйства, повышении его производительности. Отдельные мероприятия по ремонту оросительных сооружений, возделыванию заброшенных земель были весьма ограничены и предпринимались в политических и военно-стратегических целях. Так, Мерв, военная база наступления на Хиву и Бухару, был превращен в богатый земледельческий округ.

Содержание аппарата управления и главным образом многочисленного войска всей тяжестью ложилось на плечи податного населения страны. Наиболее обременительными были поставки на войско продовольствия, фуража, обмундирования и вооружения. Причем налоговые ставки неоднократно и во много раз повышались. Сверх установленных податей назначались также и чрезвычайные сборы на войско.

Для ведения захватнических походов, уплаты жалованья воинам и должностным лицам требовались колоссальные денежные средства. Чтобы покрыть эти расходы, доля ренты-налога, ранее взимавшаяся натурой, по приказу Надира была частично заменена деньгами.

К. Маркс писал, что «превращение ренты продуктами в денежную ренту предполагает уже более значительное развитие торговли, городской промышленности, вообще товарного производства, а с ним и денежного обращения»[2]. При слаборазвитых товарно-денежных отношениях и бедственном положении крестьянства подобные мероприятия вели к дальнейшему его разорению.

[2] К. Маркс, *Капитал*, т. III, М., 1955, стр. 810.

Наряду с поставками на войско и уплатой денежных штрафов ра'ийяты и иляты платили подоходные и подушные подати и различные поборы, взимаемые по обычаю, а также сборы в пользу чиновников государственного аппарата, выполняли всевозможные повинности.

Как нам удалось установить, характерной чертой данного периода являлось широкое привлечение ра'ийятов к военной службе (чего не наблюдалось при Сефевидах). Вследствие этого от производительного труда отрывалось значительное число крестьян.

Важным документом для изучения налоговой политики Надир-шаха послужил шахский фирман 1151 г. х. о снятии некоторых налогов с части населения на три года. На основании этого фирмана и данных, приведенных в персидских нарративных источниках, удалось выяснить, какие основные подати и повинности существовали в государстве Надир-шаха, уточнить их терминологию, а также выявить некоторые из тех, которые ранее не встречались в источниках. Изучение текста упомянутого фирмана позволило опровергнуть установившееся в литературе мнение о том, что Надир-шах освободил на три года *все* население своего государства от уплаты *всех* налогов. Согласно фирману, многие подати и повинности, в том числе и самые обременительные — поставки на войско, не были сняты с населения. Ра'ийяты, сидевшие на землях халисэ и землях, пожалованных в тиул, от уплаты налогов не освобождались. А эти земли, как известно, составляли большую часть земельного фонда страны.

Кроме того, из материалов, приведенных в источниках, ясно, что даже льготы, предусмотренные фирманом, фактически в жизнь не проводились. Более того, налоговые ставки в ряде областей были во много раз увеличены.

Чтобы уплатить повышенные налоги, население вынуждено было отдавать не только весь прибавочный, но и большую часть необходимого продукта. Все это вело к дальнейшему разрушению крестьянских хозяйств, которые являлись основой экономики страны, и послужило причиной усиления общего экономического упадка.

В связи с разорением крестьянских хозяйств ремесленники лишались сырья, а купцы — многих товаров для

торговли. На ремесленников и торговцев также налагались большие денежные штрафы; кроме внесения этих штрафов, они были обязаны поставлять товары для шахского войска по низким ценам. Мятежи и восстания в самом государстве Надира, а также постоянные войны с соседними странами сокращали возможности внутренней и внешней торговли. Жизнь многих городов замерла. Цены на продовольствие возросли в несколько раз, в ряде областей страны начался сильный голод, сопровождавшийся эпидемиями. Русские дипломаты Братищев и Голицын писали: «Сама Персия со своими поселянами опустошена и куда ни заглянуть, везде бедность, нищенство, истощение» [3]. «...Елико касается до Иранского государства, то об оном от всех не иначе вижу, кроме, что везде правеж с тиранским мучением на шаха денег и голод» [4].

Естественно, что экономический упадок в государстве отразился на состоянии войска. Воины Надир-шаха не получали жалованья полностью и в срок, часто отстранялись от дележа добычи, наказывались и штрафовались. Они испытывали большой недостаток в продовольствии, обмундировании и вооружении.

Такое положение вызывало недовольство в войске, проявлявшееся в дезертирстве, бунтах, присоединении к восставшему населению.

Всемерно укрепляя шахскую власть, Надир ограничил права местных правителей и военачальников, увеличил (в основном за счет пожалований феодалам) фонд государственных и шахских земель. Он провел также ряд мер, направленных к ослаблению экономического положения и политического влияния высшего чиновничества и военачальников и усилению их зависимости от центра; было сильно подорвано и положение высшего шиитского духовенства. Кроме того, захватнические войны, приводя к разорению крестьян, в свою очередь вели к сокращению доходов феодалов. Недовольная политикой Надира значительная часть господствующего класса перешла в оппозицию шахской власти.

Таково было действительное положение в стране, в

---

[3] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1743, д. 3, л. 639.
[4] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1747, д. 3, л. 33.

основе своей противоречащее утверждениям придворных историографов и некоторых зарубежных ученых о том, что Надир якобы возвел Иран «от его низкого состояния до положения первой державы в Азии»[5].

Авантюристическая завоевательная политика Надира привела к дальнейшему усилению эксплуатации со стороны государства, бесконечным поборам и реквизициям, вызвала резкое обострение классовой борьбы, которая выражалась в массовом уходе ра'ийятов и илятов с мест жительства и кочевья, отказе от уплаты налогов и выполнения повинностей и, наконец, в народных восстаниях.

Классовая борьба в государстве Надир-шаха с каждым годом обострялась. И если в 30-е годы были широко распространены более пассивные методы борьбы народных масс — уход с мест жительства, отказ от уплаты налогов, присоединение масс к мятежам феодалов, то в 40-е годы основной формой борьбы стали народные восстания против шахской власти.

Наряду с освободительными движениями в областях с неперсидским населением, которые происходили и при Сефевидах, в исследуемый период в связи с резким усилением феодальной эксплуатации народные движения широко распространились и в самом Иране. В Астерабаде, Мазандеране, Фарсе, на побережье Персидского залива, в Гиляне, Систане вспыхивали народные восстания. Основная и непосредственная причина изучаемых восстаний и волнений, когда бы они ни возникали и в каких бы рамках ни происходили, заключалась в усилении налогового гнета. Так, современник и очевидец всех этих событий русский резидент в Иране Братищев в одном из донесений в Коллегию иностранных дел в 1744 г. справедливо отмечал: «Смятения не от чего иного, как от сурового и тиранского шахова правления происходят, ибо бесчеловечными всегдашними зборами и грабежом денежной суммы, хлебных запасов в натуре, платья на войско, вооруженных надобностей, пушечных снарядов, подвод к поставке провианта и подъему артиллерии, и привозу в лагерь означенного платья с другими казенными товарами и припасами, содержание почтовых ямов и иных множайших требований, в чем порядочного уложения нет, сколько персидский народ отягощен и изнурен, что тем к конечному искоренению подвергается»[6].

[5] L. Lockhart, *Hadir-shah...*, p. 1.

Как уже упоминалось выше, Мухаммед Казим также связывал многие восстания с наложением новых высоких податей.

Основной силой восстаний были ра'ийяты и иляты. Однако массы не выдвигали требований о перераспределении земельной собственности и передаче ее крестьянам, о социальном равенстве и т. п. Считая единственным виновником всех своих бед Надир-шаха, они выступали не против всей системы феодальной эксплуатации, в том числе и эксплуатации отдельными феодалами, а против усиления налогового гнета, проводившегося шахской властью. Поэтому свое оружие восставшие направляли на борьбу с представителями шахских властей, финансовыми чиновниками и сборщиками налогов.

Весьма характерно, что наиболее крупные восстания начались после введения нового налогового обложения в 1743 г. В течение 1743—1747 гг. непрерывно происходили восстания в Фарсе, Хузистане, Гиляне, Астерабаде, Мазандеране, Систане, на побережье Персидского залива.

Народным восстаниям 30—40-х годов в Иране были свойственны все слабости, присущие крестьянским движениям эпохи феодализма.

Повстанцы не имели четко выраженных целей, требований и программы действий, восстания были слабо организованы, стихийны. Даже те из них, которые происходили одновременно, не имели между собой действенной связи (например, восстания 1744 г. в Фарсе и Астерабаде).

И это не удивительно: в условиях феодальной разобщенности отдельных частей государства восстания не могли охватить сразу весь Иран.

Как указывает Энгельс, крестьянство в период крестьянских войн «проделывало свое движение на свой страх и риск, приходило вследствие этого в столкновение не только с консервативными, но и со всеми остальными

[6] АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1744, д. 3, л. 137.

оппозиционными сословиями и в конце концов должно было потерпеть поражение»[7]. Это высказывание вполне можно отнести и к государству Надир-шаха. Крестьяне, выступая против шахской власти, часто апеллировали к феодалам и к Турции (например, в Фарсе, Хое и Салмасе), что несомненно свидетельствует о слабости и стихийности восстаний.

Участие в народных восстаниях представителей некоторых групп господствующего класса объяснялось их недовольством внутренней и внешней политикой Надир-шаха и стремлением использовать восстания для улучшения своего экономического положения и политического влияния.

Феодалы, примыкавшие к восставшим, в подавляющем большинстве изменяли повстанцам и шли на сговор с шахом. Объединение ра'ийятов и илятов с феодалами не могло быть длительным и прочным, ибо их цели были различны. Народные массы выступали против усиления налогового гнета; их борьба объективно была направлена против авантюристической политики Надира. Феодалы же тяготились опекой шаха и стремились к увеличению своей доли при эксплуатации податного населения.

Слабая организованность, стихийность и локальность восстаний, а также отсутствие руководителей, последовательно боровшихся за интересы народа, внутренние противоречия среди повстанцев и предательства феодалов — все это предрешало судьбу восстаний.

Кровавая расправа, разорения и грабежи, сопровождавшие подавление восстаний, крайне отрицательно сказались на состоянии областей, охваченных движениями. Каратели наносили крестьянскому хозяйству разрушительные удары, от которых оно не могло оправиться в течение многих лет. Однако, несмотря на подавление, эти восстания сыграли крупную историческую роль, так как они препятствовали осуществлению дальнейших завоевательных планов, подрывали силы феодальной державы Надира и являлись одной из причин ее распада.

Вследствие завоевательных войн, которые вел Надир-

[7] Ф. Энгельс, *Крестьянская война в Германии* (К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 7, М., 1956), стр. 435.

шах в течение 30-х и 40-х годов, он образовал огромную державу. В ее состав насильственно были включены Армения, Грузия, Азербайджан, Афганистан, часть Дагестана, Хивинское и Бухарское ханства и северо-западные области Индии. Одна часть завоеванных земель была превращена в провинции государства Надир-шаха, другая — существовала на правах вассальных территорий.

Насильственное подчинение Надиром различных народов и стран и объединение их в рамках одного феодального государства было связано с жестокой эксплуатацией, кровавым подавлением освободительной и классовой борьбы народов. Все это крайне отрицательно сказывалось на состоянии производительных сил покоренных стран и тормозило экономический и культурный прогресс этих народов.

В 40-х годах XVIII в. области государства с неперсидским населением были охвачены освободительными движениями: в Грузии в течение 10 лет (1735—1744) происходили серьезные восстания против шаха, результатом которых был отказ Надира от попытки превратить Грузию в провинцию, управляемую шахским чиновником; Афганистан стал ареной непрерывных восстаний племен. Мощное освободительное движение развернулось в Дагестане, Азербайджане и в Средней Азии.

Наиболее активными участниками освободительной борьбы были крестьяне, трудящиеся слои городского населения, рядовые кочевники. В этих движениях принимали участие и феодалы (обычно в роли руководителей).

Однако боязнь размаха народного восстания и опасения (в случае поражения его) потерять все или часть привилегий нередко приводили феодалов к примирению с шахской властью.

Освободительные движения против шахского ига сыграли положительную роль в исторических судьбах этих народов.

Многолетние и безуспешные попытки Надира подавить освободительную борьбу и народные движения способствовали разложению шахского войска, падению его боеспособности.

Силы иранского феодального государства были исчер-

паны, оно задыхалось в тисках общественно-политического и экономического кризиса.

Народные восстания в Иране и освободительные движения покоренных народов, а также переход в оппозицию шахской власти большой части господствующего класса привели к изоляции Надира. В июне 1747 г. он был убит в результате заговора некогда верных ему военачальников. После смерти Надира держава его распалась и в Иране началась полоса междоусобиц, длившаяся с некоторым перерывом до конца XVIII в.

Таким образом, на основании приведенных в работе фактов можно судить о грабительском характере не только внешней, но и внутренней политики, проводившейся Надир-шахом. Вся история возникновения, развития и падения державы Надира подтверждает марксистско-ленинское положение о решающем значении экономических условий и роли народных масс в истории общества.

ВЕДОМОСТЬ СКОЛКО С ЧЕГО И В КОТОРЫХ МЕСТАХ В ПЕРСИИ БЕРЕТСЯ ПОШЛИН ИЛИ ВМЕСТО ОНЫХ РАХТАРОВЪ[1].

Рахтаров съ едущих из рящи до мечети

В Ряще с катырных и лошединых парчевыхъ вьюков по одному рублю по дватцети копеекъ с ышечьихъ вьюков парчевых же по шестидесять копеекъ.

Потому жъ числу берется на нижеозначенных четырехъ заставахъ, а имянно в Кутуме, в Нуглебаре, в Менджиле и в Казбине;

В Тегране с каждого катырного и лошадинаго парчеваго вьюка по десяти копеекъ с ишечьего по пяти копеекъ, с весоваго жъ товара, яко то съ семя канцелярного и краски брусковой с каждого лошединого и катырнаго вьюка по пяти копеекъ, съ ишечьего по две копейки с половиною;

В Сымране В Тамгаре В Шеруте В Меймане В Себзваре В Нешабуре	Во всех оных местахъ берется как выше написано, в Тегране а имянно с каждого катырного и лошединого парчеваго вьюка по 10 копеекъ, съ ишечьего по 5 копеекъ, с весоваго ж товара с каждого лошединого и катырнаго по 5 копеекъ, с ишечьего по две копейки с половиною.

А из Нешабура с привозных товаровъ в Мечете по оценке берется пошлина, именуемая по персидски..., а имянно: с парчеваго товара съ 1000 рублевъ по 25 рублевъ, а с весоваго товара съ 1000 рублев по 30 рублевъ.

Съ едусчих из Рящи до Мечети чрез Гемеданскую дорогу.

На четырехъ заставах яко то, в Кутуме, Нуглебаре, Менджиле, Казбине, берется рахтарных денегъ с каждого катырнаго и лошединаго парчеваго вьюка какъ вы-

---

[1] Документ хранится в АВПР, ф. «Сношения России с Персией», 1745, д. 18, л. 773—776. (Фрагмент документа публикуется на стр. 73.

ше означено по одному рублю по дватцети копеекъ, с ишечьяго по шестидесят копеекъ, с весоваго ж товара с каждаго лошединого и катырнюго по пяти копеекъ, а с ышечьяго по две копейки с половиной,

В Хоремдаре или Абгаре в Сазенли Гемедане В Тегране В Сымране В Тамгаре В Шеруте В Мезилане В Себзваре В Нешабуре	Во всех же оных местахъ берется рахтаровъ с каждого вьюка какъ и выше написано на стоясчих от Рящи по дороге четырехъ заставах, а имянно с каждого катырного и лошединаго парчеваго вьюка по десяти копеекъ, съ ишечьего по пяти копеекъ, с весоваго ж товара с каждого лошединаго и катырнаго вьюка по пяти копеекъ, а съ ишечьего по две копейки с половиною.

А из Нешабура в Мечете с привозимых товаровъ берется пошлина толко по оценке, какъ и выше написано, а имянно с парчеваго товара съ 1000 рублевъ по дватцети по пяти рублевъ, а съ весоваго товару съ 1000 рублевъ по тритцети рублевъ.

Съ едусчихъ от Рящи до Тевриза по первой дороге чрез Ардевиль

В Ряще, в Лашемадане, в Кесме, и в Кескере — на всехъ оныхъ заставах берется рахтэрных денегъ, а имянно: в катырнаго и лошединаго парчеваго вьюка по сороку копеекъ, съ ишечьяго по дватцети копеекъ, с весоваго ж товара с каждого лошединаго и катырнаго вьюка по дватцети копеекъ, съ ишечьяго по десяти копеекъ.

С них в Бендларе с каждого лошединаго и катырного парчеваго вьюка по тритцети и по сороку копеекъ, с ышечьяго по пятнатцети и по дватцети копеекъ, с весоваго ж товара с катырнаго и лошединаго вьюка по дватцети копеекъ, съ ишечьяго по десяти копеекъ.

в Ардевиле с каждаго лошадинаго и катырнаго парчеваго вьюка по сороку копеекъ, с ишечьего по дватцети копеекъ, с весоваго жъ товара с каждого лошединаго и катырнаго вьюка по пятнатцети копеекъ, съ ишечьего по десяти копеекъ;

в Саруфе с каждого лошединаго и катырнюго парчеваго вьюка по дватцети копеекъ, съ ишечьяго по 10 копеекъ, с весоваго жъ товара с каждого лошединого и катырного вьюка по 10 копеекъ, съ ишечьяго по пяти копеекъ.

В Тевризе жъ с привозимых товаровъ берутся какъ рахтарные деньги, а имянно: с каждого лошединого и катырного парчеваго вьюка по одному рублю и по рублю по дватцети копеекъ, а съ ишечьяго по 50 и по 60 копеекъ, так и пошлины, а имянно: по оценке съ 10 рублевъ по 30 копеекъ.

Из Рящи до Тевриза по второй дороге

В Ряще, в Лашемадане, в Кесме и в Кескере на всех оных четырехъ заставах берется рахтаровъ с каждаго вьюка, а имянно: с катырного и лошединаго парчеваго по 40 кспеекъ, съ ишечьего по 20 копеекъ, с весоваго ж товара с каждаго лошединого и катырного вьюка по дватцети копеекъ, съ ишачьего по десяти коппекъ;

в Гируфе с лошединого и катырного парчеваго вьюка по 20 копеекъ, а съ ишечьяго по 10 копеекъ, с весоваго ж товара с каждого лошединого и катырнаго вьюка по 15 копеекъ, а съ ишечьего вьюка по 10 копеекъ;

в Мияне ат с катырного и лошединого парчеваго вьюка по 20 копеекъ, а съ ишечьего по 10 копеекъ, с весоваго ж товара с каждого лошединого и катырного вьюка по 15 копеекъ, а с ышечьего вьюка по десяти копеекъ, а из Мияне ат с привозимых товаровъ в Тевризе по оценке какъ выше значитъ съ 10 рублевъ по 30 копеекъ.

Съ едущих из Рящи до Гиспогани

В Ряще, в Кутуме, в Нуглебаре, в Менджиле с каждого катырного и лошединого парчеваго вьюка по одному рублю по дватцети копеекъ;

В Казвине и в Дезеренде с каждого катырнюго и лошединаго вьюка парчеваго по 20 копеекъ, съ ишечьяго по 10 копеекъ, да и с весоваго товара потому жъ;

в городе Куме и в Кашане с каждого катырного и лошединого вьюка парчеваго по 40 копеекъ, съ ишечьяго по 20 копеек, и съ весоваго потому жъ;

в Мучабуре или вместо того в Гиспогане в одном месте в томъ или другом берется рахтаровъ против вышеописанного города Кума и Кашана, с привозимых же в

Гиспоган товаровъ, по оценке пред сим биралось съ 1000 рублевъ по десять рублевъ, а ныне по 18 рублевъ, кроме рахтара пошлин берется.

Шемахинские рахтары

В Шемахе съ верблюжьихъ съ шелковыми и парчевыми товары вьюковъ берется по 1 рублю по 50 копеекъ, с весоваго прочих товаровъ с каждого верблюжьего вьюка по 60 копеекъ, съ воловаго вьюка по 30 копеекъ,

В Баке с верблюжьих с такими ж товары вьюковъ берется по пятидесятъ по две копейки, с валоваго по дватцети копеекъ и по дватцети по пяти копеекъ.

С привозимаго к бакинской пристане на судах товара берется рахтаровъ.

Съ суконной тай по 22 копейки пошлины жъ биралось в Баке на пред сего с каждой тай суконной по 25 рублевъ и по 35 рублевъ, а ныне берется по 45 рублевъ;

с протчего ж товара яко с семя канцелярного, с краски брусковой, съ юфти, съ холста, съ сандалу и протчего тому подобнаго по оценке съ 1000 рублев по 50 рублев.

С отпускнаго из Шемахи в Дербентъ товара

С верблюжьего вьюка по 1 рублю по 30 копеекъ, а с лошединого валоваго вьюка по 1 рублю,

в Дербенте рахтаров берется с каждого верблюжьего вьюка по 1 рублю по 2 копейки с лошединого и воловаго и съ катырного вьюка по одному рублю;

с привозимого же к Дербенской пристани на судах товара берется рахтаровъ с каждой тай по 5 рублевъ с мыла с куска по 12 копеекъ с половиною, с мыла и с сала с каждой кадки по 50 копеекъ, с вина с каждой сороковой бочки по 50 копеекъ и с каждой бочки по нескольку вина,

а в Ряще пошлина берется с привозных из России и ис персидских местъ товаров с провозу по пяти копеекъ с рубля, а с отпуску не берется, рахтарные денги с привозу и отвозу всегда платятся какъ выше о том изъяснено.

Секретарь Василей Чирикеев.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

БИБЛИОГРАФИЯ

Труды основоположников марксизма-ленинизма

Маркс К., *Капитал*, т. III, М., 1955.

Маркс К., *Письмо к Энгельсу от 2 июня 1853 г.* (К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XXI, изд. 1).

Маркс К., *Письмо к Энгельсу от 25 сентября 1857 г.* (К. Маркс, Ф. Энгельс, Избранные произведения в двух томах, т. II, М., 1948).

Маркс К., *Формы, предшествующие капиталистическому производству*, М., 1940.

Маркс К., *Хронологические выписки*, тетради I—III («Архив Маркса и Энгельса», тт. V—VII, М., 1938—1940).

Энгельс Ф., *Избранные военные произведения*, т. I—II, М., 1956.

Энгельс Ф., *Крестьянская война в Германии* (К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 7, изд. 2, М., 1956).

Энгельс Ф., *О разложении феодализма и развитии буржуазии* (К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XVI, ч. I, изд. 1).

Энгельс Ф., *Письмо к Марксу от 6 июня 1853 г.* (К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XXI, изд. 1).

Энгельс Ф., *Происхождение семьи, частной собственности и государства*, М., 1953).

Ленин В. И., *Развитие капитализма в России* (Сочинения, т. 3, изд. 4).

Ленин В. И., *О государстве* (Сочинения, т. 29, изд. 4).

Источники

АВПР, ф. «Сношения России с Персией», дела за 1723—1747.

АВПР, ф. «Сношения России с Бухарой», приказные дела новых лет.

ЦГАДА, «Журнал А. Волынского, Персидские дела 1715—1718 гг.», № 2.

ЦГВИА, «Журнал русского коменданта в Дербенте полковника Юнгера», ф. ВУА 18—472 (Извлечения из Кизлярского архива 1722, 1728, 1731).

ЦГВИА, «О заведении регулярных войск в Персии», составлен капитаном П. Ермоловым, ф. ВУА 50—077.

Государственное хранилище рукописей Арм. ССР (Матенадаран) «Персидские официальные документы XVI—XVIII вв. дивана Эчмиадзинского католикоса».

محمد کاظم، تاریخ عالم‌آرائی نادری.
(Отдел рукописей Института востоковедения АН СССР, т. I—III, д-430).

«Акты, собранные Кавказской археографической комиссией» (АКАК), под ред. Ад. Берже, т. I—III, Тбилиси, 1866 и следующие годы.

Бакиханов-Кудси Аббас-Кули-ага, *Гюлистан-Ирам*, Баку, 1926.

[Братищев В.], *«Известия о происшедших между шахом Надыром и старшим его сыном Риза Кулы-мирзою печальных приключениях в Персии в 1741—1742 гг., ныне сообщенное сочинение канцелярии советника Василия Братищева»*, СПб., 1763.

Бутков П. Г., *Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г.*, т. I—III, СПб., 1869.

Гербер И. Г., *Известия о находящихся с западной стороны Каспийского моря, между Астраханью и рекой Курой народах и землях и их состоянии в 1728 г.* («Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие», 1760, июль—октябрь).

Гиляненц Саргис, *Дневник осады Исфагана афганцами* («Записки Имп. Академии наук», т. XVIII, приложение 3, СПб., 1870).

Ереванци Абраам, *История войн 1721—1736 гг.*, Ереван, 1939.

Зевакин Е. С., *Азербайджан в начале XVIII в. (Извлечения из дневника А. П. Волынского).* («Известия Общества обследования и изучения Азербайджана», вып. IV, Баку, 1929, № 8).

«Колониальная политика российского царизма в Азербайджане в 20—60-х годах XIX в.», т. I и II, М.—Л., 1936—1937.

Лерх И., *Путешествие 1733—1735 гг. из Москвы в Астрахань и по странам, лежащим на западном берегу Каспийского моря* («Новые ежемесячные сочинения», ч. 43, СПб., 1790).

«Материалы архивов министерств иностранных дел Англии, Австрии и Франции», изданные в «Сборниках Императорского российского исторического общества», т. 3, 49, 56, 69, 76, 85, 96, 103 и др.

«Материалы по истории Грузии», Тифлис, 1895.

«Материалы по истории туркмен и Туркмении», т. II, М.—Л., 1938.

«Очерк расстройства Персии перед появлением Надир-шаха» («Московский наблюдатель», 1838, т. 14).

«Передняя Азия в документах», кн. I (Нахичеванские рукописные документы XVII—XIX вв.), персидский текст, русский перевод и комментарий под ред. Ю. Н. Марра, Тбилиси, 1936.

«Персидские документы Матенадарана», вып. I, Указы XV—XVI вв., сост. А. Д. Папазян, историческая редакция М. С. Хасратяна и Л. С. Хачикяна, Ереван, Изд-во АН Армянской ССР, 1956 (на русском, армянском и персидском языках).

[Решетов С.], *«История о персидском шахе Тахмас Кулы хане, с французского на российский язык переведенная ассесором Степаном Решетовым»*, СПб., 1790.

«Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа», т. I—III, М., 1833—1838.

«Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. 46, Махач-Кала, 1929.

[Соймонов Ф. И.], *«Описание Каспийского моря и чиненных на оном российских завоеваний, яко часть истории государя императора Петра Великого, трудами тайного советника, губернатора Сибири Ф. И. Соймонова»*, СПб, 1763.

«Указы кубинских ханов». Персидский текст, русский перевод и комментарий, Тбилиси, 1937.

Шемахеци Акоп, *Походы Тахмасп Кули-хана (Надир-шаха) и избрание его шахом* (перевод С. Тер-Аветисяна), Ереван, 1932.

Abd-al-Karim Kashmiri, *Voyage de l'Inde à la Mekke. Ext. et trad. par L. Langles*, Paris, 1797.

Chardin, *Voyages du chevalier Chardin en Perse et autres lieux*, t. I—V, Paris, 1830.

«A chronicle of the carmelites in Persia and the papal mission of the XVII and XVIII centuries», London, 1939, vol. I—II.

Emin J., *Life and adventures of Emin J.*, London, 1792.

Fraser James, *The history of Nadir shah, formerly called Thamas Kuli khan*, London, 1742.

Jones William, *Histoire de Nadir Chah connu sous le nom de Thahmas Kuli Khan, empereur de Perse*. Trad. d'un manusrit persan, London, 1799.

Hanway Jonas, *An historical account of the British trade over the Caspian sea: woth the authors journal of travels from England through Russia into Persia, and back through Russia, Germany and Holland*, vol. I—II, London, 1754.

Hanway Jonas, *Beschreibung seiner Reisen von London durch Rußland nach Persien, Hamburg und Leipzig*, Bd. I—II, 1754.

Krusinski J. B., *Histoire des révolutions de Perse*, vol. I—II, Paris, 1729—1742.

[Lerch J. J.], *«Auszug aus dem Tagebuch von einer Reise, welche D. Johann Jacob Lerch von 1733 bis 1735 aus Moskau nach Astrachan und in die Ufer auf der Westseite des Caspischen Sees belegenes Landes gethan hat»* (Büschings «Magazin», Bd. III, Hamburg, 1769).

[Lerch J. J.], *«Nachricht von der zweiten Reise nach Persien, welche der Keisereliche Russische Collegienrath J. J. Lerch von 1745 bis 1747, gethan hat»* (Büschings «Magazin», Bd. X, Hamburg, 1776).

«Lettres édifiantes et curieuses, écrites des missions étrangères», t. IV, nouv. éd., Paris, 1780.

Mahammed Ali Hekmat, *Essai sur l'histoire des relations politiques irano-ottomanes de 1722 à 1747*, Paris, 1937.

Mamie-Clairac, *Histoire de Perse*, Paris, 1750.

[Du Mans], *«Etat de la Perse, en 1660 per le p(ere) Raphael du Mans»*. Publié avec notes et appendice par Ch. Scheller, Paris, 1890.

Otter, I., *Voyage en Turquie et en Perse, avec une relation des expéditions de Thomas Koulikhan*, vol. I—II, Paris, 1748.

Picault Sh., *Histoire des révolutions de Perse* t. I—II, Paris, 1810.

[Sheikn Hasin], *«The life of Sheikh Mohammed Ali Hasin, written by himself»*, ed. by F. S. Bellour. Persian text with an english translation, London, 1830—1831.

«*Tadhkirat al-muluk, a manual of Safavid administration*». Persian text. Transl. and explained by V. Minorsky, Cambridge, 1943.

Tavernier J. B., *Les six voyages de J. B. Tavernier*, vol. I—II, Paris, 1676.

M. de Tienn, *Relation de Dourry Effendi*, Paris, 1810.

ابو الحسن بن محمد امين گلستانه مجمل تواريخ بعد نادرى
Leiden 1896

ميرزا محمد مهدى خان استرابادى، انشاء نامه، تبريز، ١٩٠٩.

ميرزا محمد مهدى خان استرابادى، تاريخ نادرى بمبئى، ١٧٤٩

Աբրահամ կաթողիկոս Կրետացի, Պատմութիւն անցիցն իւրոց և Նատրի շահին պարսից. Վաղարշապատ. 1870.

Զաքարիա Ագուլեցի. Օրագրություն. Երևան. 1938.

Կալվածագրեր և տնտեսական այլ գործարքների վերաբերյալ արխիվային վավերագրեր. Երևան. 1941.

Սիմեոն կաթողիկոս Երևանցի. Ջամբռ. Վաղարշապատ. 1873.

Տամրուր Կոչունց Հարություն. Թախմազ-կուլի. Գիտ. նյութերի ժողով. Երևան. 1941, էջ 100—123.

Դաշնագրություններ. Երևան. 1934, հ. 1—2.

Խաչատուր Ջուղայեցի. Պատմութիւն պարսից. Վաղարշապատ. 1905.

Исследования и справочные издания

Али-заде А. А., *Земельная политика ильханов в Азербайджане (XIII—XVI вв)* («Труды Института истории АН Азербайджанской ССР, т. I, 1947).

Али-заде А. А., *Социально-экономическая и политическая история Азербайджана в XIII—XIV вв.*, Баку, 1956.

Араратский Артемий, *Автобиография*, т. I—II, СПб., 1868.

Арунова М. Р., *Рост феодальной эксплуатации и борьба народных масс Ирана в 30—40-х годах XVIII в.* (Автореф. диссертации, Л., 1956).

Арунова М. Р., *Фирман Надир-шаха* («Советское востоковедение», 1958, № 2).

Арутюнян Б. М., *Крупное монастырское хозяйство в Армении в XVII—XVIII вв.*, Ереван, 1940.

Арутюнян П. Т., *Освободительное движение армянского народа в первой четверти XVIII в.*, М., 1954.

«Астраханские губернские ведомости», 1847, № 26—32.

Ашрафян К. З., *Антифеодальные движения в империи Надир-шаха Афшара в 40-х годах XVIII в.* («Ученые записки Института востоковедения АН СССР», т. VIII, 1953).

Ашрафян К. З., *Распад государства Сефевидов (1502—1722)* («Труды кафедры стран Среднего Востока МГУ», М., 1951).

Бартольд В. В., *К вопросу о феодализме в Иране* («Новый Восток», 1930, № 28).

Бартольд В. В., *К истории крестьянских движений в Персии* («Из далекого и недавнего прошлого», сб. в честь Н. И. Кареева, 1923).

Бартольд В. В., *К истории орошения Туркестана*, СПб., 1914.

Бартольд В. В., *Персидская надпись на стене анийской мечети Мануче* (Анийская серия, № 5), СПб., 1911.

Бартольд В. В., *Приложения к протоколу X заседания Отделения исторических наук и филологии Российской академии наук, 17 сентября 1919 г.* («Известия Академии наук по отделению общественных наук», ч. II, Пг., 1919).

Башарин Г. Н., *О патриархально-феодальных отношениях в Якутии в XVIII—XIX вв.* («Вопросы истории», 1955, № 3).

Беленицкий А. И., *К вопросу о социальных отношениях в Иране* (сб. «Советское востоковедение», т. V, 1948).

Беленицкий А. И., *К истории феодального землевладения в Средней Азии при Тимуридах (институт союргал)* («Историк-марксист», 1941, № 4).

Богданова Н. Г., *К вопросу о феодальной эксплуатации кочевников в Закавказском крае в первой трети XIX в.* («Исторический архив», т. II, М.—Л., 1939).

Будагов Л., *Сравнительный словарь тюрко-татарских наречий*, ч. I—II, СПб., 1869.

Владимирцов Б. Я., *Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм*, Л., 1934.

Джеваншир Г., *О политическом существовании Карабагского ханства в 1747—1805 гг.* [газ. «Кавказ» (Тбилиси), 1884, № 139, 150, 154, 161, 167].

Заходер Б. Н., *История восточного средневековья (Халифат и Ближний Восток)*, 1944, Изд. МГУ.

Заходер Б. Н., *Сиасет-нам»*, М.—Л., 1949.

Заходер Б. Н., *Хорасан и образование государства Сельджуков* («Вопросы истории», 1945, № 5—6).

Зевакин Е. С., *Азербайджан в начале XVIII в.* («Известия Общества обследования и изучения Азербайджана», Баку, 1929, вып. IV, № 8).

Зевакин Е. С., *Прикаспийские провинции в эпоху русской оккупации* («Известия Общества обследования и изучения Азербайджана», 1928, № 5).

Иванов М. С., *Очерк истории Ирана*, 1952.

Иванов П. П., *Архив хивинских ханов XIX в. Исследование и описание документов с историческим введением*, Л., 1940.

Иванов П. П., *Хозяйство джуйбарских шейхов*, М.—Л., 1954.

«История народов Узбекистана», Ташкент, 1940.

Кишмишев С. О., *Походы Надир-шаха в Герат, Кандагар, Индию и события в Персии после его смерти*, Тифлис, 1889.

Комаров В. В., *Персидские войны 1722—1725 гг.* («Русский вестник», 1867, № 54).

Козубский Е. И., *История города Дербента*, Темир-Хан-Шура, 1906.

Левиатов В. Н., *Очерки из истории Азербайджана в XVIII в.*, Баку, 1948.

Лысцов В. П., *Персидский поход Петра I*, М., 1950.

Миклухо-Маклай Н. Д., *Афганское нашествие в Иране* (канд. диссертация), Ташкент, 1945 г.

Миклухо-Маклай Н. Д., *Из истории афганского владычества в Иране* («Ученые записки ЛГУ», Л., 1954, № 179).
Миклухо-Маклай Н. Д., *О первом томе труда Мухаммеда Казима*, («Советское востоковедение», 1948, т. V).
Миклухо-Маклай Н. Д., *Рукопись «Аламā рā-и Нāдирī»* («Ученые записки Института востоковедения АН СССР», т. VI, 1953).
Миклухо-Маклай Н. Д., *Труд Мухаммед-Казима и его значение для истории Туркмении* («Известия Туркменского филиала Академии наук СССР», 1945, № 5—6).
Молчанов А. А., *К характеристике налоговой системы в Герате эпохи Алишера Навои* («Сборник статей об Алишере Навои», Ташкент, 1940).
Папазян А. Д., *Аграрные отношения в Ереванском ханстве в XVII в.* (канд. диссертация), Ереван 1954.
Пахомов Е. А., *Краткий курс истории Азербайджана*, Баку, 1923.
Петрушевский И. П., *Азербайджан в XVI—XVIII вв.* («Сборник статей по истории Азербайджана», вып. 1, Баку, 1949).
Петрушевский И. П., *Вакуфные имения Ардебильского мазара в XVII в.* («Труды Института истории им. А. Бакиханова Академии наук Азербайджанской ССР», т. 1, Баку, 1947).
Петрушевский И. П., *Восстание ремесленников и городской бедноты в Тебризе в 1573 г.* («Известия Азербайджанского филиала Академии наук, 1942, № 3).
Петрушевский И. П., *Иранские источники по истории Азербайджана в XVI—XVIII вв.* («Известия Азербайджанского филиала Академии наук, 1942, № 8).
Петрушевский И. П., *К вопросу об иммунитете в Азербайджане в XVII—XVIII вв.* («Исторический сборник», т. 4, М.—Л., 1935).
Петрушевский И. П., *К вопросу о прикреплении крестьян к земле в Иране в эпоху монгольского владычества* («Вопросы истории», 1947, № 4).
Петрушевский И. П., *Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI — начале XIX вв.*, Л., 1949.
Петрушевский И. П., *Персидские официальные документы как источник по истории феодальных отношений в Армении и Азербайджане в XVI — начале XIX вв.* («Проблемы источниковедения», кн. III, Л., 1940).
Петрушевский И. П., *Формы феодальной зависимости крестьян в Иране в XIII—XIV вв.* («Советское востоковедение», 1955, № 5).
Полиевктов М. А., *Европейские путешественники XIII—XVIII вв. по Кавказу*, Тбилиси, 1935.
Попов А. И., *Сношения России с Бухарой и Хивою при Петре I*, СПб., 1863.
Потапов Л. П., *Патриархально-феодальные отношения у народов Средней Азии* («Вопросы истории», 1954, № 8).
Рейснер И. М., *К вопросу о складывании афганской нации* («Вопросы истории», № 7, М., 1949).
Рейснер И. М., *Развитие феодализма и образование государства у афганцев*, М., 1954.
Рейснер И. М., *Роль афганцев в Индии* («Ученые записки Тихоокеанского института», М.—Л., 1949).

Синха Н. К., Банерджи А. Ч., *История Индии*, М. 1954
Соловьев С., *История России с древнейших времен*, т 21, Изд-во «Общественная польза», СПб.
Тамай А., *Борьба народов Дагестана за свою независимость (30—40-е годы XVIII в.)* (канд. диссертация), М., Институт истории Академии наук СССР, 1953.
Тер-Аветисян С. В., *Город Джуга. Материалы по истории торговых сношений джульфинских купцов XV—XVII вв.*, Тбилиси, 1937.
Тер-Мкртичян Л. Х., *Надир-шах и Армения* (канд. диссертация), М., Московский Государственный университет им. Ломоносова, 1948.
Чехович О. Д., *К истории Узбекистана XVIII в.* («Труды Института востоковедения Узбекской академии наук», 1954).
«Церковно-общественный сборник», 1878, № 94, 95.
Эзов Г. А., *Начало сношения Эчмиадзинского патриаршего престола с русским правительством*, Тифлис, 1901.
Эзов Г. А., *Сношения Петра Великого с армянским народом*, СПб., 1898.
Browne E. G., *A history of Persian literature in modern times (A. D. 1500—1924)*, Cambridge, 1924.
Durahnd M., *Nadir Shah*, London, 1908.
Hammer J., *Histoire de l'empire Ottomane*, vol. IV — XIV, Paris, 1836—1839.
Lockhart L., *Nadir shah, Critical study, based mainly upon contemporary sources*, London, 1938.
Minorsky V., *Esquisse d'une histoire de Nadir-Chah*, Paris, 1943.
Minorsky V., *A soyurghal of Qasim b. Jahangir Aq-Qoyunlu, 903/1498* («Bulletin of the School of oriental studies», vol. IX, part 4, 1939).
Minorsky V., *Tiyul* («Encyclopédie de l'Islam», Supplements, livre «M» bis).
لارودی نور الله زندگانی. نادر شاه پسر شمشیر. تهران، ۱۳۱۹
رضا قلی حدایت روضت، الصفائی نصری. طهران، ۱۷۵۹